

HSSB

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES BULLETIN

2022 | TOM 3, № 3 | VOL. 3, № 3

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2687-0320
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76509 от 02.08.2019

Журнал основан в 2019 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 650056, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 22а

ISSN 2687-0320

Адрес редакции и издателя:

650056, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 22а,
Тел/факс: (3842) 73-27-75,
e-mail: vogn@kemsma.ru

Адрес типографии:

650024, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Сибирская, д.35а, ООО «Принт», тел. (3842) 35-21-19

Периодичность: 4 раза в год.

Подписано в печать 28.11.22 г.
Дата выхода в свет 05.12.22 г.

Печать офсетная.

Тираж 900 шт.
Заказ № 989.

Полная версия журнала в электронном виде доступна на сайте Российской электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Распространяется по подписке.

Подписной индекс П3593 в каталоге «Почта России», 80843 в каталоге «Роспечать».

© КемГМУ, 2022

© Авторы научных статей, 2022

Все статьи проверены с помощью системы «Антиплагиат». Публикуются в авторской редакции.

Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Цена свободная.

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Главный редактор

- Шиллер Вадим Викторович, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)

Редакционная коллегия

- Абытов Байболот Капарович, д.и.н., профессор (Кыргызстан, Ош)
- Арапина Светлана Владимировна, к.и.н., доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Бадаев Евгений Васильевич, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Базаров Борис Ванданович, д.и.н., профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Республики Бурятия (Россия, Улан-Удэ)
- Барсуков Александр Михайлович, к.полит.н. (Россия, Новосибирск)
- Батиевская Вероника Богдановна, к.э.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор (Германия, Потсдам) (заместитель главного редактора)
- Белозерова Марина Витальевна, д.и.н., профессор (Россия, Сочи)
- Боровикова Злата Владимировна, к.и.н. (Россия, Кемерово)
- Ван Хаяйнь, старший советник Китайского института международных стратегических исследований
- Валиуллина Евгения Викторовна, к.псих.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Вильяр Баррос Оскар Хулиан, доктор исторических наук, профессор (Куба, Гавана)
- Горбатов Алексей Владимирович, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Грунина Людмила Петровна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Гукина Людмила Владимировна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово) (переводчик)
- Дзермант Алексей Валерьевич, к.филос.н. (Республика Беларусь, Минск)
- Дмитриева Софья Игоревна, к.и.н., доцент (Россия, Воронеж)
- Дронов Михаил Юрьевич, к.и.н., научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Россия, Москва)
- Ефремова Ольга Николаевна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Желтов Виктор Васильевич, д.филос.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Жиброва Татьяна Валерьевна, к.и.н., доцент (Россия, Воронеж)
- Звягин Сергей Павлович, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово) (научный редактор)
- Иванова Наталья Александровна, д.филос.н., доцент (Россия, Новокузнецк)
- Казьмина Маргарита Васильевна, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Ким Лидия Густовна, д.ф.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Коппенал Александр Яковлевич, политолог и публицист (Нидерланды, Лейден)
- Красиков Владимир Иванович, д.филос.н., профессор (Россия, Москва)
- Кремер Раймунд, немецкий политолог и главный редактор журнала Welt Trends, (Германия, Берлин)
- Кудряшова Ирина Анатольевна, д.э.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Курас Леонид Владимирович, д.и.н., профессор (Россия, Улан-Удэ)
- Ладислав Земанек, русист, доктор философии, Карлов университет (Чехия, Прага)
- Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Новосибирск)
- Леденева Виктория Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Москва)
- Маркедонов Сергей Мирославович, к.и.н. (Россия, Москва)
- Межуев Борис Вадимович, к.филос.н., доцент (Россия, Москва)
- Новиков Павел Александрович, д.и.н., доцент (Россия, Иркутск)
- Омеличкин Олег Викторович, д.полит.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Осадчий Михаил Андреевич, д.ф.н., профессор (Россия, Москва)
- Палин Алексей Владимирович, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Порхачев Василий Николаевич, к.филос.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Радченко Олег Анатольевич, д.ф.н., профессор (Россия, Москва)
- Ростова Наталья Николаевна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово) (заместитель главного редактора)
- Рязанова Олеся Евгеньевна, д.э.н., профессор (Россия, Москва)
- Садовой Александр Николаевич, д.и.н., профессор (Россия, Сочи)
- Силантьев Роман Анатольевич, д.и.н., профессор (Россия, Москва)
- Старостин Алексей Николаевич, к.и.н., доцент (Россия, Екатеринбург)
- Стоякин Василий Александрович, политтехнолог, политэксперт, директор Центра политического маркетинга (Украина, Киев)
- Суркова Ирина Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Темаев Тимур Вадудович, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Толвайшис Леонас, PhD, профессор политологии (Сербия, Белград)
- Цуй Хен, профессор Восточно-Китайского педагогического университета (КНР, Шанхай)
- Чирун Сергей Николаевич, д.полит.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Шабашев Владимир Алексеевич, д.э.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Шапкина Елена Владимировна, к.полит.н. (Россия, Кемерово) (заместитель главного редактора)
- Эльзенханс Хартмут, PhD в области экономических наук, профессор (Германия, Лейпциг)

Registration certificate:

PI NO. FS77-76509 dated
02.08.2019, issued by
the Federal service of
Roskomnadzor

Journal was founded in 2019.

Founder: Kemerovo State
Medical University,
22a, Voroshilova Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650056, Russian Federation

ISSN 2687-0320

Editorial/Publisher Address:

22a, Voroshilova Street, Keme-
rovo, Kemerovo Region, 650056,
Russian Federation
Phone: +7 (3842) 73-27-75,
e-mail: vogn@kemsma.ru

Printing House Address:

35a, Sibirskaia Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650024, Russian Federation,
LLC "Print",
phone: (3842) 35-21-19

The Journal is published
quarterly.

Signed and confirmed for
publication on 2022/28/11
Published on 2022/05/12

Offset printing, 900 copies.

Order № 989.

The Journal is entirely available
at the official site of Scientific
Electronic Library
(www.elibrary.ru)
Subscription-based
distribution.

Subscription index
P3593 (Russian Post catalogue),
80843 («Rospechat» catalogue).

© KemSMU, 2022

© Authors of scientific articles,
2022

All articles are checked using
the "anti-Plagiarism" system.
Published in the author's
edition.
The authors' point of view may
not coincide with the opinion of
the editorial Board.

Free Price

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES BULLETIN

Chief editor

- **Shiller Vadim Viktorovich**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)

Editorial board

- **Abytov Bajbolot Kaparovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Kyrgyzstan, Osh)
- **Arapina Svetlana Vladimirovna**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, St. Petersburg)
- **Badaev Evgeny Vasilyevich**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Bazarov Boris Vandanovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor, Fellow of Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Republic of Buryatia (Russia, Ulan-Ude)
- **Barsukov Aleksandr Mikhailovich**, Ph.D of Political science (Russia, Novosibirsk)
- **Batievskaya Veronika Bogdanovna**, Ph.D of Economic Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Biryukov Sergej Vladimirovich**, Advanced Doctor in political science, Full Professor (Germany, Potsdam) (Deputy Chief Editor)
- **Belozeroval Marina Vitalyevna**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Sochi)
- **Borovikova Zlata Vladimirovna**, Ph.D of Historical Sciences (Russia, Kemerovo)
- **Valiullina Evgeniya Viktorovna**, Ph.D of Psychological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Wang Haiyan**, Senior Advisor, China Institute of International Strategic Studies (China, Shanghai)
- **Vilyar Barroso Oskar KHulian**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Cuba, Havana)
- **Gorbatov Alexey Vladimirovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Grunina Lyudmila Petrovna**, Ph.D of Philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Gukina Lyudmila Vladimirovna**, Ph.D of Philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo) (translator)
- **Dzermant Alexey Valerievich**, Ph.D of Philosophy sciences (Belarus, Minsk)
- **Dmitrieva Sofya Igorevna**, Ph.D of Historical science, associate Professor (Russia, Voronezh)
- **Dronov Michail Jurjewitsch**, PhD in Historical sciences, Researcher at the Department of East Slavic Studies, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)
- **Efremova Olga Nikolayevna** PhD in Philosophy science, Associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Zheltoz Viktor Vasilyevich**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Zhibrova Tatyana Valeryevna**, Ph.D of History Sciences, Associate Professor (Russia, Voronezh)
- **Zvyagin Sergej Pavlovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Associate Professor (Russia, Kemerovo) (scientific editor)
- **Ivanova Natalia Aleksandrovna**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, associate Professor (Russia, Novokuznetsk)
- **Kazmina Margarita Vasilievna**, Advanced Doctor in historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Kim Lidiya Gustovna**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Koppenol Aleksandr Yakovlevich**, political scientist and publicist (Netherlands, Leiden)
- **Krasikov Vladimir Ivanovich**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Kremer Rajmund**, German political scientist and Editor in Chief of the journal Welt Trends, (Germany, Berlin)
- **Kudryashova Irina Anatolyevna**, Advanced Doctor in Economic science, Associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Kuras Leonid Vladimirovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Ulan-Ude)
- **Ladislav Zemanek**, russianist, Doctor in Philosophy sciences, Charles University (Czech Republic, Prague)
- **Lamin Vladimir Alexandrovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Republic of Tyva and Honored Scientist of the Republic of Buryatia (Russia, Novosibirsk)
- **Ledeneva Viktoria Yurievna**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Markedonov Sergej Miroslavovich**, Ph.D of History Sciences (Russia, Moscow)
- **Mezhuev Boris Vadimovich**, Ph.D of Philosophy, Associate Professor (Russia, Moscow)
- **Novikov Pavel Alexandrovich**, Advanced Doctor in historical sciences, associate Professor (Russia, Irkutsk)
- **Omelychkin Oleg Viktorovich**, Advanced Doctor in Political sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Osadchy Mikhail Andreyevich**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Palin Alexey Vladimirovich**, Ph.D of Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Porkhachev Vasily Nikolaevich**, Ph.D of Philosophy sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Radchenko Oleg Anatolyevich**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Rostova Natalya Nikolaevna**, Ph.D of Philosophy, Associate Professor (Russia, Kemerovo) (Deputy Chief Editor)
- **Ryazanova Olesya Evgenyevna**, Advanced Doctor in economic science, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Sadovoj Aleksandr Nikolaevich**, Advanced Doctor in Historical science, Full Professor (Russia, Sochi)
- **Silantyev Roman Anatolievich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Starostin Alexey Nikolaevich**, Ph.D of Historical science (Russia, Yekaterinburg)
- **Stoyakin Vasily Alexandrovich**, political strategist, political expert, Director of the center of political marketing (Ukraine, Kiev)
- **Surkova Irina Yurievna**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Saratov)
- **Temaev Timur Vadudovich**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Saratov)
- **Tolvašis Leonas**, PhD, Professor of Political science (Serbia, Belgrade)
- **Cui Hen**, Professor, East China Normal University (China, Shanghai)
- **Chirun Sergei Nikolatvich**, Advanced Doctor in Political science, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Shabashev Vladimir Alekseevich**, Advanced Doctor in Economic science, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Shapkina Elena Vladimirovna**, Ph.D of Political sciences (Russia, Kemerovo) (Deputy Chief Editor)
- **Ehlzenkhans Khartmut**, PhD of Economic sciences, Full Professor (Germany, Leipzig)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	с. 5
ИСТОРИЯ	
МАКАРЧУК С. В., ЗВЯГИН С. П. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ШУРАНОВ: ИСТОРИЯ В ЧЕЛОВЕКЕ ИЛИ ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	с. 6
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	
БОРОДКИНА А. Ю., ПОРХАЧЕВ В. Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ	с. 15
ПОЛИТОЛОГИЯ	
АХМАД МУЛЯДИ, БИРЮКОВ С. В. ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ И СУХАРТО: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДВУХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ	с. 23
БИРЮКОВ С. В., ШИЛЛЕР В. В. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ: РЕФОРМИЗМ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВ РАДИКАЛИЗМА	с. 36
ПСИХОЛОГИЯ	
РОСТОВА Н. Н., ЕФРЕМОВА О. Н. ИНДИКАТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	с. 45
ПЕДАГОГИКА	
ЧИСТЯКОВА Г. В., ЛАРИОНОВА Ю. С., КРАСИЛОВА Т. А. ОБУЧЕНИЕ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ СРЕДСТВАМИ LMS MOODLE В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ	с. 54
ЭКОНОМИКА	
АНДРЮЩЕНКО О. В., ХЕЧИЕВА А. Ц., БРАШЕВА А. А. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЫЗОВЫ РЫНКУ ТРУДА	с. 59
БАТИЕВСКАЯ В. Б., СОКОЛОВСКИЙ М. В. ПЕРЕСМОТР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ ТРАНСПОРТА УГЛЯ КУЗБАССА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ КОРИДОРАМ	с. 65
ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
ГУКИНА Л. В. ЯВЛЕНИЕ СХЕМАТИЗАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА	с. 72
ЭССЕ, ПУБЛИЦИСТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
ЕФРЕМОВА О. Н. АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА	с. 80

TABLE OF CONTENTS

EDITORIAL	p. 5
HISTORY	
MAKARCHUK S. V., ZVYAGIN S. P. NIKOLAI PAVLOVICH SHURANOV: HISTORY IN MAN OR MAN IN HISTORY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)	p. 6
RELIGIOUS STUDIES	
BORODKINA A. YU., PORKHACHEV V. N. SOME ASPECTS OF CHRISTIAN FIGURATIVE SEMIOTICS	p. 15
POLITICAL SCIENCE	
AHMAD MULYADI, BIRYUKOV S. V. CHARLES DE GAULLE AND SUHARTO: A COMPARATIVE STUDY OF TWO POLITICAL REGIMES	p. 23
BIRYUKOV S. V., SCHILLER V. V. POLITICAL ISLAM: REFORMISM AS A POSSIBLE RESPONSE TO THE CHALLENGE OF RADICALISM	p. 36
PSYCHOLOGY	
ROSTOVA N. N., EFREMOVA O. N. INDICATORS OF FAMILY WELL-BEING IN THE MINDS OF STUDENTS	p. 45
PEDAGOGY	
CHISTYAKOVA G. V., LARIONOVA YU. S., KRASILOVA T. A. TEACHING LATIN BY MEANS OF LMS MOODLE IN A MEDICAL UNIVERSITY	p. 54
ECONOMY	
ANDRYUSHCHENKO O. V., KHECHIEVA A. TS., BRASHEVA A. A. UNCERTAINTY: CHALLENGES TO THE LABOR MARKET	p. 59
BATIEVSKAYA V. B., SOKOLOVSKY M. V. REVISION OF THE ENERGY AND TRANSPORT POLICY OF RUSSIA IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS ON THE EXAMPLE OF KUZBASS COAL TRANSPORT ALONG INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS	p. 65
PHILOLOGY, LINGUISTICS	
GUKINA L. V. THE PHENOMENON OF SCHEMATIZATION IN THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF SPACE	p. 72
ESSAYS, PUBLICISTICS, REVIEWS	
EFREMOVA O. N. APOLOGY FOR HUMAN DIGNITY	p. 80

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Вышел в свет очередной номер научного журнала «Вестник общественных и гуманитарных наук». Его основу составили научные тексты и эссе, содержащие промежуточные результаты исследований в области истории, религиоведения, философии, политологии, психологии, педагогики, экономики и лингвистики.

Спектр исследуемых вопросов достаточно широк и представляет некоторые важные аспекты изучения христианской символики, компаративный политологический анализ режимов французского лидера Шарля де Голля и индонезийского государственного и военного деятеля Сухарто, освещение проблем реформизма в политическом исламе, а также оценку эффективности обучения студентов медицинского университета латинскому языку и описание явления схематизации в языковой репрезентации пространства. Кроме этого, авторами статей обсуждалась система индикаторов благополучия семей глазами студенческой молодежи, вопросы экономики, включая рынок труда, энергетическую и транспортную политику. В эссе кемеровского ученого-философа О. Н. Ефремовой были отражены результаты научной рефлексии важной философской проблемы – апологии человеческого достоинства.

Особый интерес представляет статья кемеровских профессоров-историков С. П. Звягина и С. В. Макаrchука, посвященная светлой памяти Шуранова Николая Павловича – выдающегося кузбасского ученого, доктора исторических наук, крупного специалиста по малоизученным проблемам Великой Отечественной войны и роли в ней промышленного потенциала Кузбасса. Николаю Павловичу, воспитавшему целую плеяду профессиональных историков – именитых и маститых ученых, широко известных за пределами Кузбасса, в 2022 году исполнилось бы 100 лет.

Приглашаем всех заинтересованных исследователей из числа историков, политологов, философов, религиоведов, социологов, филологов, лингвистов, языковедов, педагогов, психологов, экономистов, этнологов, а также представителей других отраслей научного знания, интересующихся вопросами гуманитарных и общественных наук, публиковаться в нашем журнале, который выходит четыре раза в год.

**С уважением,
главный редактор журнала
Шиллер В. В.**

УДК 929. 52
Макарчук С. В., Звягин С. П.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ШУРАНОВ: ИСТОРИЯ В ЧЕЛОВЕКЕ ИЛИ ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ (К 100-летию со дня рождения)

Аннотация

В статье, посвящённой 100-летию юбилею известного историка, доктора исторических наук, профессора Н. П. Шуранова, рассмотрен его нелёгкий жизненный путь, профессиональное становление и достижения в административной, общественной, учебной и научной работе. Извилистая дорога, проходящая через Белоруссию, Поволжье, Москву, Сахалин привела его в Кузбасс, где он в полной мере состоялся как организатор науки и учёный-исследователь. Большинство из его более чем 300 публицистических и научных работ направлены на изучение малоисследованных проблем Великой Отечественной войны и роли в ней промышленного потенциала Кузбасса.

Объектом рассмотрения стала окружающая конкретную личность управленческая, научная, профессиональная среда, а предметом – действующий в ней и активно на неё влияющий субъект – Николай Павлович Шуранов. Придерживаясь цивилизационной методологии, авторы, кроме общенаучных методов индукции и дедукции, ана-

лиза и синтеза, применяли методы исторической науки – проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, периодизации, ретроспективного и контент-анализа. Особую роль сыграл биографический метод, позволивший представить целостную картину неординарной личности Н. П. Шуранова и сформировать его историографический образ. Материалами для статьи послужили архивные документы, воспоминания, энциклопедические словари и биографические справочники, рецензии, научные и публицистические труды Н. П. Шуранова.

Ключевые слова: Н. П. Шуранов, биография, семья, Великая Отечественная война, Кузбасс, Прокопьевск, Кемерово, история КПСС, отечественная история, Кемеровский государственный университет, Кемеровский государственный институт культуры.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Макарчук С. В., Звягин С. П. Николай Павлович Шуранов: история в человеке или человек в истории (К 100-летию со дня рождения) // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 6–14.

Статья поступила в редакцию 12.08.2022 г.

HISTORY

Makarchuk S. V., Zvyagin S. P.

NIKOLAI PAVLOVICH SHURANOV: HISTORY IN MAN OR MAN IN HISTORY (to the 100th anniversary of his birth)

Abstract

The article dedicated to the 100th anniversary of the famous scientist-historian, Doctor of Historical Sciences, Professor N.P. Shuranov considers his difficult life path, professional development and achievements in administrative, social, educational and scientific work. The winding road passing through Belarus, the Volga region, Moscow, Sakhalin led him to Kuzbass, where he fully established himself as an organizer of science and a research scientist. Most of his more than 300 journalistic and scientific works are aimed at

studying the little-studied problems of the Great Patriotic War and the role of the industrial potential of Kuzbass in it.

The object of consideration was the managerial, scientific, professional environment surrounding a specific person, and the subject was the subject acting in it and actively influencing it - Nikolai Pavlovich Shuranov. Adhering to the civilizational methodology, the authors, in addition to the general scientific methods of induction and deduction, analysis and synthesis, used the methods of historical science - problem-chronological, comparative-historical,

For citation: Makarchuk S. V., Zvyagin S. P. Nikolai Pavlovich Shuranov: history in man or man in history (To the 100th anniversary of his birth) // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 6–14.

periodization, retrospective and content analysis. A special role was played by the biographical method, which made it possible to present a complete picture of the extraordinary personality of N. P. Shuranov and form his historiographic image. Archival documents, memoirs, encyclopedic dictionaries and biographical directories, reviews, scientific and journalistic works of N. P. Shuranov served as materials for the article.

Keywords: N. P. Shuranov, biography, family, Great Patriotic War, Kuzbass, Prokopyevsk, Kemerovo, history of the CPSU, national history, Kemerovo State University, Kemerovo State Institute of Culture.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

Николай Павлович Шуранов родился в небольшом белорусском городке Хотимске Могилёвской губернии 19 декабря 1922 г. Среди 14 человек, рожденных в Хотимском районе и указанных в Википедии, его имени нет. Хотя среди названных есть доктора наук по разным специальностям (Дата обращения 17.07.2022).

Довоенные детство и юность проходили у него как у обычного советского ребёнка, подростка, юноши – учёба в 1-й Хотимской средней школе, а в 1939 г. – поступление на первый курс Минского юридического института [40, с. 144]. В своих воспоминаниях с характерным названием «История – любовь моя» Николай Павлович пишет об интересе к истории и общественной жизни, который проявился со школьной скамьи, упоминая о повлиявшем на него учителе истории и директоре школы Е. И. Шестакове. На первом курсе института он сразу вступил в студенческий исторический кружок, в котором выступал с докладами и писал рефераты [27, с. 3–4].

Всё изменила война. По рассказам самого Николая Павловича, со второго курса института он был призван в ряды Красной Армии и направлен в то место, которому суждено было стать центром начала коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны – в Сталинград. Там он продолжил учёбу, но не по юридической, а по военной специальности – курсантом в школе младших авиаспециалистов при Сталинградском авиационном училище. Получив специальность авиамоториста, был оставлен в школе в качестве преподавателя огневой и строевой подготовки. Так своеобразно началась преподавательская деятельность Н. П. Шуранова.

Он рвался в бой, но перед началом знаменитой Сталинградской битвы его направили в тыл. Вначале это был резерв военно-воздушных сил Сталинградского фронта. Здесь он служил в качестве авиамоториста Воронежской школы пилотов, затем – штурмовой полк, прикомандированный к авиазаводу № 1, находящемуся в «запасной» тогда столице нашей страны г. Куйбышеве (ныне Самара – авт.).

В 1944 г. весь состав полка был демобилизован и оставлен для работы на заводе. Н. П. Шуранов продолжил работу на нём в качестве уже гражданского лица – слесарем, мастером, комсоргом сборочного цеха. После окончания войны он – первый секретарь Дубово-Умет-

Николай Павлович Шуранов

ского сельского райкома ВЛКСМ Куйбышевской области [40, с. 145].

Трудовой вклад Н. П. Шуранова в победу был отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой он особо гордился как своей первой государственной наградой.

Накопленный военный, трудовой, административный опыт позволил Н. П. Шуранову в 1946–1948 гг. успешно учиться и с отличием окончить в Москве Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Здесь окрепла его тяга к истории. Он вспоминал: «Во время обучения в ЦКШ основательно сформировался мой непреходящий интерес к исторической науке. Это произошло под влиянием знаменитых профессоров: вдумчивого, основательного и энергичного Б. А. Рыбакова, рассудительного

Г. А. Новицкого, сдержанного и обстоятельного С. С. Дмитриева» [27, с. 6].

В стенах комсомольской школы Николай познакомился с её слушательницей Верой Щербаковой, которая стала верным спутником всей его жизни. Вера Петровна Шуранова вспоминала: «Познакомилась с Н. П. в Центральной комсомольской школе в Москве. Первое впечатление – красивый парень, вежливый. Но не только. С каждым семестром узнавала его всё лучше: энергичный, деловой, способный, откровенный в общении – говорил то, что думал, не имел привычки прогибать перед кем-то спину... С увлечением относился к занятиям, и его интерес к истории вызывал уважение и восхищение» [39, с. 21].

После окончания в 1948 г. ЦКШ чету Шурановых распределили на далёкий остров Сахалин – в город Южно-Сахалинск, ставший областным центром недавно образованной Сахалинской области. Вера Петровна была избрана секретарём Сахалинского обкома ВЛКСМ. Николай Павлович получил назначение заместителем начальника областного управления трудовых резервов. Именно в короткий сахалинский период появилась первая его печатная работа по исторической тематике – это опубликованная в местном «Блокноте агитатора» № 8 за 1948 г. статья «Тридцатилетний путь ленинского комсомола» [20, с. 8]. Примечательно, что публикация вышла уже в первые месяцы со времени приезда.

В феврале 1952 г. начался самый длительный и насыщенный событиями кузбасский этап административно-организационной, преподавательской и научной деятельности Н. П. Шуранова. Его начало подробно описано во всех опубликованных биографиях [16, 41, 42]. Мало кому известно, что в 1990-е гг. наш герой серьёзно рассматривал вопрос переезда в Симферополь. Тогда в городе жила его дочь Елена. Однако он так и остался сибиряком.

Мотивацией для переезда в Прокопьевск Кемеровской области было наличие в соседнем городе Сталинске педагогического института, дающего высшее образование. Н. П. Шуранов работал заместителем начальника Управления трудовых ресурсов в Прокопьевске, директором Прокопьевского горнопромышленного училища, секретарём исполкома Прокопьевского городского совета депутатов трудящихся, заведующим отделом агитации и пропаганды Прокопьевского горкома КПСС.

Не была забыта и история. С красным дипломом Н. П. Шуранов окончил исторический факультет Сталинского государственного педагогического института (ныне Кузбасский государственный гуманитарно-педагогический институт (КГПИ) – филиал Кемеровского государственного университета – авт.). Опубликовал не менее 15 статей в городских и областных газетах и журналах, в т.ч. одну из первых работ по истории Прокопьевского рудника [26].

В дальнейшем собранный им во время работы в Прокопьевске исторический материал послужил основой для написания первой книги о полюбившемся городе [37].

В мае 1959 г. судьба Н. П. Шуранова в очередной раз резко переменилась. Он получил назначение на должность первого заместителя начальника управления культуры исполкома Кемеровского областного совета депутатов трудящихся. В 1960–1967 гг. начальником управления был А. М. Лыткин – недавний секретарь Кемеровского обкома КПСС [13, с. 299].

Переехав с мужем в Кемерово, В. П. Шуранова работала в Кемеровском горкоме КПСС, проректором Кемеровского государственного педагогического института (КГПИ – авт.) по вечернему и заочному обучению, заведующей кафедрой истории КПСС КузПИ [11, с. 216].

Вера Петровна и их дочь Елена Николаевна Шурановы также стали историками, кандидатами исторических наук, доцентами кемеровских вузов. Кандидатом исторических наук, литератором был зять Н. П. Шуранова – А. Г. Зарубин [5].

Новую работу и атмосферу тех лет Николай Павлович описал так: «Работы было много. Строились театральные здания в Прокопьевске, Кемерове и Сталинске (ныне Новокузнецк – авт.). Репертуар театра музкомедии под знаком борьбы с преклонением перед иностранщиной был заполнен не всегда высокохудожественными опереттами. Пришлось высказать мнение, что эта борьба никак не касается зарубежной классики. И пошли спектакли «Сильва», «Марица», «Роз-Мари», «Цыганская любовь». А тут ещё появились замечательные отечественные оперетты «Белая акация», «Севастопольский вальс». И зрители начали ходить в театр, его финансовое положение стало устойчивым» [27, с. 8–9].

В мае 1961 г. Театр оперетты чествовал своего наставника и коллегу Адриана Максимовича Адрианова. С приветственным словом выступил заместитель начальника управления культуры Н. П. Шуранов [19, с. 68]. В то время коллектив занимал здание на улице Арочной, 37. Затем в нём размещался клуб Кемеровского коксохимического завода. Сейчас в здании располагается Театр для детей и юношества.

28 декабря 1963 г. жители Кемерова и области получили новое здание Театра оперетты по адресу: Советский проспект, 52 [19, с. 73]. Н. П. Шуранов, имевший прямое отношение к этому строительному объекту, говорил одному из авторов статьи о том, что изначально здание строили для кинотеатра. Однако было решено передать его театру оперетты. Отсюда появились проблемы с пространством для кулис, оркестровой ямой. Они были постепенно и не быстро решены в ходе последующих реконструкций.

Однако любовь к истории взяла своё. В январе 1962 г. начался новый этап биографии нашего героя, напол-

ненный научной и преподавательской деятельностью. Н. П. Шуранов перешёл на работу в Кемеровский горный институт (ныне Кузбасский государственный технический университет (КузГТУ) имени Т. Ф. Горбачёва – авт.). Руководил вузом кандидат экономических наук, Герой Социалистического труда В. Г. Кожевин.

Н. П. Шуранов стал преподавателем кафедры истории КПСС. Заведующий В. А. Кадейкин сразу привлёк его, как вспоминал Н. П. Шуранов, к научно-исследовательской работе. Он часто говорил ему: «Давай, давай, давай» [6, с. 73]. В итоге через пять лет состоялась защита Н. П. Шурановым кандидатской диссертации.

Это произошло в 1967 г. в диссертационном совете при Томском государственном университете, где Николай Павлович защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме, связанной с общественно-политическими процессами перевода Кузнецкого угольного бассейна на военный лад в период Великой Отечественной войны [31]. С этого времени научный интерес Н. П. Шуранова сосредоточен на истории Великой Отечественной войны и Кузбасса. Этим же проблемам посвящена его первая научная монография, основой которой стали материалы диссертации и вновь вводимые в научный оборот архивные документы. Хронологические рамки работы были расширены до всех военных лет, а территориальные охватывали точные регионы страны [35].

После отъезда в 1969 г. профессора В. А. Кадейкина в Москву [35, с. 75] Н. П. Шуранов был избран заведующим кафедрой. Учёный начал собирать материал для написания докторской диссертации.

Казалось, его жизнь пошла по накатанной учебно-научной колее. Но представители местной власти вспомнили о его успешной работе в областном управлении культуры. Дело в том, что в эти дни в Москве обсуждали вопрос об открытии в Кемерово института культуры. 14 июля 1969 г. в Москве было принято решение о создании Кемеровского государственного института культуры. Он стал четвёртым вузом города. Можно только догадываться, какая была проведена предварительная работа областными властями.

Н. П. Шуранова пригласили на приём к первому секретарю Кемеровского обкома КПСС, члену ЦК партии А. Ф. Ештокину. По итогам встречи в Москву отправили представление кандидатуры Н. П. Шуранова на должность руководителя нового вуза.

В 1969 г. приказом министра культуры РСФСР Н. А. Кузнецова Н. П. Шуранов был назначен ректором Кемеровского государственного института культуры. Затем Н. П. Шуранов работал под началом министра Ю. С. Мелentyева. Почему выбор министра остановился именно на нём? Есть тому несколько объяснений: член КПСС, опыт работы в партийных и советских органах,

наличие учёной степени кандидата наук, вузовский педагогический стаж, а также возраст (47 лет). Весьма вероятно, свою роль сыграло и то, что новый ректор был мужчиной. Только совсем недавно в нашей стране стали последовательно выдвигать на руководящие должности женщин.

Это кадровое решение было в духе того времени, когда КПСС расставляла кадры всюду и везде. Например, летом 1974 г. сразу после образования КемГУ из Сибирского металлургического института (Новокузнецк – авт.) в молодой вуз были переведены кандидаты экономических наук Д. Я. Яшин и В. А. Шабашев. Последний только что защитил кандидатскую диссертацию. Ректор СМИ профессор Н. В. Толстогузов был резко против, но противостоять решению Кемеровского обкома КПСС не смог [22, с. 92].

Н. П. Шуранову начинать пришлось с «нуля». Вскоре вуз получил учебный корпус. Он располагался по улице Спортивной, 91. Сюда новый ректор приезжал с председателем исполкома Кемеровского областного совета депутатов трудящихся П. В. Гузенко. Они решали вопрос о том, как приспособить общежитие под учебные занятия. В здании разместились ректорат, административные службы, аудитории. На последнем – пятом этаже было общежитие.

Первыми в структуре вуза стали два факультета: библиотечный и культурно-просветительной работы. Были открыты кафедры общенаучных дисциплин, культурно-просветительной работы, библиотековедения, хорошего дирижирования, хореографии, режиссуры и мастерства актёра.

Под руководством Н. П. Шуранова целенаправленно подбирались научные кадры, талантливые молодые педагоги направлялись в целевую аспирантуру и ассистентуру. Подбор кадров шёл по всей стране, особенно по творческим специальностям. Большую помощь вуз получил от государства в виде обязательного распределения. Часть из тех, кто приехал по направлению, остались в Кемерово надолго или навсегда.

Заслугой первого ректора вуза является создание работоспособного, творческого педагогического коллектива. Он начинал работать с коллективом в составе 25 штатных преподавателей (в т. ч. 5 кандидатов наук – авт.) на шести кафедрах. Через восемь лет, в конце 1976/1977 учебного года, в штате вуза было уже 195 преподавателей (в т. ч. 27 кандидатов наук – авт.), работавших на 19 кафедрах. Контингент студентов с 210 человек на очном отделении и 120 – на заочном в 1969/1970 учебном году вырос до 3000 человек в 1976/1977 учебном году.

Благодаря организационной работе Н. П. Шуранова в декабре 1973 г. был введен в строй новый просторный учебный корпус на улице Ворошилова, 17, и студенческие общежития по соседству, оборудовано 40 учебных кабинетов и лабораторий, более 30 специальных классов.

«... Это была напряжённая и беспокойная работа, – вспоминал впоследствии Николай Павлович. – Приспособление предоставленного здания общежития под учебный корпус, обеспечение его мебелью, музыкальными инструментами, монтаж большой ЭВМ. Укомплектование кадров преподавателей, ежегодная для этого отправка по 10–20 человек в аспирантуру и ассистентуру-стажировку. Пересмотр учебных планов и организация обучения так, чтобы выпускники могли руководить художественной самостоятельностью на профессиональном уровне» [27, с. 11].

До 1977 г. Н. П. Шуранов проработал ректором КемГИК. За активное участие в становлении вуза был удостоен государственной награды – ордена «Знак Почёта».

Тёплые воспоминания о нём сохранил работавший в то время первый декан библиотечного факультета КГИК профессор А. В. Циркин, высоко оценивший личные человеческие качества Николая Павловича: «Есть ещё одна грань в наших отношениях, о которой хотелось бы здесь упомянуть, – это поистине хрестоматийная вежливость и предупредительность Николая Павловича. За многие годы наших отношений я не припомню случая, когда бы Н. П. Шуранов был взвинчен, недоброжелателен, безучастен к просьбам аспирантов и коллег... Всегда ровный и обходительный, безупречно одетый – таков, на мой взгляд, современный облик этого замечательного человека...» [21, с. 27].

Во время работы в институте культуры Н. П. Шуранов был занят не только административной работой, но также общественной и научной. Он был избран членом Центрального совета педагогического общества РСФСР. С 1974 г., со времени начала движения книголюбов в СССР и вплоть до 1989 г. являлся председателем Кемеровского областного правления общества книголюбов и членом Республиканского правления добровольного общества любителей книги.

Нуждаются в уточнении обстоятельства ухода нашего героя из КГИК. Один из авторов имеет информацию о том, что студентам вуза обещали после возвращения с сельскохозяйственных работ осенью 1977 г. предоставить больше мест в общежитии. Однако по разным причинам этого не произошло. В итоге около 200 недовольных студентов прибыли на площадь Советов к зданию областного комитета КПСС. У памятника В. И. Ленина молодые люди скандировали: «Дедушка Ленин, помоги!». Затем в обкоме состоялась встреча идеологического руководства областной партийной организации с ректором КГИК. Разговор подробно описал декан А. В. Циркин, присутствовавший на встрече. Кстати, он тоже приехал в вуз одним из первых, в 1970 г. [21, с. 24].

К сожалению, в рассказ А. В. Циркина вкрались неточности. Должность секретаря Кемеровского обкома КПСС была по пропаганде и агитации, а не по идеоло-

гии. Это была Зинаида Васильевна Кузьмина [13, с. 300–301]. Именно она задавала резко критический характер обсуждению положения дел в КГИК. В тексте воспоминаний она названа Зинаидой Георгиевной. Так кстати звали профессора КемГУ З. Г. Карпенко. Наконец, А. В. Циркин пишет, что упомянутое событие произошло в 1972 г.

Есть основания считать, что это было осенью 1977 г. После описанного разговора, видимо, состоялись традиционные по тем временам организационные выводы по недостаткам ректората КГИК в воспитательной работе. В результате Н. П. Шуранов перестал быть ректором.

В том же году он перешёл на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над докторской диссертацией. Она была успешно защищена и утверждена Высшей аттестационной комиссией (ВАК) в 1979 г. [30].

Диссертация в целом была написана в русле господствующего тогда коммунистического идеологического мейнстрима, но отличалась критической направленностью, не оставляла в стороне ошибки и недостатки и даже подвергала сомнению правильность некоторых решений партии и правительства по развитию угольной промышленности. В диссертационной работе использовались материалы центральных и местных архивов Москвы, Кемерово, Перми, Свердловска, Челябинска, Караганды, Иркутска, Красноярска, Хабаровска, Владивостока. Со стенограммой защиты докторской диссертации Н. П. Шуранова и отзывами на неё можно ознакомиться в Государственном архиве Кузбасса (ГАК – авт.), в котором хранится личный фонд профессора Н. П. Шуранова (ф. Р-1318) [2, л. 1–68; 3, л. 1–32].

После защиты докторской диссертации в судьбе Н. П. Шуранова вновь произошли изменения. Они начались во время вручения ему в новосибирском академгородке диплома доктора наук. Там он познакомился с новым ректором КемГУ, профессором Ю. А. Захаровым. Тот энергично и целеустремлённо подбирал высококвалифицированные кадры для молодого вуза.

В итоге в сентябре 1980 г. Н. П. Шуранов был назначен заведующим кафедрой истории КПСС в Кемеровском государственном университете (КемГУ – авт.). В 1977–1980 гг. этой кафедрой, после отъезда в Запорожье доцента С. Ф. Орлянского [12, с. 16], заведовал В. И. Бельков – кандидат исторических наук, доцент, выпускник КГПИ. В 1974 г. вуз стал университетом [9]. Виталий Иванович Бельков с пониманием отнёсся к тому, что возглавлять одну из самых крупных межфакультетских кафедр в университете должен доктор наук. Он продолжил работу на кафедре в должности доцента. Между ним и новым заведующим всегда сохранялись хорошие, деловые, доверительные отношения, впрочем, как и со всем кафедральным коллективом, а В. И. Бельков позже стал проректором университета.

Какое бы название ни носила кафедра (истории КПСС, социально-политической истории, истории России), её бессменный руководитель прилагал немало усилий по составлению новых планов и программ. Он много сделал для обеспечения перехода в вузе от преподавания истории КПСС к истории России, а изданный им конспект лекций по истории России стал ценным пособием для преподавателей и студентов всего Кузбасса [28].

В дальнейшем Н. П. Шуранов опубликовал учебное пособие, освещающее весь процесс становления, развития и исчезновения советского государства, перехода новой России к рыночным отношениям [29]. Специально в переложении для студентов вышла его краткая история войны [25]. По инициативе Николая Павловича и под его редакцией в соавторстве с коллегами по кафедре был издан учебник «Отечественная история с древнейших времён до конца XX века» [4].

Он выступил одним из инициаторов преподавания истории Кузбасса в качестве учебной дисциплины. Венцом этой работы стало издание под его редакцией учебного пособия для учащихся средних школ, средних специальных учебных заведений и студентов вузов [7]. Позже оно стало основой для создания коллективного научного труда «История Кузбасса» [8]. Н. П. Шуранов стал автором публицистических статей о городах Кузбасса в красочном альбоме из серии «Города Сибири», выпускавшейся в Новосибирске [38].

Николай Павлович всегда уделял внимание публицистике как способу популяризации исторического знания. Его статьи часто печатались в областных и городских газетах, особенно в «Кузбассе» (Кемерово) и «Шахтёрской правде» (Прокопьевск). К жанру работ публицистического характера следует отнести его малоформатные, карманного размера, подарочного оформления брошюры, относящиеся к модному в советские времена циклу – «лениниана». Н. П. Шуранов стал зачинателем «кузбасской ленинианы». В 1983 г. вышла брошюра «Ленин и Кузбасс» [24].

В 1988 г. он стал редактором, составителем и соавтором сразу 6 брошюр подарочного издания, помещённых в общую коробку, написанных при участии преподавателей кемеровских вузов и вышедших под единым названием «Кузбасская лениниана». В миниатюрных брошюрах приводятся документы, касающиеся Кузбасса с подписью В. И. Ленина; даются краткие биографии его соратников, связанных с Кузбассом; приведены биографические данные видных кузбассовцев и краткая история предприятий Кузбасса, награждённых орденом Ленина [14].

Важной для Н. П. Шуранова оставалась научная работа – написание монографий и статей, участие в научных конференциях. Всего Николаю Павловичу принадлежит более 300 печатных трудов [20]. В 1992 г. выходит его мо-

нография «Политика кануна Великой Отечественной войны», в которой рассмотрено международное положение СССР накануне войны и усилия страны по сохранению мира. Особое внимание уделено оценке ранее не известных читателю исторических фактов, в частности, выделены главы – «Пакт о ненападении и секретный протокол», «Начало второй мировой войны. Договор о дружбе и границе», «Тайны берлинских переговоров», «Ультимативные требования к прибалтам». Впервые в исторической литературе автор выделяет и обосновывает 3 периода и 10 этапов в развитии международной политики накануне войны, каждый из которых являлся ступенькой в её развязывании [36].

В ряде статей по истории Великой Отечественной войны и выступлениях на научных конференциях Н. П. Шуранов выдвинул и обосновал элементы нового подхода к её периодизации. Сам он пишет об этом: «В освещении истории Великой Отечественной войны (мною) была проведена чёткая грань между понятиями «коренной поворот» и «коренной перелом» в войне... Коренной поворот в войне произошёл в ходе битвы под Москвой, означавший поворот от молниеносной войны... к затяжной войне, давшей выигрыш времени для мобилизации всех резервов страны... А коренной перелом в войне начался только с контрнаступления Красной Армии под Сталинградом... Настоятельно предложил в периодизации истории Великой Отечественной войны выделить период массового изгнания врага и очищения советской земли от фашистских оккупантов, начавшийся после закрепления коренного перелома летом 1943 года в ходе Курской битвы и завершившийся к осени 1944 года» [27, с. 19].

Н. П. Шуранов внёс значительный вклад в изучение и введение в научный оборот латентных архивных исторических источников, ранее скрытых для исследователей под грифом «секретно». По Кузбассу на их основе был даже подготовлен научный труд, который впервые приводил данные по работе оборонных предприятий: производство ими взрывчатки, пороха, боеприпасов, боевых орудий [34]. В 2000 г. вышла обобщающая монография «Кузбасс в годы Великой Отечественной войны», в которой рассматривается работа не только промышленных и оборонных предприятий, но и проблемы сельскохозяйственного производства, социальная, культурная и общественная жизнь [32]. В 2005 г., дополнив и переработав содержащийся в монографии материал, Н. П. Шуранов издал его в виде крупноформатного красочного подарочного альбома [33].

В последние годы своей жизни Николай Павлович развивал и отстаивал собственную концепцию истории России советского периода. Хотя она продолжала в основном основываться на формационной методологии, в ней проявились элементы цивилизационного подхода. Н. П. Шуранов, развивая свою концепцию, принял уча-

стие во всех издаваемых на кафедре уже после его ухода с заведования межвузовских сборниках научных трудов «Сибирь: XX век». При этом три выпуска из шести (1, 4, 6) посвящались юбилеям Николая Павловича [18].

Н. П. Шуранов был широко известен как организатор научной работы. По его инициативе и непосредственном руководстве регулярно проводились научные конференции при сотрудничестве с Институтом истории СО РАН и Проблемным советом Министерства образования РФ «Российская Федерация в годы Великой Отечественной войны», руководителем сибирской группы которого он являлся. До конца своих дней он занимал пост председателя докторского диссертационного совета по историческим специальностям при КемГУ, в котором защитили кандидатские диссертации 20 его аспирантов. Докторские диссертации при его научном консультировании успешно защитили известные кузбасские исследователи Е. В. Мороз, Л. Н. Корнева, С. О. Гаврилов, М. В. Казмина, А. Б. Коновалов, Ю. П. Горелов.

Большое влияние Н. П. Шуранов оказал на судьбу обоих авторов данной статьи. Опубликованные воспоминания С. В. Макаrchука в одном из юбилейных сборников, посвящённых Н. П. Шуранову, имеют подзаголовок: «Н. П. Шуранов в моей судьбе» [17]. В них отмечена роль, которую сыграл Николай Павлович в переезде автора из Томска в Кемерово и влияние на дальнейшую его педагогическую и научную работу в Кемеровском госуниверситете. В воспоминаниях выражается особая благодарность Н. П. Шуранову за то, что он, будучи заведующим кафедрой, не настаивал на переходе нового её члена на общекафедральную научную тематику, а поддержал продолжение разработки им «инициативной» темы, связанной с дореволюционной общественно-политической проблематикой. Отмечена также «неоценимая» помощь и поддержка в защите С. В. Макаrchуком докторской диссертации, а также в его работе преемником Николая Павловича на посту заведующего кафедрой.

В материале посвящённом 70-летию юбилею С. В. Макаrchука также высоко оценивается влияние Н. П. Шуранова на его становление как преподавателя и учёного [23]. Могу добавить, что прошедшие без Николая Павловича годы показали острую нехватку его опыта, знаний, энергии и инициатив.

О влиянии Н. П. Шуранова на свою научную судьбу вспоминает С. П. Звягин. С Николаем Павловичем Шурановым он познакомился в конце 1970-х гг. Это случилось на одном из мероприятий общества книголюбов. Больше общаться с ним я стал на третьем курсе КемГУ - надо было выбрать специализацию. В результате Николай Павлович сыграл решающую роль в выборе специализации «История КПСС», а в дальнейшем предложил тему кандидатской и повлиял на утверждение темы докторской диссертации.

Благодаря Н. П. Шуранову в КемГУ был создан Музей истории партийных организаций Кузбасса. Идею реализовал бывший директор Кемеровского областного краеведческого музея Ю. В. Барабанов. На открытии присутствовал член ЦК КПСС, первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Л. А. Горшков. Музей разместился на первом этаже второго корпуса, там, где был читальный зал и кабинеты университетской библиотеки и где сейчас располагаются кабинеты. К нашему сожалению, в 1990-е гг. экспозиция музея была свёрнута, а экспонаты утрачены.

В биографическом словаре «Профессора Кемеровского государственного университета» отмечено: «Н. П. Шуранов входит в когорту ведущих историков Кузбасса и Сибири. Он один из лучших лекторов, интеллектуальный, доброжелательный, обаятельный человек, пользующийся непререкаемым авторитетом среди студентов и преподавателей университета, учёных-историков Сибири и страны в целом» [41, с. 134]. Наш герой признан как создатель и руководитель научной школы КемГУ «Социально-экономическое и политическое развитие Сибири» [43, с.22].

Его имя известно и в международном масштабе. Оно занесено в «Международный биографический словарь» и в Международный биографический словарь «Кто есть кто среди интеллектуалов», изданные в Кембридже (Великобритания) в 1998 г. [42, с. 332–333].

Тем не менее, трудно представить, но в двух изданиях по истории КемГУ про Н. П. Шуранова почти ничего нет [6, 10]. «Почти» это значит, что во втором из упомянутых изданий есть групповая фотография. Снимок сделан во время заседания учёного совета исторического факультета в 1988 г. На ней читатель может увидеть профессоров Н. П. Шуранова, З. Г. Карпенко, А. И. Мартынова, доцента Р. Г. Круссера и других.

Можно предположить, что отсутствие информации объясняется тем, что кафедра истории КПСС относилась к межфакультетским. Поэтому в этих двух книгах нет сведений о кафедрах политической экономии, философии, педагогики. Довольно странный подход к описанию деятельности КемГУ.

Заслуги Николая Павловича Шуранова получили высокую оценку. Он кавалер ордена «Знак Почёта», удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», награждён восемью медалями. Ему было присвоено звание «Почётный гражданин Кемеровской области». Труд Н. П. Шуранова отмечен многими областными наградами.

В научном сообществе он зарекомендовал себя как историк, организатор высшего образования и науки Кузбасса. Он был академиком и руководителем Кузбасского отделения Академии военно-исторических наук, членом-корреспондентом Сибирского отделения Академии наук высшей школы. Н. П. Шуранов активно участвовал в ветеранском движении, являлся членом Совета старейшин при губернаторе Кемеровской области.

Скончался Н. П. Шуранов 14 марта 2011 г. на 90-м году жизни. Вера Петровна умерла через год – 31 марта 2012 г, также прожив 89 лет [11, с. 218]. После смерти супругов их домашний архив ждала печальная участь. Только благодаря усилиям ученика Н. П. Шуранова профессора А. Б. Коновалова было вынесено и определено на государственное архивное хранение четыре рюкзака документов.

Приближается 100-летний юбилей Н. П. Шуранова. Его собираются широко отметить. Уже появилась первая публикация, вкратце напоминающая об этапах его деятельности и научных заслугах [15]. Авторы надеются, что их материал также послужит сохранению памяти об этом замечательном человеке и учёном.

В Кемерове немало мемориальных досок. Они посвящены замечательным представителям различных сфер человеческой деятельности. Нет доски в честь какого-либо

кемеровского историка. На наш взгляд, Н. П. Шуранов как никто другой заслуживает этой чести. Нам известны два адреса последовательного проживания нашего героя в Кемерове: улица Весенняя, 18. Сейчас первый этаж этого дома занимает Театр кукол имени А. П. Гайдара. На фасаде есть мемориальная доска о том, что в этом доме жил народный артист Российской Федерации Б. Н. Суров.

Один из авторов помогал Н. П. Шуранову переехать отсюда в следующее жильё, оказавшееся для историка последним. Речь идёт о квартире по адресу: улица Красная, 4. На его фасаде несколько памятных досок. Среди них арт-объект, посвящённый первому народному артисту РСФСР в Кемеровской области А. К. Боброву. По нашему разумению, увековечить память о нашем герое следует на доме по улице Весенней. Главный довод – это прогулочная зона кемеровчан и гостей города. Доска пополнила бы туристскую привлекательность нашей самой красивой улицы.

Источники и литература / Sources and references

1. Бельков В. И., Макаrchук С. В. Николай Павлович Шуранов – человек, учитель, учёный // Сибирь: XX век. Вып. 4 / отв. ред. С. В. Макаrchук. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 23-27.
2. ГАК (Государственный архив Кузбасса). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАК. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 19.
4. Галаганов З. П., Макаrchук С. В., Шуранов Н. П. Отечественная история с древнейших времён до конца XX в.: учебное пособие для студентов всех специальностей и форм обучения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 329 с.
5. Зарубин А. Г. Вниз, сквозь тьму. Кемерово: «Горицвет», 2002. 104 с.
6. Звягин С. П. Профессор КузПИ, историк В. А. Кадейкин // Старые мастера: очерки о преподавателях и сотрудниках КГИ – КузПИ – КузГТУ. Кемерово: КузГТУ, 2015. С. 71-77.
7. История Кузбасса: учебное пособие для учащихся средних школ, средних специальных учебных заведений и студентов вузов / отв. ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: «Кузбасс», «СКИФ», 2004. 352 с.
8. История Кузбасса / отв. ред. Н. П. Шуранов. Кемерово: «Кузбасс», «СКИФ», 2006. 360 с.
9. Кемеровский государственный университет: очерки предистории и становления в советский период (1949 – 1991 гг.) (рук. авт. колл. А. Б. Коновалов). Кемерово: КемГУ, 2019. 614 с.
10. Ковалёв А. П. Анатолий Павлович, историк. О себе // Старые мастера: очерки о преподавателях и сотрудниках КГИ – КузПИ – КузГТУ. Кемерово: КузГТУ, 2015. С. 77-91.
11. Ковалёв А. П. Вера Петровна Шуранова – светлое притяжение // Старые мастера: очерки о преподавателях и сотрудниках КГИ – КузПИ – КузГТУ. Кемерово: КузГТУ, 2015. С. 215-218.
12. Ковалёв А. П. Пленники Камелота. Кемерово: «Гаудеамус», 2006. 95 с.
13. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «Послевоенного сталинизма» и «Оттепели» (1945-1964). Кемерово: «СКИФ», 2005. 312 с.
14. Кузбасская лениниана в 6-ти кн. / рук. авт. колл. Н. П. Шуранов. Кемерово: кн. изд-во, 1988.
15. Кузеванова Л. М. Исследователь истории Кузбасса в годы Великой Отечественной войны профессор Шуранов Николай Павлович. К 100-летию со дня рождения // НЭИ «Российская историография». Доступно по: <http://klio.3dn.ru/publ/66-1-0-375> Ссылка активна на 25.05.2022.
16. Макаrchук С. В. Шуранов Николай Павлович // Историческая энциклопедия Сибири в 3-х т. Т. 3 / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 551-552.
17. Макаrchук С. В. Слово о человеке и учёном: Н. П. Шуранов в моей судьбе // Сибирь: XX век. Вып. 6 / отв. ред. С. В. Макаrchук. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 5-22.
18. Макаrchук С. В., Генина Е. С. Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1 - 6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997-2007) как комплексный историографический источник // Вестник Кемеровского государственного университета, 2021. Т. 2 (23). С. 371-389.
19. Мохонько А. П. Музыкальный театр Кузбасса. Кемерово, 2000. 360 с.
20. Персональный указатель профессора Н. П. Шуранова. Кемерово: НБ КемГУ, 1995. 54 с.
21. Циркин А. В. Берегу личные отношения // Сибирь: XX век. Вып. 4 / отв. ред. С. В. Макаrchук. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 23-27.
22. Шабашев В. А. Зигзаги моей жизни: биография и воспоминания. Кемерово, 2020. 240 с.
23. Шиллер В. В. Сергей Владимирович Макаrchук: к 70-летию со дня рождения // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 1. С. 6-9.
24. Шуранов Н. В. И. Ленин и Кузбасс. Кемерово: кн. изд-во, 1983. 167 с.
25. Шуранов Н. П. Великая Отечественная война. 1941 – 1945 гг.: краткая история. Кемерово: КемГУ, 1996. 207 с.
26. Шуранов Н. Возникновение Прокопьевского рудника // Шахтёрская правда (Прокопьевск). 1957. 6 окт.
27. Шуранов Н. П. История – любовь моя // Сибирь: XX век. Вып. 4 / отв. ред. С. В. Макаrchук. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 3-21.
28. Шуранов Н. П. История России. 1921 – 1993 гг. Конспект лекций. Кемерово: КемГУ, 1993. 240 с.

29. Шуранов Н. П. История России. 1917 – 1991 гг. Кемерово: КемГУ, 1998. 352 с.
30. Шуранов Н. П. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных регионов страны в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Новосибирская высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1978. 525 с.
31. Шуранов Н. П. КПСС – организатор перестройки работы Кузнецкого угольного бассейна на военный лад (1941 – 1942 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: ТГУ, 1967. 25 с.
32. Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: ОблИУУ, 2000. 219 с.
33. Шуранов Н. П. Кузбасс: всё для фронта. Кемерово: «СКИФ»; ИПП «Кузбасс», 2005. 247 с.
34. Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомье, 1995. 120 с.
35. Шуранов Н. П. На угольном фронте. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных регионов страны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Кемерово: кн. изд-во, 1975. 271 с.
36. Шуранов Н. П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. 240 с.
37. Шуранов Н. П. Прокопьевск. Кемерово: кн. изд-во, 1964. 112 с.
38. Шуранов Н. П., Савинцев В. В. Города Кузбасса (серия «Города Сибири»). Т. 1. Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр», 2002. 224 с.
39. Шуранова В. П., Шуранова Е. Н. История – дело семейное // Сибирь: XX век. Вып. 4 / отв. ред. С. В. Макаrchука. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 21–23.
40. Шуранов Николай Павлович // Доктора наук КемГУ в юбилейном году: биографический справочник / гл. ред. Ю. А. Захаров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 144–146.
41. Шуранов Николай Павлович // Профессора Кемеровского государственного университета. Биографический словарь / гл. ред. Ю. А. Захаров. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 130–135.
42. Шуранов Николай Павлович // Профессорский корпус Кузбасса: сборник персоналий. Кемерово: «Полиграф», 2003. С. 332–333.
43. Шурова Л. Н. Высшее историческое образование и историческая наука в Кемеровской области в 1943–1991 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 22 с.

Информация об авторах:

Макарчук Сергей Владимирович, д.и.н., профессор, независимый исследователь. E-mail: makarchuk-sv@mail.ru. ORCID:0000-0002-8448-7556.

Вклад в статью: разработка концепции исследования, получение и интерпретация части данных, работа с источниками, анализ и утверждение окончательной версии статьи, её написание.

Звягин Сергей Павлович, д.и.н., профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: whitesiberia@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5831-0939.

Вклад в статью: получение и интерпретация части данных, подборка и изучение литературы, работа с источниками и написание части статьи, редактирование.

Authors information:

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Historical Sciences, Full Professor. Independent researcher. E-mail: makarchuk-sv@mail.ru. ORCID:0000-0002-8448-7556.

Contribution to the article: development of the research concept, obtaining and interpreting part of the data, working with sources, analyzing and approving the final version of the article and writing it.

Zvyagin Sergey Pavlovich, Ph.D. in Historical Sciences, Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University. E-mail: whitesiberia@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5831-0939.

Contribution to the article: obtaining and interpreting part of the data, selecting and studying the literature, working with sources and writing part of the article, editing.

УДК 7.04:003

Бородкина А. Ю., Порхачев В. Н.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Аннотация

В данной статье путем освещения некоторых вопросов истории возникновения и развития христианских символов с начала возникновения христианства исследуются символы и их изменения, обусловленные укреплением и распространением христианства.

Предметом исследования является изобразительная семиотика, а объектом – христианский семиотический код, используемый в изобразительном искусстве.

Кроме общенаучных методов анализа и синтеза, в работе использовался иконографический и иконологический метод, а также метод формально-стилистического анализа, как наиболее эффективные при работе с художественными изображениями.

Авторы объясняют причины возникновения первых христианских символов, их трансформацию в ходе распространения религиозного учения, описывают этапы и условия расцвета и упадка христианского искусства, а

также уточняют особенности православной и католической иконописи.

В работе проводится семиотический анализ наиболее распространенных приёмов русской иконописи на основе описания отдельных элементов икон, осуществляется расшифровка некоторых кодов в православной культуре.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что знание культурных кодов в иконописи помогает правильному «прочтению» послания, заложенного в иконе, а, следовательно, пониманию основ любой религиозной культуры.

Ключевые слова: семиотика, религиозная живопись, икона, крест, христианство, христианские символы, православие, Византийская империя, иконоборчество, русская иконопись, иконописный канон.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Бородкина А. Ю., Порхачев В. Н. Некоторые аспекты христианской изобразительной семиотики // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 15–22.

Статья поступила в редакцию 24.09.2022 г.

RELIGIOUS STUDIES

Borodkina A.Yu., Porkhachev V.N.

SOME ASPECTS OF CHRISTIAN FIGURATIVE SEMIOTICS

Abstract

In this article, by highlighting some issues of the history of the emergence and development of Christian symbols since the beginning of Christianity, the Christian semiotic code, used in the visual arts, is investigated.

The subject of the study is pictorial semiotics, and the object is the study of Christian symbols and their changes caused by the strengthening and spread of Christianity.

In addition to general scientific methods of analysis and synthesis, the work used iconographic and iconological methods, as well as the method of formal stylistic analysis, as the most effective when working with art images.

The authors explain the reasons for the emergence of the first Christian symbols, their transformation during the spread of religious teaching, describe the stages and conditions of the heyday and decline of Christian art, and also clarify

the features of Orthodox and Catholic iconography.

The work provides semiotic analysis of the most common techniques of Russian icon painting based on the description of individual elements of icons, deciphers some codes in Orthodox culture.

The conducted research allows us to conclude that the knowledge of cultural codes in iconography helps the correct "reading" of the message embedded in the icon, and therefore, understand the foundations of any religious culture.

Keywords: semiotics, religious painting, icon, cross, Christianity, christian symbols, Orthodoxy, The Byzantine Empire, iconoclasm, Russian iconography, iconographic canon.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Borodkina A.Yu., Porkhachev V.N. Some aspects of Christian pictorial semiotics // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 15–22.

Актуальность данного исследования обусловлена поступательным ростом влияния Русской православной церкви на все сферы жизнедеятельности российского общества – от «бытовой» религиозности до участия священнослужителей в государственных структурах (уроки в школах, храмы при учреждениях здравоохранения, полковые священники в армии), которое резко возросло ввиду эскалации конфликта, в том числе межконфессионального, между западными государствами и Россией. Ввиду этого понимание символики позволяет более грамотно прочитывать послания христианства и, соответственно, более глубоко понимать собственную культуру.

В XVII веке Джон Локк определил семиотику, используя этот термин в значении *учения о знаках*. Семиотическая традиция исследует изучение знаков и символов как важной части коммуникации для понимания вещей или для передачи своего знания другим. В отличие от лингвистики семиотика также изучает нелингвистические знаковые системы. Первые известные науке споры о природе знаков возникли ещё среди философов древней Греции, да и сам термин «семиотика» происходит от древнегреческого *σημειωτικός* (*sēmeiōtikós*) "наблюдающий за знаками" (от *σημεῖον* (*sēmeion*) "знак, метка, знак").

Семиотика как наука сформировалась к началу Первой мировой войны благодаря трудам таких учёных, как Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Г. Фреге, Э. Гуссерль, Ч. Моррис. Опираясь на идеи первопроходцев новой науки, в XX веке оформились различные семиотические школы: французская, польская, американская, русская. В данной работе авторы опирались на научные работы как современных русских семиотиков (Антонов Д. И., Махлина С. Т., Лебедев В. Ю., Майзульс М. Р.), так и на труды их знаменитых иностранных коллег: Умберто Эко и Мирча Элиаде.

Так как данная работа в первую очередь связана с изобразительной семиотикой, которая фокусируется на свойствах изображений и их интерпретации, то авторами также была использована монография российских искусствоведов Сарабянова В.Д. и Смирновой Э. С. «История древнерусской живописи», а также ряда русских и зарубежных православных сайтов. Цитаты из Библии приводятся в русском синодальном переводе.

Объектом исследования является христианский семиотический код используемый в изобразительном искусстве.

Предметом данной статьи является изучение некоторых вопросов истории возникновения и развития христианских символов с начала возникновения христианства до формирования русской иконописной традиции, а именно изобразительная семиотика.

Цель – на примере исторической эволюции изобразительной семиотики показать функционирование хри-

стианского семиотического кода.

Методология и методы данной работы определяются выбором материал. Кроме общенаучных методов анализа и синтеза в работе использовался иконографический и иконологический метод, а также метод формально-стилистического анализа как наиболее эффективные при работе с художественными изображениями.

Результаты исследования.

Возникновение и развитие христианства связано с историей Римской империи. Известно, что Иисус проповедовал в Иудее, римской провинции, возникшей на месте бывшего Иудейского царства Хасмонеев и Ирода. Его последователи шли проповедовать в другие провинции империи, в том числе и в Рим, где в итоге образовалась многочисленная христианская община.

Для Римской империи того времени был характерен политеизм, главными богами считались Юпитер, Юнона, Марс. Христианство же изначально было популярно среди рабов и бедняков, так как лица без гражданства не могли поклоняться римским богам, а в христианстве социальный статус и национальность не имели значения. Христианство давало надежду на помощь и спасение «всем многочисленным неприкаянным, тем, кто страдал от одиночества и отчужденности, социальной или культурной... Так как не существовало ни социальных, ни расовых, ни интеллектуальных барьеров» [9, с. 240].

В течение долгого времени римская власть отождествляла христиан с сикариями («кинжальщиками») – повстанцами-иудеями, ведущими борьбу с Римом за создание независимого еврейского государства. Поэтому христианство подавлялось, а христиане преследовались и уничтожались. В такой ситуации первые христиане не могли открыто исповедовать свой культ, и им пришлось прибегнуть к тайнописи в ответ на гонения со стороны официальной Римской власти. Так появились самые первые христианские символы. С их помощью можно было легко определить единоверца во враждебном окружении, также они использовались как понятная визуализация основных идей новой веры.

Ранние ветхозаветные символы можно условно разделить на две основные группы:

- 1 – символы самой Церкви и её основного таинства – причастия или Евхаристии;
- 2 – символы, замещающие Христа (буквенные и художественные).

Евхаристические символы – это хлеб, виноград, чаша или сосуд. Они, в первую очередь, символизируют сам процесс причастия. Хлеб мог изображаться как в виде хлебов для причастия, так и в виде колосьев пшеницы, символизирующих апостолов.

Виноградная лоза, кроме таинства Евхаристии, символизировала Церковь, где ветви и ягоды обозначали паству. Кроме того, образ лозы можно часто встретить в Би-

Рисунок 1. Катакомбы святого Каллиста, Рим, II в. н.э.

бии: в Ветхом Завете она символизирует землю обетованную, а в Новом Завете – рай.

Что касается имени Христа, для его написания также использовалась тайнопись. Широкое распространение получила монограмма, состоящая из греческих букв Х (хи) и Р (ро): $\chi\rho$. Такая монограмма получила название Хрисмон или Хризма [3, с. 96]. В разное время изображение Хризмы менялось, самый распространённый вариант – простое наложение этих букв: $\chi\rho$, хотя встречается усложнённая или упрощённая форма ($\chi\rho$, $\chi\rho$). Кроме того, иногда в эту монограмму добавлялись ещё две греческие буквы: альфа α и омега ω : $\alpha\chi\rho\omega$.

Традиция иносказательного написания имени Христа с помощью букв (альфа и омега) α и ω относится к Библии, где в Откровении Иоанна Богослова сказано: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель.» (Откр 1:8) [2].

Часто такое буквосочетание обрамлялось пальмовыми или лавровыми ветвями, обозначающими славу или власть.

Ещё одной известной шифрограммой является греческое слово «ikhthus» («ихтус») – «рыба», которое можно расшифровать как акроним (сокращение по первым буквам слов) имени Иисуса Христа: Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель).

Не только греческое слово «ikhthus» – «рыба» иносказательно обозначало Христа, но и само изображение

рыбы. Причём изображение рыбы зачастую было условным, в виде двух дуг, содержащих внутри зашифрованную монограмму Христа, тот самый ихтус.

Итак, вторым способом тайно обозначить Христа являются художественные изображения. Наиболее распространённые из них – это уже упомянутая рыба, а также Добрый Пастырь и Агнец. Давайте коротко рассмотрим каждый из них.

Символ рыбы соотносится с акронимом «ikhthus» («ихтус») – «рыба», как уже упоминалось выше. Такая отсылка подкрепляется Евангелием от Матфея «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыбаками, и говорит им: «Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами людей». (Мф 4:18–19) или в Евангелии от Марка «И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков.» (Мк 1:17). В Евангелии от Матфея можно найти также ещё один интересный образ, связанный с рыболовством: «...подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода» [2].

Следующий образ Христа – образ Доброго Пастыря также взят из Библии. В Евангелии от Иоанна Христос сам называет себя Добрым Пастырем, потому что он готов отдать жизнь за своих овец (Ин 10:11–16). В псалме Давида мы также находим подобное обращение: «Го-

сподь – Пастырь мой» (Пс. 22:1) [2]. Христос в этом образе обычно изображается, как античный пастух в сопровождении овец. Часто этот образ дополняют посох (жезл – символ власти) и сосуд для молока (символ таинства Причастия). Надо отметить, что этот образ, простой и понятный, сохранился в языке до наших дней. До сих пор миряне, посещающие церковь, называются паствой, а их духовный руководитель – пастырем.

Рисунок 2. Катакомбы Присциллы, Рим, II-IV вв. н.э.

Ещё один образ Христа связан с предыдущим – это изображение Христа в виде Агнца. [11] Агнец – это в первую очередь символ искупительной невинной жертвы, совершенной Иисусом ради людей. Упоминания агнца как жертвенного животного не единожды встречаются в Библии. В Откровении Иоанна Богослова есть откровение, напрямую указывающее на связь этого жертвенного животного с Богом: «это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу». Что касается художественного воплощения этого образа, то он часто изображался с нимбом и хризмой (позднее с крестом), что дополнительно подчёркивало его божественную природу.

Однако к правлению императора Юстиниана II с развитием и становлением христианской церкви отпала необходимость изображать Христа косвенными, иносказательными методами. На Вселенском соборе 692 года было принято правило, запрещающее изображения Христа в виде Агнца. «...повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представлять по человеческому естеству вместо ветхого агнца.» [5]

Рисунок 3. Рельеф портала базилики, Испания, XII в.

Что касается самого распространённого и узнаваемого в наши дни символа христианства – креста, то в первые годы формирования этой религии он не был широко распространён. Обычно первые изображения креста соединялись с другими символическими образами, например, корабля или якоря.

Рисунок 4. Катакомбы Домициллы, Рим, II-IV вв. н.э.

Широкое распространение креста как христианского символа стало возможным только после Миланского эдикта, подписанного в 313 году, согласно которому традиционное римское язычество утратило статус официальной религии и прекратились гонения на христиан. С тех пор и до наших дней крест стал основным символом христианской веры.

К концу IV века н.э. Римская империя переживала период упадка, что привело к её разделу в 395 году на две части: Западную Римскую империю со столицей в Риме и Восточную Римскую империю (Византию) со столицей в городе Византий. Судьба этих империй была разной: если Западная Римская империя пала под натиском варваров уже в 476 году, то Восточная Римская империя существовала до середины XV века, оставаясь крупнейшим культурным, научным и религиозным центром, а также продолжателем христианских традиций. Поэтому следующий этап развития христианской семиотики относится к расцвету христианства и иконописи в Византийской империи.

Хотя христианская традиция считает, что первые иконы были написаны ещё во времена апостолов, первые моленные иконы не сохранились до нашего времени. Однако их упоминание такими влиятельными деятелями Церкви, как Иоанн Златоуст (347–407) или Григорий Богослов (ок. 325–389), позволяет считать иконы распространённым церковным атрибутом уже в IV веке н.э. Развитие церковного искусства связано с деятельностью Константина Великого, при котором в новой столице Восточной Римской империи, Византии (в дальнейшем в его честь переименованной в Константинополь) христианство получило широкое распространение [12], количество верующих значительно увеличилось, что привело к необходимости заменить раннехристианские символы, предназначенные для немногих просвещённых, на более понятные изображения.

В VIII веке христианство пережило кризис, связанный с появлением и развитием иконоборчества, – запрета на почитание икон. На государственном уровне это было закреплено в Иконоборческом соборе 754 года. Любое изображение святых было объявлено идолопоклонством, что привело к уничтожению огромного количества икон, фресок, мозаик и т. д. Тем не менее, иконопись не исчезла полностью, но стала на время скрытой. Ересь иконоборчества была окончательно преодолена к 787 году, когда на Седьмом Вселенском соборе был принят догмат иконопочитания, который уравнивал почитание креста как основного символа христианства, Евангелия – как его словесный образ, и икону – как способ визуальной передачи божественного мира. «Иконы ... доступнее для верующих: их можно найти и в самых скромных храмах и часовнях, и в частных домах. Кроме того, их созерцание приобщало к целому миру символов» [10, с.42].

Преодоление иконоборческой ереси оказало значительное влияние на христианское искусство в целом и иконографию в частности. Если до VIII века иконопись продолжала эллинистические традиции и отображала главным образом физическое сходство, материальный мир, то после проявляется тенденция отразить внутренний, духовный мир человека. Иконопись переходит от портретного изображения лиц к изображению святых ликов. Так начинают складываться узнаваемые иконописные каноны: тонкие черты лица, маленький рот, прямой нос и большие глаза, подчёркивающие духовный, возвышенный, божественный смысл изображения. «Так как живописец изображает невыразимое, внутренний мир изображаемых персонажей, глаза становятся местом выражения личности, окном в ее нравственный мир.» [4, с. 53] Таким образом, в православной Византийской традиции икона становится не просто иллюстрацией к Священному Писанию, но особым способом передачи Божественных образов. Поэтому иконопись соответствовала чётким догматам веры и не предполагала проявления фанта-

зии со стороны иконописца, иконописание считалось не возможностью для самореализации художника, а «служением и аскетическим деланием» [5].

Здесь сразу необходимо отметить, что речь идёт именно о православных, а не о католических иконах, потому что в Западной и Восточной ветви христианства сформировались различные традиции иконописи. Главное отличие – в цели, для которой создаётся икона: если в Византийской традиции её цель – молитва, обращение к божественному, то католическая икона – это иллюстрация на религиозную тему, она рассказывает библейскую историю, а не настраивает на молитвенный лад. Поэтому в католической традиции иконописи отсутствуют строгие каноны, это в большей степени картина или портрет, выполненный в соответствии с воображением художника. В развитии европейского искусства икона сыграла важную роль, но в эпоху Ренессанса она «вытесняется алтарной картиной, сохраняясь лишь в народном творчестве» [6, с. 304] и, фактически, заменяется живописью и скульптурой.

Возвращаясь к теме православных икон, нельзя не сказать о русской иконописи, которая после крещения Руси в 988 году продолжила и развила византийские традиции. С X века русская иконописная школа существовала под влиянием византийских канонов, «Византийская ориентация русской культуры была доминирующей вплоть до середины – первой четверти XV в. (что связано с падением Константинополя, взятого турками в 1453 году)» [7, с. 9]. Расцвет именно русской иконописи связан в первую очередь с творчеством Андрея Рублёва и его последователя Дионисия. К XVII веку в искусстве русской иконописи наступает кризис, вызванный влиянием европейской, светской живописи.

Тем не менее, христианский иконописный канон, существовавший на протяжении нескольких веков, сформировал определённый способ художественного изображения божественного мира: обратная перспектива (при которой предметы увеличиваются по мере удаления от зрителя), отсутствие светотени, использование определённых цветов, условность времени (все события на иконе изображены одновременно, даже если они происходили в разное время).

Кроме того, к X веку было разработано большое количество символов, «закодированный набор ожиданий» [8, с.155], который помогал верующим «читать» икону. Любая деталь несла в себе определённый смысл: надписи, сделанные на иконах, одежда, положение рук. Иконописная символика крайне многообразна, поэтому мы рассмотрим только некоторые семиотические категории.

Буквенные обозначения. Надписи на иконах могут быть выполнены как на церковнославянском языке, так и на греческом. В иконных надписях широко применяется контрактура – стяжение слова, контрактуры обознача-

ются специальным надстрочным знаком ~ (титло). Если с чтением греческих букв могут возникнуть сложности, то церковнославянское написание не вызывает особых проблем в чтении и понимании слов: Бгъ – Бог, Гдъ – Господь, АПЛЪ – Апостол и тд.

Наиболее распространённые иконные надписи и их значения.

ΙΧΘC, ΟΩΝ - сокращённое написание имени Иисус Христос, составленное из двух пар букв под титлами **ΙΘ ΧΘ**. Греческие буквы **Ο Ω Ν**, значат Сущий. Этот прием сокращения появляется примерно в XI веке, порядок букв может меняться.

ΜΠ ΘΥ – на греческом языке: сокращение от Μηтер Θεου, на церковнославянском - Матерь Божия

ΑΓΙΟΣ, ἅγιος – святой

ΑΓΙΑ, ἁγία – святая

ΟΚΑ, ΟΑΚ – праведник

Не только прямые письменные указания, но и одежда указывала, кто изображён на иконе. Так, в пурпурных мантиях или шубах изображались святые князья (Борис и Глеб, Ярослав Мудрый, Ольга), в плащах и доспехах – святые воины (Александр Невский, Георгий Победоносец, Дмитрий Донской), преподобные (Серафим Саровский, Сергей Радонежский) изображаются в монашеских одеждах, цари (Соломон, Давид) – в коронах, святители (Николай Чудотворец, Иоанн Златоуст) в епископском облачении и т.д.

Чтобы окончательно персонифицировать изображённого святого, использовались дополнительные атрибуты, с помощью которых происходило «последовательное кодирование визуальных сообщений» [8, с.131.]. Так, апостол Павел обычно изображался с Евангелием, символизирующим слово Божье. У Петра, как правило, в руках ключи, преподобного Сергия Радонежского принято писать, держащим на ладони основанный им монастырь. Праведный Ной держит в руке ковчег, пророк Моисей – скрижали Завета. Великомученик Пантелеймон, покровитель врачей, традиционно изображался с коробочкой лекарств, преподобный Андрей Рублев – с иконой Святой Троицы, а преподобный Серафим Саровский – со свитком изречений и молитв.

Светлые лики Иисуса, Богородицы или святых на иконе всегда изображены анфас или повёрнутыми в $\frac{3}{4}$ к молящемуся. Фигуры, расположенные в профиль – это всегда второстепенные персонажи (ангелы, волхвы, воины). Лица грешников (Иуды, отрицательных исторических персонажей) часто затирались добела, зачёркивались или закрашивались [1, с. 25]. Такая порча изображений осуществлялась не иконописцами, а обычными верующими.

Для правильного «прочтения» иконы также важно положение рук изображённого святого. Самый распространённый жест в иконописи называется Благословляющая Десница или Имясложение: пальцы правой руки (десни-

цы) складываются особым образом, создавая буквы буквы I и X - Иисус Христос. Часто с этим жестом изображают самого Христа или святых епископов, митрополитов патриархов, всех, кто при жизни часто благословлял людей, например, Иоанна Златоуста или Николая Чудотворца.

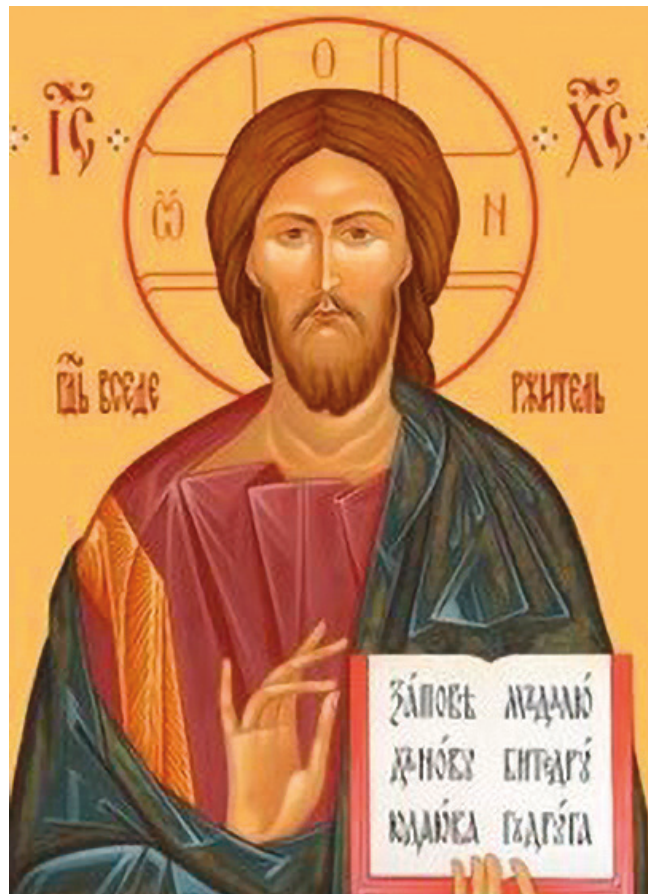

Рисунок 5. Спас Вседержитель, или Пантократор, современное изображение

Ладонь, прижатая к груди – символ сердечного сопереживания, молитвы. Руки сложены на груди буквой X – жест, символизирующий верность Христу. Он также означает, что жизнь святого прошла под знаком несения креста, особых жизненных испытаний. Две ладони, поднятые вверх – древний жест заступнической, усиленной молитвы. Самая распространенная икона, демонстрирующая подобный жест – так называемая Богородица Оранта, т.е. Молящаяся.

Рисунок № 6

Ещё один распространённый жест в иконописи – «ладонь праведника». Раскрытая ладонь прижата к груди и развернута к смотрящему. Демонстрация раскрытой ладони – символ честности, праведности, отсутствия злых помыслов.

Рисунок № 7

Кроме того, в иконах сохранились и более ранние христианские символы: голубь, держащий во рту ветвь

Рисунок 6. Богоматерь Оранта. Мозаики Софии Киевской, Киев, Украина, XI в.

Рисунок 7. Матрона Московская, современное изображение

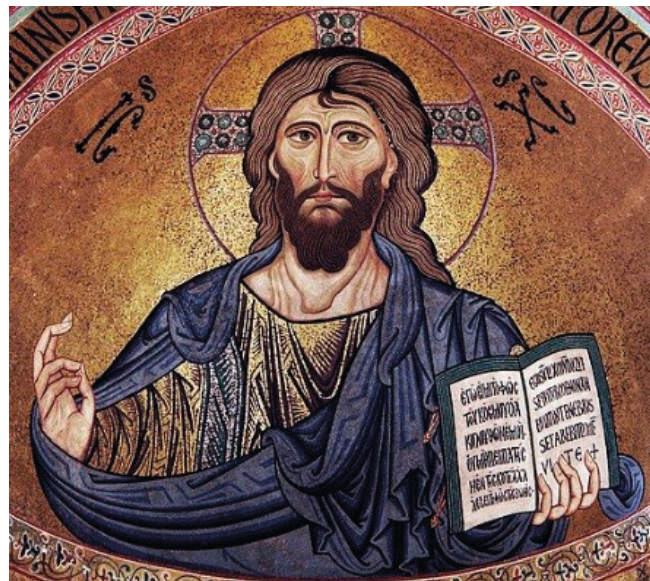

Рисунок 8. Христос Пантократор (Вседержитель) Византийская мозаика. Собор Чефалу, Сицилия, XII век

— символ мира и милости Божией, сосуд с водой, символизирующий таинство Крещения, нимб или мандорла (миндалевидное сияние, обрамляющее всю фигуру святого) как символ Божественного света, крест, якорь. Иногда эти символы объединяются, примером этого может быть так называемый крещатый нимб (крест, изображённый внутри нимба), используемый в изображении Иисуса, как указание на его Крестную жертву.

Рисунок № 8

Выводы

Таким образом, мы видим, что развитие христианства сопровождалось развитием и усложнением религиозных символов. Семиотические коды — это тот язык, через который христианство транслировало свои ценности. Символы можно считать частью огромной системы христианского мировоззрения, сформировавшееся не сразу, а эволюционировавшее несколько столетий. Если в ранний период христианского учения символы использовались для кодирования и сокрытия информации, то в дальнейшем, с укреплением и распространением христианской веры, цель их использования изменилась.

При этом развитие христианской иконописи в католичестве и православии шло разными путями. Византийская традиция, обусловленная обращением, в первую очередь, к духовному миру через молитву, выработала строгие каноны, не подразумевавшие художественного вымысла, католическая же иконопись делала акцент на более свободное толкование библейских сюжетов через изобразительное искусство. Только в XVII веке православная иконопись под влиянием европейских ценностей претерпевает изменения, сохраняя, однако, набор специфических символов.

В русской иконописи мы видим уже сложившийся многокомпонентный набор религиозных символов, ис-

пользующихся как дополнение и пояснение к религиозному изображению. Иконопись, таким образом, является отображением более сложной семиотической системы, внутри которой существуют уже сложившиеся семиотические коды.

Таким образом, знание культурных кодов, выраженных буквенными и атрибутивными изображениями, помогает правильному «прочтению» послания, заложенного в иконе, и выбору соответственной молитвы, что является основой любой культуры.

Источники и литература / Sources and references

1. Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011. 384 с.
2. Библия Онлайн. Доступно по: <https://bibleonline.ru/>. Ссылка активна на 25.08.2022
3. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. М., 2010. 400 с.
4. Махлина С. Т. Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб., «Алетейя», 2008. 109 с.
5. Православный портал «Азбука веры» | Православный сайт. Доступно по: <https://azbyka.ru/>. Ссылка активна на 10.09.2022
6. Религии мира: словарь-справочник / под. ред. А. Григоренко – СПб., Питер, 2009. 400 с.
7. Сарабянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 752 с.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
9. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., Академический Проект, 2008. 679 с.
10. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т.3. От Маро-мета до Реформации. М., Академический Проект, 2008. 463 с.
11. Signs and Symbols in Christianity. Доступно по: <https://catalog.obitel-minsk.com/blog/2016/10/32-signs-and-symbols-in-christianity>. Ссылка активна на 25.08.2022.
12. Christianity - Dogma, Definition & Beliefs – HISTORY. Доступно по: <https://www.history.com/topics/religion/history-of-christianity>. Ссылка активна на 25.08.2022.

Информация об авторах:

Бородкина Александра Юрьевна, преподаватель-переводчик отдела по работе с иностранными студентами Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: sseverga@mail.ru. ORCID 0000-0001-7106-9687

Вклад в статью: анализ эмпирического материала и интерпретация, теоретический анализ источников, составляющих методологию исследования. Результаты и выводы.

Порхачев Василий Николаевич, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: porhachev.vn@kemsma.ru. ORCID: 0000-0002-1912-8528

Вклад в статью: оценка и критический анализ результатов и утверждение окончательной версии статьи.

Authors information:

Borodkina Alexandra Yuryevna, teacher-translator of the Department for Work with Foreign Students of the Kemerovo State Medical University. E-mail: sseverga@mail.ru. ORCID 0000-0001-7106-9687

Contribution to the article: analysis of empirical material and interpretation, theoretical analysis of the sources that make up the research methodology. Results and conclusions.

Porkhachev Vasily Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kemerovo State Medical University. E-mail: porhachev.vn@kemsma.ru. ORCID: 0000-0002-1912-8528

Contribution to the article: evaluation and critical analysis of the results and approval of the final version of the article.

УДК 321

Ахмад Муляди, Бирюков С.В.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ И СУХАРТО: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДВУХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация

В исследовании анализируется, как режимы Сухарто (по-индонезийски: Orde Baru) в Индонезии и Шарля де Голля (Пятая республика, или по-французски: La Cinquième République) во Франции осуществляли свою власть, основываясь на типологии политического режима, разработанной Вольфгангом Меркелем. Используемая методология является качественной и индуктивной, путем непосредственного сравнения их друг с другом (непосредственное использование метода сравнительного случая).

В результате проведенного исследования выявляется общее и особенное в режимах Сухарто и де Голля. Оба режима характеризуются некоторыми общими чертами авторитарного режима, такими как обладание обширной властью в руках президента в ущерб другим важным демократическим институтам, включая парламент. Режимы де Голля и Сухарто по своему характеру были персоналистскими (лидерскими), мобилизационными, модернизационными, нацеленными на политико-идеологическую консолидацию, создание новых политических

институтов и развитие экономики. Различия между ними также заметны, например, подход, который они использовали по отношению к своим оппонентам. В данном случае Сухарто, как правило, был более репрессивным, нежели режим де Голля. Кроме того, де Голль продемонстрировал свою приверженность демократическим ценностям, формально организовав референдумы. В конечном итоге, невозможность превращения режима де Голля в последовательную автократию, в отличие от превратившегося в автократический режим Сухарто, показывает различие траекторий и возможностей политического развития Франции и Индонезии в период после Второй Мировой войны.

Ключевые слова: Ордо Бару, Пятая Республика, Сухарто, Шарль де Голль, политический режим, авторитарность, демократия, власть, демократические ценности, Вторая Мировая война.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Ахмад Муляди, Бирюков С.В. Шарль де Голь и Сухарто: сравнительное исследование двух политических режимов // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 23–35.

Статья поступила в редакцию 13.08.2022 г.

POLITICAL SCIENCE

Ahmad Mulyadi, Biryukov S.V.

CHARLES DE GAULLE AND SUHARTO: A COMPARATIVE STUDY OF TWO POLITICAL REGIMES

Abstract

The study analyses how the regimes of Suharto (In Indonesian: *Orde Baru*) in Indonesia and Charles de Gaulle (The Fifth Republic, or in French: *La Cinquième République*) in France exercised their power, based on the typology of political regime designed by Wolfgang Merkel. The methodology used is qualitative and inductive by comparing them directly head-to-head (straight comparative case method).

As a result of the conducted research, the general and special in the modes of Suharto and de Gaulle are revealed, there are similarities and differences. Both regimes are character-

ized by some common features of an authoritarian regime, such as the possession of extensive power in the hands of the president to the detriment of other important democratic institutions, including parliament. The regimes of de Gaulle and Suharto by their nature were personalistic (leadership), mobilization, modernization, aimed at political and ideological consolidation, the creation of new political institutions and the development of the economy. The differences between them are also noticeable, for example, the approach they used towards their opponents. In this case, Suharto, as a rule, was more repressive than the de Gaulle regime. In addi-

For citation: Ahmad Mulyazhi, Biryukov S.V. Charles de Gaulle and Suharto: a comparative study of two Political Regimes // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 23–35.

tion, de Gaulle demonstrated his commitment to democratic values by formally organizing referendums. Ultimately, the impossibility of turning the de Gaulle regime into a consistent autocracy, in contrast to the Suharto regime that turned into an autocratic one, shows the difference in the trajectories and possibilities of the political development of France and Indonesia in the period after World War II.

The multivariance of the development of societies and states in a state of "transformational crisis" in the countries of the Second and Third worlds is not only a practical, but also a scientific and theoretical problem. The well-known instability of institutions, imperfection and imperfection of legislation, the difficulty of taking into account and fully coordinating the interests of diverse social (socio-professional) strata make the development of such societies during periods of "protracted transition" nonlinear and unpredictable. A possible way out of the state of constantly prolonged crisis and degradation of such societies is the establishment of one or another version of an authoritarian regime with an emphasis on the idea of national greatness – which, in addition to temporary stabilization, can with high probability put such a country in a state of unpredictability with the multiplication of already existing risks. At the same time, the logic of the formation and functioning of authoritarian regimes in countries undergoing large-scale transformations are not linear and strongly depend on the specifics of the political systems going through the process of transformation of countries. A scientific political analysis of the attempt to establish (institutionalize) an authoritarian regime in post-war Western and non-Western societies by the case study method in the context of large-scale transformations that took place in these societies after World War II seems to the author to be an urgent scientific task, since the very possibility of assessing the prospects of authoritarianism as a phenomenon in the context of solving such regimes depends on the results and consequences of this attempt. tasks of stabilization and modernization of the respective societies. The authors of the article aim to assess the features and consequences of the establishment of authoritarian (quasi-authoritarian) regimes in the cases of France and Indonesia in the 1960s and 70s.

Many analyses about Charles de Gaulle focused on France's foreign policy of France during his presidency in the Fifth Republic (1958-1969). They analysed Charles de Gaulle's vision and political approach in relation to other international political actors such as Germany, England, USA, European Union and NATO. These de Gaulle authors are many, such as Andrew Moravcsik, Mathieu Segers and Allice Pannier.

Other writings appeared in the form of biography, for example by Volker Hentschel and Jean Lacouture. In the book entitled *Charles de Gaulle, eine kurze Geschichte seines Leb-*

Keywords: Ordo Baru, the Fifth Republic, Suharto, Charles de Gaulle, political regime, authoritarianism, democracy, power, democratic values, World War II.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

ens[12], Hentschel described Charles de Gaulle as a strong visionary military general and politician who sought to restore French power and regain the France's prestige and greatness of France in the international scene. Therefore, de Gaulle needed a new constitution capable of giving significant powers to the elected president of France. Eventually, de Gaulle was able to make it happen: he became the French leader (president) with much greater authority and power compared to the previous French leaders, especially those in the Fourth and Third Republics.

Some authors, such as Sergey Biryukov [5] and Gutorov [10], considered de Gaulle's regime the authoritarian one. This is due to the way de Gaulle exercised his extensive political power, which contradicts some values of democracy.

What happened in France also happened in some other countries. One of these is Indonesia, particularly during the New Order or *Orde Baru* (1966 – 1998). Many Indonesian scholars, such as Salim Haji Said [19] and Denny JA [13] considered this regime as an authoritarian regime. They argued that the way Suharto ruled the country was far from democratic.

Both Charles de Gaulle and Suharto governed their countries in different contexts. De Gaulle ran his regime under the semi-presidential system, while Suharto under the presidential system. Nevertheless, they have the same origin, namely the military one. Both were also considered heroes of their countries before assuming the presidency. But Suharto led Indonesia much longer than de Gaulle led France in the Fifth Republic. So, what makes them different and similar? The author argue that it is related to the different degrees of the authoritarianism they applied in the politics.

To answer the research question systematically, we must first compare them to each other. This comparison will give us the answer to whether they are authoritarian or not. This comparison will eventually help us to identify more precisely the differences and the similarities more specifically between these regimes.

There are some options of typology from different authors about this topic. One of the best known is the typology by Juan J. Linz. But this typology is relatively not well systematized. Another political scientist, Wolfgang Merkel [17], has developed another typology of political regime which is, in my view, relatively more systematic. Therefore, this typology will be used as a standard or parameter when comparing

or analysing some points in both regimes, namely: genesis of the two regimes, their ideology, institutional structure, legal constitutional foundation, political practices, and the result of their activities.

The object of research is the political regimes of Charles de Gaulle in France (1958-1969) and M. Suharto (1965-1998) in Indonesia.

The subject of research is common and special in social foundations, goals, objectives and strategies between the regimes of Charles de Gaulle in France (1958-1969) and M. Suharto (1965-1998) in Indonesia.

The purpose of research is to identify the common and special in the genesis, development and functioning of the modes of Charles de Gaulle in France (1958-1969) and M. Suharto (1965-1998) in Indonesia.

This research will use straight comparative case method (inductive comparison). Using this method, I will directly compare the five points above between Charles de Gaulle and that of Suharto. So, the structure of this article starts with the introduction, then the main content, namely the comparison and the analysis of both regimes, and finally the conclusion.

Table 1: Characteristics of democratic and autocratic systems according to Merkel [17].

	Autocracy		Democracy	
	Totalitarian regime	Authoritarian regime	Defected democracy	Embedded democracy
Legitimacy of power	Worldview (ideology)	Mentality	Popular sovereignty	Popular sovereignty
Access to power	Closed (instead of universal suffrage, acclamatory plebiscites)	Restrictive (possibly the right to vote, but without or with only limited pluralistic free and fair elections)	Opened (universal suffrage)	Opened (universal suffrage)
Claim to power	Unlimited (total)	Extensive	Limited (legally defined, but violated borders)	Limited (legally defined and guaranteed limit)
Monopoly of power	Leader/political party (not legitimized by democratic elections and democratic constitution)	Leader/oligarchy (not or under circumstances only partially legitimized by elections)	Authorities legitimized by elections and a democratic constitution, but under circumstances restricted by veto powers	Authorities legitimized by elections and a democratic constitution
Structure of power	Monistic	Semi pluralistic	Pluralistic	Pluralistic
Way of domination	Arbitrarily repressive, terroristic	Arbitrarily repressive	Based on damaged rule of law	Based on rule of law

Genesis

French case

Charles de Gaulle's regime is the first government in the Fifth Republic of France. Therefore, to understand the origin of this regime, we need to understand the reason for the emergence of the Fifth Republic.

The Fifth Republic was the result of the struggle of de Gaulle and his supporters who were dissatisfied with the leadership of the Fourth Republic. The leadership of the Fourth Republic was considered a failure in rebuilding the French nation, which was in deep crisis after World War II.

The fundamental problem of the Fourth Republic, in de Gaulle's opinion was its political system. The Fourth Republic was an unstable government that did not allow the executive branch to function optimally. The Constitution of the Fourth Republic is believed to have significantly restricted

the executive branch authority, while the legislative branch had dominant power. This regime was a typical parliamentary system, but with a strong tendency towards internal division between right and left. This resulted in unstable regime and weak leadership by the executives.

In 1946, when de Gaulle was Prime Minister of the Provisional Government, he tried to solve this problem by proposing a new constitution that would allow the executive branch to work more optimally. This proposal was rejected by Parliament [10]. Therefore, he decided to resign from the government.

A few years later, de Gaulle benefited from the critical situation in Algeria. Algeria was already fully integrated into France at that time. The number of white French population in Algeria were much higher than in any other French colonial territory. Thus, the increasing political crisis in Algeria be-

came a serious problem for the central government in Paris. This crisis had also divided the French people, who were already in crisis, politically, socially, and economically.

The Fourth Republic was not capable enough to handle this multi-crisis. General Charles de Gaulle, still influential in the French military, attempted to ease the tension of the Algerian crisis. His efforts were successful. Since then, he had more control over French army in Algeria, which was politically divided before de Gaulle's intervention. With this contribution in Algeria, de Gaulle was once again able to assert himself as a French saviour.

As a result, de Gaulle and his supporters, mainly from the military, asked the French President to change the composition of the French government especially for the post of Prime Minister and to create a special phase of governance (transitional phase). This coup d'état finally succeeded. De Gaulle was once again elected as the new Prime Minister. Then, he initiated the referendum for the new constitution of 1958 [12]. After this referendum, de Gaulle was elected president by an electoral college in 1959 [22].

The 1958 Constitution became the beginning of the new French Republic, namely the Fifth Republic. With this new constitution, the executive branch, particularly the president, has significant powers at the expense of the parliament. Then, in 1962, another referendum was organized for the direct election of the French president by the people. The majority of the people voted for direct presidential election. Since then, France left the parliamentary system, and started adopting a semi presidential system with General Charles de Gaulle as its first powerful president [12].

Indonesian case

The regime of Suharto (in Indonesian: *Soeharto*), also often called as the New Order regime (in Indonesian: *Orde Baru*), is a regime that arose after the defeat of the 30 September Movement (in Indonesian: *Gerakan 30 September/G30S*). Therefore, to understand the emergence of this regime, we need to understand the G30S.

The G30S is the movement led by some politicians who had the mission to prevent another movement called the Movement of Generals. They accused some generals, especially those in the army, of having intention to stage a coup d'état to remove Soekarno. The G30S leaders then kidnapped these generals and conducted chaotic movements throughout September and October 1965 with their crucial day on September 30, 1965. Soekarno himself never stated that he had ordered anyone to perform this movement.

Suharto, who was the head of Kopkamtib [*Author's note: Kopkamtib is the abbreviations of Komando Pemulihan Keamanan dan Ketertiban (Commando for Mission of National Recovery and Order)*]. It was one of the most powerful military institutions in Indonesia, both during Soekarno's and Suharto's presidencies.] at that time, took an initiative to coun-

ter the G30S to save the national security. Supported by some other politicians and military figures, Suharto was finally successful in fighting G30S in October 1965. Despite this, the turbulent situation caused by G30S was still visible. Most people were traumatized, the national economy was still weak, the national security in general was not yet stable and socio-political situation was still fragile.

In this unstable situation, Suharto used political advantage to put pressure on President Soekarno. This attempt was supported by Suharto's followers, particularly the military. Eventually this attempt was successful in forcing Soekarno to surrender most of his power and authority to Suharto through a Presidential Decree namely Decree of 11 March in 1966 (in Indonesian: *Surat Perintah Sebelas Maret* or abbreviated as *Supersemar*) [19].

After gaining more authority and power through the presidential decree, Suharto proposed to organize a special session of the National Assembly (*Sidang Istimewa MPR*). Then, the National Assembly considered Soekarno incapable to be President and decided to elect Suharto as his successor. Since then, Suharto became the first powerful president in the new regime, called *Rezim Orde Baru* (the New Order Regime) [8]. Flanagan and Southwood [9] classify the series of Suharto attempts from October (against G30S) until his inauguration as president as a coup d'état.

Comparison and analyse

From two cases above, we can see that both regimes were created by the military generals who took advantage of the unstable national situation. Both Presidents (de Gaulle and Suharto) claimed to be the saviours of their countries. Then, backed by military, they put intense pressure on their presidents to gain significant political power. Thus, the model they developed in the process of power transition was the same. A coup d'état that did not take its complete form. It is because the high pressure supported by military forces was already sufficient.

According to Adam [1], one of the characteristics of authoritarian regimes is the way they used for the political power which is usually through coup d'état. In this sense, both de Gaulle and Suharto can be included in this category. However, as already mentioned in the first part of this article, the parameter used in the analyse is the typology from Merkel that does not include the coup d'état as the character of the authoritarian regimes. So, until this point, we cannot classify them yet. Nevertheless, this knowledge of their genesis can help us to better understand the context of both regimes.

Ideology

French case

To understand the ideology of Charles de Gaulle's regime, we need first to understand Charles de Gaulle's background. This is because the political vision of de Gaulle's regime

was mainly influenced by the vision of its creator, General Charles de Gaulle.

Charles de Gaulle was born in Lille, in northern France near the Franco-Belgian border. Then, he grew up in Paris and studied in a military school. After graduating from the military school, he was active in French army (infantry regiment) and involved in some most crucial events in the world history, such as World War I and World War II.

During the World War I, he was taken prisoner by the German and lived as a prisoner of war in Bavaria in southern Germany for about three years. During this captivity, he often read the books about philosophy, history, and politics [12, p. 21]. According to Williams [24, p. 16], Charles Peguy was one of the figures who influenced de Gaulle's political vision. From him de Gaulle learned the meaning and concept of nationalism, historically associated with the term *Le Grandeur de la France* [24].

During World War II, de Gaulle is a central figure in the French liberation movement. He led this movement from London and finally managed to defeat the German army with help of alliances, primarily the USA, USSR, and England.

During his struggle against Nazi Germany, de Gaulle showed a tenacious and strong character not to give up the French nation and territory. At this time, his followers called themselves Gaullists, and the Gaulle's political idea is known as Gaullism.

According to Winock [16, p. 158], there are three characteristics of post war Gaullism. First, it aims to restore the greatness of France (in French: *le grandeur de la France*). The second is Bonapartist tradition, related to the authoritarian organizational structure and the central importance of a charismatic personality. The third is related to the Jacobean legacy of the French Revolution, with its social reform and centralist component. From these three characteristics, Charles de Gaulle, as French President, developed a new mentality that would later become known as Gaullism, guiding all his politics and regime.

Indonesian case

In Indonesia, Suharto as the new president was consistent with Democracy of Pancasila [Author's note: *Pancasila: Five pillars which were the legal foundation of Indonesia since its independence in 1945*] as the national ideology, adopted since Indonesia's proclamation of independence in 1945. Hence, Suharto did not create a new ideology during his presidency. Nevertheless, Suharto created a new mentality by developing a new interpretation of Pancasila. This interpretation is based on guidelines he made for his interest [14, p. 110-111]. These guidelines were named *Pedoman Penghayatan dan Pengamalan Pancasila* or P4 (In English: Guidelines for Comprehension and Application of Pancasila). Through this new interpretation, Suharto tried to be an authoritarian president whose control over political institutions and Indonesian citizens significantly increased beyond the values of democ-

racies, such as the principles of liberty and equality. Any effort at interpretation outside P4 is labelled anti-Pancasila [14].

Then Suharto also reinforced a particular mentality for ABRI [Author's note: *ABRI is the acronym of Angkatan Bersenjata Republik Indonesia*]. (Indonesian Military Unit). This is associated with dual function of the military (*dwi fungsi ABRI*). This was created in the era of Soekarno's presidency but strengthened by Suharto during his presidency.

With this *dwi fungsi ABRI*, the military had the responsibility of ensuring national security from both internal and external threats. Then, the area of military's task was expanded to other areas such as politics and other social activities. In this way, Suharto would secure and expand his claim to power. In the Suharto's era, many governors and mayors were also from military. In this way, every political decision at the regional level could be directly controlled by Suharto. In other words, centralizing power in his hand the power in his hands as president.

Comparison and Analyse

Both Charles de Gaulle and Suharto adopted a new mentality rather than a new ideology. De Gaulle used Gaullism as the regime's mentality, while Suharto used a new interpretation of Pancasila (P4) as the mentality.

Gaullism is a mentality heavily influenced by the concept of Bonapartism. According to Biryukov [5], The Bonapartism itself is a typical authoritarian form, which has strong independent executive power, universal suffrage and strong plebiscite elements and the extra ordinary political role of the military. Besides, the Gaullism is associated with the Jacobean spirit, which emphasizes the importance of centralizing power [16, p. 158].

In fact, the mentality embodied in the new interpretation of Pancasila (P4) has some convergences with the Gaullism. For example, both emphasizes the superiority of the executive branch. Both also tended to centralize most power to the President.

However, the extent of authoritarianism in both mentalities is not the same. For instance, although de Gaulle is a politician with strong military background, he never tried to make a military domination in many areas of civil life as Suharto did with his concept of *dwi fungsi ABRI*.

Based on Merkel's typology, both de Gaulle's and Suharto's regimes are categorized as authoritarian regimes. Both have a new mentality to impose on society. And with these mentalities, they sought to claim extensive power and to centralize power in the hands of the President.

Institutional Structure

French case

The institutional structure of France has changed drastically since the application of the constitution of 1958 and the reform of 1962. The most notable change in structure can be seen in the distribution of power.

Prior to the application of the 1958 Constitution, the power of President is insignificant. The President held a symbolic rather than a governmental position. The government function was distributed to the prime minister. But the prime minister is heavily dependent on parliament. Therefore, the level of quality and stability of government was strongly determined by the level of stability and solidity of parliament.

After the application of the constitution of 1958, power is more distributed to the executive, especially the President, at the expense of parliament. The fathers of the constitution of 1958, General Charles de Gaulle and his Prime Minister Charles Debre, wanted to limit the influence of political parties on French politics. They therefore had to limit the powers of parliament. This is also the reason why the role of political parties in the Fifth Republic is much weaker compared to many other western democratic countries [21].

After the reform of 1962, the President, like Parliament, is directly elected by the people. Then, the government led by his prime minister is accountable to parliament. According to Maurice Duverger [21, p. 70], this French model can be classified as a semi-presidential system.

According to Knapp and Wright [15] the central power of the Fifth Republic's semi presidential system is concentrated in the hands of President and Prime Minister (France's dual executive). However, the President is much more powerful than the Prime Minister because the constitution of 1958 gives the President some special powers, such as the full control of the country when the country is under serious threat (article 16). The President also has the right to call a referendum (article 11) and is mentioned as the constitutional guarantor (article 5). In relation with prime minister, the president can appoint the prime minister (article 8). The prime minis-

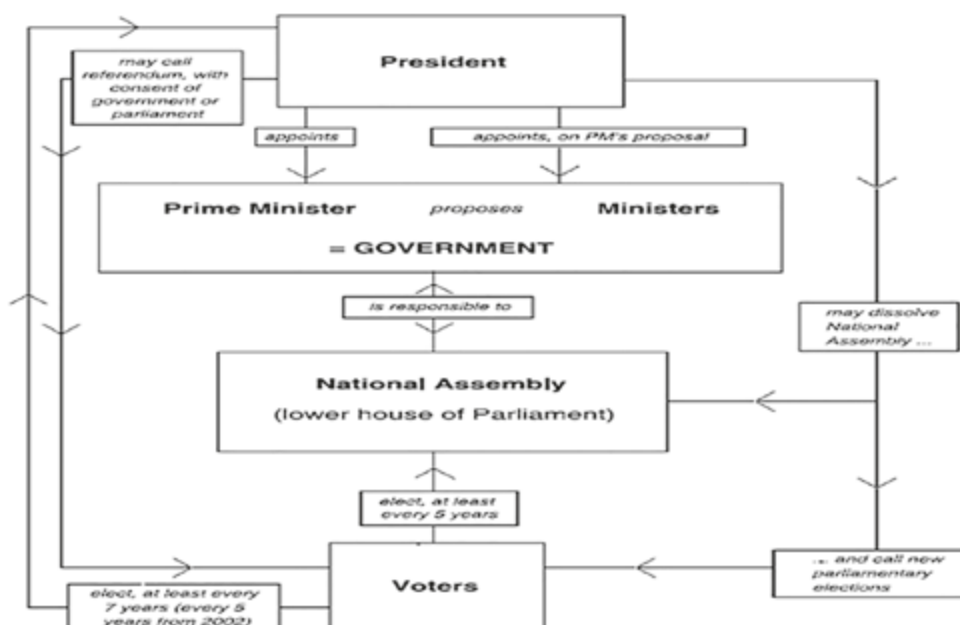
ter is responsible to the parliament, but the president can dissolve the parliament (article 12). In the case of the president has the majority in parliament, the president automatically doesn't need the cohabitation with opponent political parties for the position of prime minister. In this situation, the president will have a complete control of whole government, not only in the areas of foreign policies and defence which are already reserved for the president.

With these many privileges for the president, British experts of French politics, Knapp and Wright, call the French political system as republican monarch. Far from being confined to Chaban's *domaine réservé*, presidential policymaking could be expanded to any sector. It combines many of the powers of the American presidential system (a secure term of office, and for seven years not four[Author's note: Since 2002: for 5 years]) and the British prime minister (a stable parliamentary of majority, and the right to dissolve), the French president appeared as more powerful than any Western leader [15].

Then, the last component of *trias politica*, the judiciary, occupies a clearly subordinate position based on Jacobin tradition of the state. According to Jacobin tradition, the nation and its representatives have been mandated by the people through universal suffrage to make and to unmake the laws which enables them to take precedence of judiciary. Hence, the task of judiciary is merely to administer the law. This means, the competition of power in French tradition excludes the judiciary which is not elected directly by the people [15].

The highest French judiciary which is constitutional council (*conseil constitutionnel*) consists of nine members. The President of the Republic and the Presidents of National Assembly and Senate each appoint three members of the Constitutional Council [21].

Table 2: The institutional structure of the Fifth Republic. Source : [15].

Another important aspect of institutional structure of the Fifth Republic is the centralization of power. As discussed in the previous part of this article, the Jacobin tradition is strongly visible in the Fifth Republic. Thus, the centralisation of power in Paris is an important feature of the regime of the Fifth Republic, especially during De Gaulle's presidency.

Indonesian case

The institutional structure of the New Order Regime was characterized by the central role of the President. President Suharto had control over all areas of the executive branch, both internal and external affairs.

The President was elected by MPR (*Majelis Permusyawaratan Rakyat*) or People's Consultative Assembly. The majority of MPR's members were elected by the President himself [3, p. 49]. As a result, Suharto was able to hold the presidency for more than 30 years, longer than almost all other authoritarian regimes in the last half of 20th century.

The president was both the head of government and head of state. Structurally, the second most important executive position was the vice president. Constitutionally, the Vice President could assist the President both in domestic and external affairs. The Vice President was also elected by MPR with the approval of the President.

In practice, President dominated almost all political decisions. The Vice President had no significant role and could function optimally in the case of the absence of the President.

The Government Cabinet was designed entirely by the President. Most of them came from the dominant political party under Suharto's leadership, namely Golkar (Golongan Karya). According to the constitution, the governmental process was supervised by the Parliament. But it did not work well because most members of Parliament were from Suharto's Golkar political party [3, p. 50]. Furthermore, Suharto's position became even stronger with the active participation of military in Parliament, where they have their own seats. Thus, the position of the president in Indonesia during the New Order era was stronger than many other presidents in the countries with presidential systems, especially in the 20th century.

As for the position of the judiciary, the judiciary system in Indonesia during the New Order was designed to be subordinate to the powerful President. This was because most high positions in the judiciary were chosen by the President's approval.

Comparison and Analyse

The institutional structure of Charles de Gaulle's regime was generally based on authoritarian character on the one hand and a democratic character on the other. The authoritarian character was reflected in the extensive power of the President. Meanwhile the democratic character was visible in the electoral system where the people elected their president

through opened universal suffrage. Within the framework of the informal structural institution, de Gaulle also gave other political parties relatively fair competition.

The case of Suharto's regime was different. All sides of the institutional structure were dominated by authoritarian characteristics. Beside the extensive power of the President, there was no fair universal suffrage. The President has manipulated the system of universal suffrage for his own interest. For example, limiting the number of political parties based on unfair regulation and competition.

There were only three political parties namely Golkar, PPP and PDI. With the *dwi fungsi* ABRI, Golkar became the only option for the people of military background. Furthermore, the military which was Suharto's main supporter, already had its own seats in Parliament [20]. With this model, Suharto's political party (Golkar) always won universal suffrage.

If we see the Merkel's typology, we can conclude that de Gaulle's regime can be categorized into both an authoritarian and a democratic political regime. It is authoritarian because of the monopoly of power which was concentrated in the hands of President. It is democratic because the President was elected by opened universal suffrage.

Meanwhile, Suharto's regime is based on the Merkel's typology of an authoritarian regime. Firstly, it is because Suharto as President monopolised power. Secondly, it is due to the restrictive universal suffrage (possibly the right to vote, but without or with only limited pluralistic free and fair elections).

Based on the structure of power, Suharto can then be classified as authoritarian because his regime applied a semi-pluralistic model of structural power, while de Gaulle's regime applied a pluralistic model which means democratic.

Legal and constitutional foundation

French case

The legal and constitutional foundation of the Fifth Republic is the constitution of 1958. This constitution is based on some values that we can also see partly in the constitution of 1791 of the French Revolution, such as the principle of indivisibility, laicity and democracy.

In terms of the political and governmental system, it was designed to give the maximum power to the executive at the expense of parliament. It also emphasizes the importance of centralizing power to prevent the division of the French people. As for the principle of democracy, Concerning the principle of democracy, it is applied in universal suffrage for the election of the President and the members of Parliament.

Indonesian case

UUD 1945 (Constitution of 1945) is the constitutional and legal foundation of Indonesia during the New Order. Besides, Indonesian state has Pancasila as its philosophy. Many val-

ues in both UUD and Pancasila correspond with the values of democracy: like the principle of the justice, social welfare and the equality, especially after some amendments in the era of *Reformasi* (after the regime of *Orde Baru* ended). Some of these amendments are concerning the universal suffrage for the election of the president and the head of local government such as the governor and mayor.

Pancasila as a national philosophy has not changed to this day. Before it was officialised by the State, it was called *Piagam Jakarta* with some minor differences. Then, the final text named Pancasila (Five Pillars) is always the same since the proclamation of Indonesian Independence on August 17, 1945.

During the presidency of Suharto, Pancasila was used as a unique philosophy for all political parties and other social and political organisations. Therefore, Suharto made a new interpretation of Pancasila, which was the unique interpretation recognised by Suharto's regime. All attempts to make a different interpretation were considered as anti-Pancasila by the regime and the consequence can be a repressive [2, p. 309-312].

Comparison and analyse

Constitution of 1958 is controversial because it emphasizes the distribution of extensive power to the executive branch, particularly the President. This constitution is also debatable because it cannot resolve the classical problem of French politics which is deep division between left and right. The constitution can last longer than its predecessor, but it cannot prevent the systemic crisis of French national politics.

Based on Merkel's typology from Merkel, this constitution can be classified as a constitution for authoritarian regime. Firstly, because it supports the monopoly of power by the president. Secondly, it also reduces the role of Parliament and political parties in French political life.

If compare the constitution of UUD 1945 during the regime of Suharto (before amendments in the era of Reformation) with the constitution of 1958 (after the reform of 1962), we can see that the first one is less democratic than the second one. The first one did not guarantee people's full freedom in relation to the political parties they chose to support. It was also less democratic because it didn't allow people to elect their president according to their preference. In France during the de Gaulle's regime in the Fifth Republic (after the reform of 1962), the French people could elect the President via opened universal suffrage. Meanwhile in Indonesia under Suharto's presidency, the president was elected by the MPR, the majority of whose members were elected by the president himself.

If we use Merkel's typology, it is evident that UUD 1945 (before amendment in the era of Reformation) tended to support authoritarian regimes, since it did not provide for opened universal suffrage and did not prevent the monopoly of polit-

ical power by the president.

Concerning the constitution of 1958, it is democratic on the one hand and non-democratic on the other. It is democratic for its provision regarding opened universal suffrage (after the reform of 1962). But it is also non-democratic or authoritarian because it does not prevent the president to have extensive claim of power and to monopoly the power at the expense of parliament.

Practices

French case

The most notable practice of de Gaulle's regime was generally divided into three main sectors: economics, defence and technology, and foreign affairs. According to the constitution, foreign affairs and defence are *domaines réservés* for the President. The rest should be given to prime ministers and his cabinet.

In the field of defence and technology, de Gaulle strengthened France's military capacity and independence by developing nuclear power and weapon. Since then, France has become the most powerful nuclear power in Europe (outside the Uni-Soviet). France also developed high tech military weapons on a large scale. De Gaulle would build France with military superiority and at the same time with huge capacity of export in this domain.

Then, France withdrew from the command structure of NATO. In de Gaulle's view, France's active participation US-led organisation such as NATO would weaken France's independent position on the international stage [16, p. 196-197].

In the domain of foreign policy, de Gaulle, decided to give Algeria full independence after a referendum that he proposed to the French citizen. The decision to give Algeria full freedom is one of the Gaulle's most important foreign policies. As already known, Algeria had been an integral part of France for long time and its economic, social, and political contribution to France was significant.

Another important foreign policy decision made by de Gaulle is the alliance of *Franco-Allemand*. This alliance was very central in the foreign policy under de Gaulle. With this alliance, de Gaulle wanted to reduce the political, economic, and military influence of the Anglo-Saxon countries over France [16, p. 194]. This political move was consistent with the concept of de Gaullism, whose mission is to restore the greatness and prestige of independent France on the international stage.

After the *Franco-Allemand* alliance, de Gaulle's most important foreign policy is the establishment of EEC (European Economic Community). This European construction included France, Germany, Italy, and Benelux countries. De Gaulle hoped that the EEC would improve the French economy and reduce the influence of Anglo-Saxon countries over French economy. Therefore, de Gaulle insisted on excluding Eng-

land from this European organisation [16, p. 197].

In the concept of Gaullism, foreign and domestic policies are strongly intertwined. For example, to restore the greatness of France, France needs a strong economy. And to improve the French economy, France needs to build a common market within the framework of the ECC.

After a few years under de Gaulle's presidency, the French economy, especially its export capacity, increased significantly. In that category, France was in the third position, only behind USA, Germany, and Japan [16]. De Gaulle saw this as positive outcome of his economic model of dirigisme. Dirigisme is the model in which the state intervenes extensively in economic affairs. In this model, the state deals with economic matters from a political point of view and interest. Some authors considered this model an authoritarian model because it is not good for the liberal market system.

Indonesian case

In Indonesia, Suharto fully controlled all areas of leadership. All his policies were based on the concept of *Pembangunan* (development)[11]. This concept of the development combined with the mentality of P4 became his legitimization to claim and to exercise extensive political power in many important areas such as politics, economic, socio culture, military and foreign policy.

In the political sphere, Suharto built a dominant political party which is Golkar (*Golongan Karya*). This party won all universal suffrage. This political party was designed to give Suharto majority seats in Parliament. In the first phases, the military generals dominated most strategical positions, but the most powerful person in this party remained Suharto.

In the sociocultural sphere, Suharto restricted the establishment of social and cultural organisations. When permitted, their functions and activities were severely restricted and monitored by the government. In short, it was typical repressive approach that Suharto used in this domain [14].

In the economic sector, Suharto was successful in term of nominal GDP. Indonesian economic increased significantly for some periods. But this positive resulted lasted only until 1980s. In 1990s, the number of unemployed increased significantly, the inflation was inevitable, and the people started to question the economic policies of the president which according to some authors, gave maximal benefit only to certain people around Suharto.

In the military sector, Suharto strengthened the role of ABRI (*Angkatan Bersenjata Republik Indonesia*) to secure his position as president. With *dwi fungsi* ABRI, Suharto managed to integrate the military into other aspects of life such as politics, economics, socio-cultural life. The military was Suharto's main supporter until the 1980s. After that, the military tended to change its political direction. The military started to be less dependent on Suharto. As a result, Suharto sought to build a new base of his supporters mainly from ci-

vilian people, such as the moderate Muslim scholars and the technocrats [19].

In the foreign policy, Suharto adopted a pro-West policy. Most foreign investors in Indonesia came from the West, such as USA, Germany, and Japan[Author's note: *Japan is geographically located in the East, but economically and politically considered as part of the West because of its liberal policies*]. Besides, Indonesia under Suharto's regime was also highly dependent into other western institutions such as IMF and World Bank. The economic tendency toward liberal economy with high foreign investment needs solid national economic system which needs stability of national political situation. In the end, Indonesia was not strong enough to compete in the global and capital system [18]. Internal economic and political situation was instable, the number of unemployed increased significantly and everywhere people urged the president to step down, to resign from his position.

Another important event in the foreign affairs of Indonesia under Suharto's presidency is the integration of Timor Timur into Indonesian state. Some scholars consider this policy authoritarian because Suharto used military force to annex Timor Timur.

Comparison and Analyse

The practice of political power in the Fifth Republic of Charles de Gaulle in the economic field is characterised by high intervention of the state or dirigisme. The concept of dirigisme itself originated from the model of *colbertisme*, named after the French minister of the finance in the era of Louis XVI [16]. This model is an authoritarian character because it limited the freedom of some important actors in the free market, such as the investors and the owner of multinational companies.

In the case of Suharto, according to some authors, some of his policies were considered as corrupted. Suharto gave privilege to his families in the expense of public priorities.

In the socio-political area, Charles de Gaulle's regime was relatively strict but still democratic. He did not like a repressive approach towards his political opponents or anyone who had different idea or opinion. He was a general with a scholarly mentality who prioritized rational thought and dialogue to solve socio-political problems.

Meanwhile, Suharto often employed repressive approaches to confront his political opponents. He also restricted socio-political activities, particularly until the 1980s. Suharto also founded a dominant political party and designed an unfair system of universal suffrage as already explained in the previous part of this article.

In the military, de Gaulle tried to secure the dependent position of France on the international scene and improve its capacity through the development of high-tech military weapons. Meanwhile Suharto used the military for his political interest, such as through *dwi fungsi* ABRI.

So, based on the comparison above, we can classify de Gaulle as typically patriotic but also authoritarian. It is because his dirigisme policy in the economy was not in accordance with the principle of freedom, which according to the typology from Merkel means the monopoly of power in the hands of the president.

Meanwhile, Suharto's economic policy was corrupted due to its unfair distribution which is associated with the monopoly of this sector by his family. In this case, he can be categorised as an authoritarian leader who has abused his power.

In the area of foreign affairs, de Gaulle and Suharto had contradictory policies each other. De Gaulle tried to defend national interest in various areas such as military, economy and politics. Therefore, Gaulle tried to limit cooperation with the USA and England that he considered important to maintain France's independent position. This policy was integral to the concept of Gaullism to restore France's greatness and the greatness and independent position of France on the international scene.

Meanwhile, Suharto tried to build strong economic cooperation with the West, particularly USA, Germany, and Japan. This policy was merely based on economic calculation considering that USA, Germany, and Japan were in that time the biggest economy in the world. In my view, from this point, we cannot conclude whether they are authoritarian or democratic.

The paradox between de Gaulle and Suharto in foreign policy is also visible in the case of Algeria and Timor Timur. De Gaulle proposed the referendum regarding the independence of Algeria. After majority of French voted for independence, de Gaulle decided to give full independence to Algeria. Meanwhile, Suharto used military forces to annexe Timor Timur. In this case, based on Merkel's typology, we can categorize Suharto as an authoritarian regime who used repressive means.

Result of their activities

French case

One of the most remarkable results of political activities of de Gaulle's regime is a massive demonstration in Paris in May 1968. This crisis described social, political, and economic situation in France after a decade under Charles de Gaulle's leadership.

French society is historically quite identical to such a protest movement. Usually, they do it when they are not satisfied with the political and economic situation. According to Lüsebrink[16], in French tradition, it was the intelligentsia who usually became the architect of such movement.

The intelligentsia, represented mainly by the students, had initiated the movement in response to their dissatisfaction with the education system France, which they found too rigid, centralised and based on authoritarian hierarchy [4].

Hence, they urged the government to make a radical reform.

Then, this movement developed rapidly after the people from the unions of the working class joint them on the street. They wanted a better minimum wage, open-scale negotiations on pay and better health care system [7].

De Gaulle thought that he needed a reform to improve the socio-political and economic situation in France. He also promised to resign from the presidency if this referendum was not supported by French people.

The result of referendum showed that majority of French people did not support the reform. Therefore, General de Gaulle must fulfil his promise to leave his presidency and he did it in 1969 [12].

Indonesian case

In Indonesia there was also a large protest movement in Mai, but in 1998 or forty years after the massive protest movement in Paris. Like the protest in Paris, it was initiated by students dissatisfied with the socio-political and economic situation in Indonesia.

The crisis also took place during the great economic crisis in Southeast Asia. During this period, the value of the national currency of Indonesia (rupiah) fell significantly. Unemployment was everywhere, the price of basic necessities increased uncontrollably, and the corruption in the government became more acute [6, p. 26-27].

Then, this student's effort was followed by other groups such as people from unions of working class and social activists. Like the students, they all urged the president to step down. They accused Suharto's regime of an authoritarian regime. They also asked a reform to end the crisis.

Since then, Suharto was politically not good. He got high pressure to resign everywhere. This pressure came not only from the protesters on the street, but also social activist, religious activists, and politicians and many other professions [23]. Even many military generals that were formerly the supporters of Suharto, turned their position be against him [19].

Faced with this critical situation, Suharto finally decided to resign. His minister of technology, BJ Habibie, replaced him and the era of *Orde Baru* which lasted almost 32 years finally came to an end.

Comparison and analyse

Both protest movements in France and in Indonesia were people's response to the socio-political and economic crisis. Both protesters called for a reform to end the crisis and improve their social, political and economic quality of life. Both also accused their government of an authoritarian regime.

The difference between them lies in the way their presidents responded it. In France, de Gaulle's approach was relatively more moderate, while in Indonesia, Suharto was relatively more repressive. In Indonesia, this demonstration costed very expensive: some students even died after a clash between the protesters and the security personnel.

If we analysed it with Merkel's typology, we can say that the repressive way adopted by Suharto is an authoritarian characteristic. Meanwhile the decision of de Gaulle to be more cooperative with students is typical of a democratic leader. Besides, de Gaulle's decision to propose a referendum and to resign after losing the referendum is consistent with the value of democracy.

CONCLUSION

Based on the analyses and comparisons above, we can conclude that authoritarian regime can take whether partial form or complete form. In the case of Charles de Gaulle, the authoritarianism took partial form, such as in economic policy and some of his political decisions regarding centralisation of administrative power. The authoritarian characteristic is also visible in the draft of new constitution he architected in 1958 which is associated with the extensive power of the president in detriment of the parliament. In some other sides, de Gaulle showed some democratic characteristics such as his decisions to propose the referendums and his cooperative approach towards a huge demonstration on Mai 1968.

Meanwhile, Suharto's regime is based on the typology from Merkel is much more authoritarian than de Gaulle's regime. His repressive approach against the opponents, his extensive claim and monopoly of power, his design in organising universal suffrage and his semi pluralistic structure of power are some examples of his authoritarianism. That is why Suharto's regime lasted much longer than de Gaulle's regime, even probably longer than all authoritarian regimes that ever existed in the second half of 20th century.

Thus, we can state the following similarities between the regimes of Suharto and de Gaulle:

1. Both regimes established a new political order aimed at overcoming the crisis of the previous government.

General Suharto's "New Order". Establishing the "new order", the general began with the formation of a new political structure of the state. It is noteworthy that Suharto and his entourage did not destroy the foundations of the former political and ideological structures. The General remained committed to the 1945 Constitution and its ideological basis. The main ideological basis of the new course, as well as under the previous regime, were the principles of "Punch power" and the philosophy of Marhaenism, which turned out to be very convenient for the organization and functioning of the authoritarian regime.

2. Establishment of a presidential-type republic with elements of the state-administrative unification.

Suharto established a presidential-type unitary republic with the broadest powers of the head of state - which de Gaulle did in France, who achieved the adoption in 1958 of a new Constitution that consolidated the model of a mixed (semi-presidential) republic, with the actual withdrawal of the figure of the President of the Republic beyond the sys-

tem of checks and balances. The 1958 Constitution radically changed the governance of France, its state-administrative system. A republic of presidential type of government was established in the country. According to the new basic law in France, the prerogatives of the executive branch (the President and the Government) have been significantly expanded at the expense of the legislative branch (Parliament).

3. Strengthening the role of the institution of the state, state regulation of political life.

One of the main tasks set by the new government was to regulate political life in the country even more strictly and limit it to the framework of state ideology and politics. That is why the main pillar of the government was the army, which under Suharto began to play a decisive role in state policy. The concept of the "dual function" of the armed forces was officially adopted, the essence of which was that the army became the leading political force in all spheres of public life. The tendency to statistize socio-political life manifested itself in France under Charles de Gaulle, which caused discontent among part of the elite and a wide range of socio-political forces, resulting in the events of 1968-1969. There was no militarization of politics under de Gaulle, at the same time, the general's authority as a military and leader of the French Resistance became one of the foundations of the political regime he was building.

4. The desire to limit the influence of the political opposition.

It is no coincidence that there was no legal opposition and freedom of the press in Indonesia until 1998. The stability of the state was created by General Suharto by dictatorial methods of suppressing any dissent – President de Gaulle tried to limit elements of political and ideological pluralism in France, which caused quite widespread public discontent.

5. Creation of political parties and movements supporting the "new deal".

Supporters of the "new order" have moved on to the search for political support in the country and for this purpose have chosen one of the most massive organizations in Indonesia as their object. Efforts were made to strengthen and expand the pro-Government Golkar group (Joint Secretariat of Functional Groups). It was established in 1964 among civilians, mainly trade unions, to provide assistance and support to the military. The organization was created in accordance with the official concept of the absence of classes in Indonesia. It was argued that in the country there are only groups of people endowed with a particular social function. Based on this, the Secretariat was not officially called a political party.

Under Suharto, Golkar turned into a powerful political party, a kind of support front for the "new order", a pillar of the military and the government. The backbone of Golkar began to be the "Union of Reserve Officers" and the "Corps of Civil Servants", uniting officials of local administrations. In addition, the Secretariat included professional, cooperative, youth, women's and other organizations. De Gaulle became the founder of a powerful Gaullist movement in France,

which gained a powerful mass base and the support of a significant segment of the country's political elite, which turned him into an influential political force in France, which retains its influence to this day ("Republicans").

In 1947, de Gaulle founded the political organization "The Union of the French People". Its main goal was proclaimed the struggle for the abolition of the Constitution of 1946 and the conquest of power by parliamentary means to carry out a radical reform of the French state system. The general and his supporters then failed to achieve their goal. In 1953, de Gaulle dissolved the Association of the French People and withdrew from political activity.

6. Liberalization of the economy in order to ensure its dynamic development.

In 1967, the "Law on Foreign Capital Investments" was adopted in the field of economic development, which provided large benefits to foreign investors of capital. Foreign investors were exempt from taxes, received the right to transfer profits abroad, etc. In turn, the modernization of the French economy, which began under de Gaulle, provided the country with prosperity for several decades.

7. The economic boom as a consequence of the relative stabilization of political systems.

Following the stabilization of the economy at the turn of the 70-80s, an economic boom began, which lasted until the end of the 90s. Indonesia has become the world's leading producer of rare non-ferrous metals: tin, nickel and copper. The development of large copper deposits, the extraction of nickel ore and bauxite with the help of foreign companies proceeded at a rapid pace. The economic transformation that began under de Gaulle formed the basis of the "Glorious Thirtieth Anniversary", which provided France with several years of high-quality socio-economic development and comfortable living conditions.

8. Modernization of the national economy.

In the late 70s– early 80s, a new stage in economic development began. There has been a reorientation in the economy towards the production and output of manufacturing goods. The country's dependence on petrodollars has decreased. New industries developed on the basis of their own raw material base. The textile and chemical industries began to develop rapidly, followed by electronics and radio engineering, automotive and aviation industries.

9. Successes in the economic field.

The successes in the economy in the period of the 70s - 80s, of course, are indisputable. GNP growth was quite high and amounted to 7.5% annually in the mid-90s. It is no coincidence that Sukarno was called the "father of development" in Indonesia and abroad. Indonesia, in terms of its development, has approached the countries that are called the "four dragons" (Hong Kong, Singapore, Taiwan, South Korea). The country has turned from an agrarian-raw-material country into an agrarian-industrial power, and in terms of the size of the national income of the population has taken a place

among developing countries with an average level of development. The reforms that began under de Gaulle contributed to the re-industrialization of France and allowed it to avoid plunging into the "inertial phase" into which it entered later.

10. Persistent problems in development.

At the same time, the underwater reefs and difficulties of the Indonesian economy persisted in Indonesia: the predominance of raw materials export specialization, a constant passive balance in foreign trade, weak infrastructure and, finally, strong dependence on external debt, which absorbed about a third of Indonesia's total exports. You can add to this the constant increase in spending on the army and the looting of the country by the Suharto clan. The economy, even in conditions of rapid development, was accompanied by negative processes that led to an economic crisis, and in politics – to political cataclysms that entailed new changes in the state. De Gaulle's reforms, in turn, were hampered by the revealed inefficiency of the French state, its bureaucracy, and the defects of the national political system.

11. Reproduction of the established political regime

In May 1998, the People's Consultative Congress re-elected Suharto President for a sixth five-year term. Nothing foreshadowed political battles. The system of elections was such that, in any scenario of political forces, the president ensured victory for himself. Out of 500 deputies, 358 seats belonged to Golkar, and another 100 seats were appointed by the president himself. In his turn, President de Gaulle failed to implement a full-fledged corporatization of French politics, although there was a certain trend in this direction. While in office, de Gaulle used in practice all the most important prerogatives of the president. In April 1961, during the "revolt of the generals" in Algeria, he imposed a state of emergency in the country. In November 1962, when, for the only time in the history of the Fifth Republic, the "resolution of censure" gathered an absolute majority of votes in the lower house of Parliament, the President dissolved the National Assembly. This happened after de Gaulle decided, bypassing parliament, to submit to a general referendum the most important amendment to the constitution, according to which the president of the republic was to be elected by universal suffrage.

Then, from the analyses and comparisons, we can also conclude that there are some features of the authoritarian regime of 20th century. Firstly, they are usually initiated by military high officer, for example the general such as the cases of Suharto in Indonesia and Charles de Gaulle in France. They took benefit of the critical situation in his country. By this way, they can legitimate them as the national heroes and saviours and then claim his legitimization for the power.

Besides, from the perspective of time, we may also say that the authoritarianism of the 20th century is characterized by the strong involvement and influence of the military. Both Suharto and de Gaulle used their supporters from military as their primary instrument in the first process to the power.

Источники и литература / Sources and references

- Adam H. Bausteine der Politik / H. Adam, Heidelberg: VS Verlag, 2007. 400 c.
- Ali A. S. Negara Pancasila : jalan kemaslahatan berbangsa / A. S. Ali, Jakarta: Penerbit Pustaka LP3ES, 2009. 329 c.
- Anggara S. Sistem Politik Indonesia / S. Anggara, Bandung: Penerbit Pustaka Setia, 2013. 364 c.
- Beneton P., Touchard J. Les interpretations de la crise de mai-juin 1968 // Revue Francaise de Science Politique. 1970. № 20 (3). С. 503–544.
- Biryukov S. Yuzef Pylsudskyy: Sluchay bonapartyzma // Agentstvo Politicheskikh Novostey. 2015. Доступно по: <https://www.apn.ru/publications/article33369.htm>. Ссылка активна на 15.02.2022.
- Bourchier D., Hadiz V. R. Pemikiran Sosial Politik Indonesia Periode 1965-1999 / D. Bourchier, V. R. Hadiz, Jakarta: Pustaka Utama Grafiti, 2006. 433 c.
- Chirac J., Barre J.-L. My Life in Politics / J. Chirac, J.-L. Barre, London: Palgrave Macmillan, 2012. 352 c.
- Elson R. Suharto. Sebuah Biografi Politik / R. Elson, Jakarta: Pustaka Minda Utama, 2005. 718 c.
- Flanagan P., Southwood J. Teror Orde Baru / P. Flanagan, J. Southwood, Jakarta: Komunitas Bambu, 2013. 368 c.
- Gutorov V. A. Gollizm i sovremennaya rossiya. Utrata ili obretenie traditsii? // Cyber Leninka. 2005. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/gollizm-i-sovremennaya-rossiya-utrata-ili-obretenie-traditsii>. Ссылка активна на 14.02.2022.
- Hadi S. Strategi Pembangunan Mahathir & Soeharto / S. Hadi, Jakarta: Pelangi Cendekia, 2005. 408 c.
- Hentschel V. Charles de Gaulle. Eine kurze Geschichte seines Lebens (1890-1970) / V. Hentschel, Hildesheim: Georg Olms Verlag AG, 2016. 262 c.
- J.A D. Jatuhnya Soeharto dan Transisi Demokrasi Indonesia / D. J.A, Ebook-е изд., Jakarta: Inspirasi.co, 2006. 125 c.
- Kasenda P. Soeharto. Bagaimana Ia Bisa Melanggengkan Kekuasaan Selama 32 Tahun? / P. Kasenda, Jakarta: Penerbit Buku Kompas, 2013. 276 c.
- Knapp A., Wright V. The Government and Politics of France / A. Knapp, V. Wright, Fifth Edition-е изд., London: Routledge, 2006. 535 c.
- Lüsebrink H.-J. Frankreich. Wirtschaft, Gesellschaft, Politik, Kultur, Mentalitäten / H.-J. Lüsebrink, Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. 263 c.
- Merkel W. Vergleich politischer Systeme: Demokratien und Autokratien под ред. М. G. Schmidt, F. Wolf, S. Wurster, Wiesbaden: Springer VS, 2013. С. 207–236.
- Raillon F. Politik dan Ideologi Mahasiswa Indonesia / F. Raillon, Jakarta: LP3ES, 1985. 361 c.
- Said S. H. Menyaksikan 30 Tahun Pemerintahan Otoriter Soeharto / S. H. Said, Bandung: Penerbit Mizan, 2016. 289 c.
- Santoso P. B. Birokrasi Pemerintah Orde Baru / P. B. Santoso, Jakarta: PT Raja Grafindo Persada, 1993. 168 c.
- Schild J., Uterwedde H. Frankreich. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft / J. Schild, H. Uterwedde, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 315 c.
- Siaroff A. Comparative European Party Systems / A. Siaroff, New York: Garland Publishing Inc, 2000. 484 c.
- Suparno B. A. Reformasi dan Runtuhnya Soeharto / B. A. Suparno, Jakarta: Penerbit Buku Kompas, 2012. 238 c.
- Williams A. Charles de Gaulle: The Warrior as Statesman // Global Society. 2018. С. 1-14.

Информация об авторах:

Ахмад Муляди, аспирант кафедры политологии Томского государственного университета. Республика Индонезия. E-mail: vanmulyadi85@gmail.com.

Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: birs.07@mail.ru.

Вклад авторов: авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Authors information:

Ahmad Mulyadi, Postgraduate student of the Department of Political Science of Tomsk State University, Republic of Indonesia. E-mail: vanmulyadi85@gmail.com.

Biryukov Sergey Vladimirovich, Advanced Doctor in Political science, Full Professor Department of history of Kemerovo state medical University. E-mail: birs.07@mail.ru.

Contribution of the authors: the authors were equally involved in the preparation and writing of the article.

УДК 297.17

Бирюков С. В., Шиллер В. В.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ: РЕФОРМИЗМ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВ РАДИКАЛИЗМА

Аннотация

В статье освещаются проблемы политического ислама в контексте анализа идей наиболее влиятельных и значимых мусульманских политических мыслителей первой половины XX века. Объектом исследования являются концепции крупнейших мусульманских мыслителей, а предметом – мусульманская реформистская и человеко-ориентированная мысль в аспекте противодействия процессу радикализации мирового ислама в текущей политической ситуации. Помимо общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, реализованных при работе с нарративными источниками, а также логике изложения информации и организации структуры текста, нами использовались культурологический, исторический и социально-психологический анализ, дополненные методом политического анализа.

В повестку дня современной политики включен вопрос об учащающихся проявлениях религиозного радикализма и экстремизма в контексте усиления глобальной

террористической угрозы. Социально-экономическая, политическая и социокультурная динамика стран, принадлежащих к мусульманскому миру, побуждает исследователей поставить вопрос об истоках этого явления. Способны ли современные интеллектуалы и политики, представляющие мусульманские государства, интерпретировать существующее наследие мусульманской политической мысли XX века таким образом, чтобы дать содержательный ответ на вызов со стороны радикалов и фундаменталистов?

Ключевые слова: ислам, политический радикализм, глобальные вызовы, экстремизм, терроризм, реформизм, политика, «модернизационный» кризис, политическая активность, халифат.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Бирюков С. В., Шиллер В. В. Политический ислам: реформизм как возможный ответ на вызов радикализма // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 36–44.

Статья поступила в редакцию 17.09.2022 г.

POLITICAL SCIENCE

Biryukov S. V., Shiller V. V.

POLITICAL ISLAM: REFORMISM AS A POSSIBLE RESPONSE TO THE CHALLENGE OF RADICALISM

Abstract

The article highlights the problems of political Islam in the context of analyzing the ideas of the most influential and significant Muslim political thinkers of the first half of the twentieth century. The object of the research is the concepts of major Muslim thinkers, and the subject is Muslim reformist and human-oriented thought in the aspect of countering the process of radicalization of world Islam in the current political situation. In addition to general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, implemented when working with narrative sources, as well as the logic of information presentation and the organization of the structure of the text, we used cultural, historical and socio-psychological analysis, supplemented by the method of political analysis.

The issue of increasing manifestations of religious radi-

calism and extremism in the context of the strengthening of the global terrorist threat is included in the agenda of modern politics. The socio-economic, political and socio-cultural dynamics of the countries belonging to the Muslim world prompts researchers to raise the question of the origins of this phenomenon. Are modern intellectuals and politicians representing Muslim states capable of interpreting the existing legacy of Muslim political thought of the twentieth century in such a way as to give a meaningful response to the challenge from radicals and fundamentalists?

Keywords: Islam, political radicalism, global challenges, extremism, terrorism, reformism, politics, "modernization" crisis, political activity, caliphate.

Conflict of interest: None declared.

Source of financing: There was no funding for this project.

For citation: Biryukov S. V., Shiller V. V. Political islam: reformism as a possible response to the challenge of radicalism // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 36–44.

Цель исследования.

Активизация т.н. «политического ислама» — одна из существенных тенденций, все чаще заявляющих о себе в рамках огромного и многообразного мусульманского мира. При этом проявления радикализации в мусульманских обществах и государствах являются все же не нормой, а социальной девиацией, выступающей в качестве своеобразного индикатора кризисных явлений, имеющих место в современных мусульманских обществах и государствах. Целью представленной статьи является анализ исходной ситуации, содействующей процессам политизации и радикализации в мусульманском мире, а также анализ политических доктрин некоторых мусульманских мыслителей первой половины XX века, попытавшихся адаптировать политическую мысль ислама к настоящим и возможным последующим вызовам, регулярно возникающим в контексте «политической современности». Авторы стремятся прийти к итоговому заключению о том, удастся ли наследию мусульманской реформистской и человеко-ориентированной мысли первой половины XX века успешно противодействовать процессу радикализации мировой мусульманской общины в текущей политической ситуации.

Материалы и методы исследования.

Исходным материалом для написания является содержание доктрин наиболее влиятельных и значимых мусульманских политических мыслителей первой половины XX века, а также политический контекст, в котором происходит актуализация подобных и противоположных им по смыслу учений. Методами исследования наряду с общенаучными являются культурологический, исторический и социально-психологический анализ, дополненные методом политического анализа.

Насколько аутентичен т.н. «политический ислам» XX века собственно мусульманской политической традиции? Последний может рассматриваться в качестве особой формы ответа (по аналогии с «вызовом и ответом» А. Тойнби) на цивилизационный и социокультурный вызов мусульманского мира со стороны западного и глобального миров [1, 3], и в то же время выступает как реакция на воспроизводящиеся и возникающие кризисные явления в рамках мусульманского социума. В то же время подобный ответ может иметь как изоляционистское (со стремлением изолироваться от всякого вестернизированного и глобального влияния), так и альтернативно-глобалистское (с превращением ислама в глобальную силу и его итоговым торжеством в мировом масштабе) толкования.

Следуя принципу многообразия, политический ислам может быть как нацеленным на реформы, так активно противостоять происходящим изменениям. Ислам про-

двигает и собственную версию демократии, отличающуюся по целому ряду характеристик от принятых и устоявшихся на Западе образцов; основанием этой концепции является представление о мусульманской общине (уме), которой Всевышний делегировал часть своей власти для обустройства земных дел. Политический ислам также сформулировал и собственное отношение к ключевым политическим идеологиям XX века, возникшим в западной мысли и изменившим впоследствии образ существования всего мира — либерализму, социализму, консерватизму — но изначально полагает ограниченными и даже разрушительными любые доктрины, не признающие власть Творца над человеком. Вследствие этого даже взятые мусульманскими теоретиками в качестве объекта для осмысления западные идеи и учения переоценивались ими с учетом потребностей развития мусульманских обществ и государств [6]; в то же время, представители т.н. «интегристского» направления в мусульманской мысли, стремящиеся вернуться к «чистоте» традиции на уровне VII в. н.э. и требующие «очистить» мусульманскую доктрину от любых «чужеродных» идеологических влияний и заимствований.

Принцип политического ислама, помимо основополагающей верности и покорности общины (сообщества) верующих Всевышнему — «справедливость здесь и сейчас»; при этом вопрос о конкретных путях и формах достижения этой справедливости требует дополнительного прояснения и по-разному толкуется представителями различных направлений мусульманской мысли. Отстаивая концепцию мусульманского государства, политический ислам понимает ограниченность возможностей государства в современном мире. Как следствие, стремление к укреплению позиций ислама в масштабах всего мира требует от его приверженцев следовать глобальному взгляду на природу и назначение политического.

В то же время, среди причин возникновения политического ислама и радикализации последнего могут быть названы:

Продолжающееся (при наличии отдельных случаев социально-экономических успехов) отставание большей части стран мусульманского сообщества от стран «западного мира».

Разочарование мусульман в «левой» идеологии и связанной с ней стратегией социально-экономических преобразований (включая различные модификации «арабского социализма»), которые рассматривались ими в качестве средства преодоления подобной отсталости.

Расширяющаяся экспансия вестернизированной культуры в пределы мусульманского мира, создающая угрозу разрушения традиционного уклада жизни и лежащих в его основе ценностей.

Обнаружившиеся в процессе социально-экономического развития и неоднократно проводившихся реформ

«потолки» преобразования в направлении модернизации мусульманских обществ.

Примером случившегося в мусульманском мире «модернизационного кризиса» является провал «белой революции» в Иране – проекта преобразований по примеру западных стран, с помощью которых шах Реза Пехлеви рассчитывал превратить свою страну в «ближневосточную Японию». Шах рассчитывал провести модернизацию форсированными методами «сверху», рассчитывая на безальтернативность авторитарной модернизации для его страны, игнорируя при этом мнение представителей различных частей политико-идеологического спектра страны – от «левых» активистов и либеральных реформаторов до консервативно настроенного духовенства и стоящих за ним слоев. Накопившиеся и обострившиеся в результате не всегда продуманных реформ проблемы (имущественная поляризация общества, возмущение и консолидация консерваторов, активизация «левых» сил) зачастую игнорировались уверенной в себе шахской властью, постепенно утрачивавшей авторитет в обществе. В итоге долгое время накапливавшиеся в обществе протестные настроения в итоге вылились в «исламскую революцию» (февраль 1979 г.), которая, получив поддержку самых разных слоев общества и первоначально вознеся на вершину власти неудачливого реформатора-технократа Шахпура Бахтияра, в конечном итоге привела к учреждению теократического государства (Исламской республики Иран) во главе с харизматичным имамом Хомейни.

Определенные ограничения в осуществлении модернизации возникли у пережившей несколько волн масштабных реформ (наряду с испытывавшим значительное французское влияние – от общекультурного до институционально-политического – Тунисом) стране мусульманского мира – Турции. Сам генезис современной Турецкой Республики был связан с масштабными преобразованиями, осуществленными под эгидой основоположника пост-имперского (пост-османского) турецкого государства – Кемаля Ататюрка (1920–е гг.). Упомянутые реформы означали глубокую трансформацию политического устройства и ревизию лежащих в его основе принципов: упразднение халифата (турецкий султан вплоть до момента упразднения Османской империи оставался носителем титула халифа), связанных с нормами шариата публичных ограничений, отказ от идеологических оснований и миссии османизма в пользу принципов светского государства и пантюркизма («Какое счастье быть турком!»), изменениями в образе жизни и привычных занятиях [9]. Лояльность населения Турции (несмотря на несколько глубоких политических кризисов и военных переворотов) не должна вводить в заблуждение – поскольку консервативный ответ вызревал в течение нескольких десятилетий, и его не смогли остановить ни вверенная Ата-

тюрком турецкой армии роль «защитника Республики», ни институциональные механизмы, ни противодействие «контрреформам» со стороны либерального «сегмента» турецкого политического класса. Начиная с 2002 года утвердившийся у власти Т. Р. Эрдоган начал процесс преобразования турецкой политики, следуя постулатам неосманизма.

Современное мусульманское сообщество формулирует ответ на вызовы современности, приходящие по следующим основным направлениям:

- 1) вызов глобализации и формирующейся глобальной реальности;
- 2) вызов со стороны секулярного и поликультурного общества;
- 3) вызов, связанный с известными «потолками» модернизации (и, соответственно, вестернизации) в неевропейских обществах;
- 4) вызов, связанный с кризисом традиционных моделей хозяйствования (либеральной, планово-социалистической, протекционистской, рентно-сырьевой);
- 5) кризис традиционных форм политического порядка и связанных с ними политических режимов (как демократических, так и авторитарных);
- 6) вызов, связанный с масштабными демографическими изменениями (постоянное омоложение населения во многих незападных обществах и странах);
- 7) вызов со стороны формирующихся технотронного и сетевого общества.

Два основных возможных варианта ответа на этот вопрос – в форме реформизма и экстремизма. При этом сегодня радикально-экстремистский ответ все чаще является гибридным – когда ради воплощения политико-идеологического симулякра используются современные технологии (экономические, коммуникационные, военно-технические). Примером этого может служить проект ИГИЛ (запрещенная в России международная террористическая организация) как квази-традиционалистского «сетевого государства», добившегося первоначального политического самоутверждения не только за счет идеологического доктринерства и жестоких действий, но и за счет эффективного использования многих современных коммуникационных и организационных технологий.

В подобных обстоятельствах возрастание политической активности мусульманского мира от Магриба до Индонезии вызывает известную тревогу и озабоченность на Западе. Последнее видится неслучайным, поскольку имело место и продолжается военное противостояние между Западом и мусульманским миром, охватывающее отдельные государства и регионы (Ирак в 1990–2000 гг., Ливия в 2011 г., и вплоть до настоящего времени – Афганистан). И хотя открыто на стороне Муаммара Каддафи в ситуации беспрецедентного внешнего давления со стороны Запада выступили лишь правительства нескольких

мусульманских стран, он (как и до него иракский лидер Саддам Хуссейн) сумел стать своеобразной «фигурой противостояния». Сам Каддафи, несмотря на «левый» генезис его режима и верность идеям «арабского социализма» и «третьего пути» («Зеленая книга»), не стал апеллировать к исламу – но, напротив, пытался представить свои действия как борьбу против местного «филиала» «Аль-Каиды». В то же время драматическая гибель Каддафи в октябре 2011 года от рук поддержанных Западом «инсургентов» стала подлинной травмой для многих мусульманских и арабских стран.

Все происходящее позволило американскому политологу Сэмюэлу Хантингтону (автору концепции «столкновения цивилизаций») сделать вывод о том, что «синдром братских стран» в исламском мире сделает эту цивилизацию серьезным конкурентом Западу в наступившем веке. В этом контексте обсуждение политологами «дуги нестабильности» от Синьзяня до Косова (то есть тех регионов, где происходит силовое противостояние мусульман и представителей других этноконфессиональных общностей).

Так или иначе, сегодняшний Запад действительно встревожен (даже если судить исключительно по новостным лентам) возможностью «войны цивилизаций» и «инокультурного вторжения», разрушающих европейские ценности и нормы, «цивилизационную модель» и привычный для европейцев образ жизни; масштабы показала цепочка терактов последних акций радикалов в Германии и во Франции. В этом контексте отдельного интереса заслуживает книга американского политолога Бенджамина Барбера, созвучная по духу и стилю рассуждениям «внутренних» критиков Запада, включая таких видных интеллектуалов, как Ю. Хабермас, П. Дж.Бьюкенен или И. Валлерстайн.

Заключения Б. Барбера на фоне разворачивающегося на наших глазах «кризиса глобального миропорядка» снова и снова подтверждают свою правоту. Известный американский политолог, профессор университета Рутгерса и приглашенный профессор Мэриленда сумел пролить свет на характер противостояния, происходящего в современном глобальном мире. Барбер описывает новую политическую реальность посредством двух обобщающих терминов – «джихад» («догматическая и выраженная в насильственной форме претензия на исключительность», имея в виду фундаментализм, и не только исламский) и MCWorld (понятие, обозначающий «всеобщий и исключительный рынок», «некоторый род виртуальной реальности»), два внешне антагонистических глубинных политических процесса. При всех различиях своей природы оба этих процесса ведут в конечном итоге к разрушению демократии и свободы, на которых зиждется западное общество.

Внешне, «Джихад» ведет непрерывную борьбу с MCWorld. Основным мотивом этой борьбы является

«моральная антиномия» [7], поскольку две этих фундаментально различных по своей природе силы подталкиваются к противостоянию самим ходом глобальных процессов. Апофеозом войны «Джихада» против MCWorld стали террористические акции 11 сентября 2001 года, когда самолеты-смертники, управляемые приверженцами «глобального джихада», на глазах изумленного мира сокрушили символ глобального капитализма – башни Twin Towers Всемирного Торгового Центра. Конфликт между «Джихадом» и MCWorld распространяется сегодня не только на мусульманские общества и государства, но и на мусульманские диаспоры западных стран, разделяя семьи, друзей и родственников. Особое влияние он оказывает на людей, формально интегрированных в «западную систему», но испытывающих глубокую фрустрацию в связи с несовпадением собственных убеждений с декларируемыми Западом ценностями.

Примером случая подобного «психосоциального диссонанса» является упоминаемая Барбером судьба Мухаммеда Буйери, убийцы известного голландского режиссера Тео Ван Гога. Буйери по своему генезису считался «западным человеком», поскольку родился в Голландии и полноценно интегрирован в местное «мультикультурное» сообщество. С юности он не чурался алкогольных напитков, посещал места молодежных увеселений и был равнодушен к постулатам шариата. Смерть матери перевернула его мировоззрение, а активный поиск «жизненных смыслов» позволил им в итоге обнаружить в радикальном исламе, благодаря чему Буйери оказался вовлеченным в деятельность одной из полуподпольных радикальных группировок, вставшей на путь террора.

Похожее «социальное превращение» произошло и с Джерменом Линдсеем, оставившим «кровавый след» шахидом из Лондона. До того, как стать приверженцем одного из радикальных толков ислама, Линдсей был рядовым наркодилером. Своей биографией он «проиллюстрировал» тезис Барбера о неразрывной «генетической» связи между «миром джихада» и «пространством MCWorld», разрушающим всякие религиозные и моральные ценности, а равно и всякую устойчивую идентификацию. По мнению Барбера, перманентная персональная фрустрация, сопровождающая жизнь «общества массового потребления», ведет все возрастающее число молодых и активных людей к поиску «духовных корней» и «подлинных ценностей» ценой житейского комфорта и даже самой жизни: «То, что ведет к джихаду... может быть определено как ... простой поиск собственной идентичности» [7].

Барбер подчеркивает, что «Джихад», отчаянно и ожесточенно противостоит MCWorld, при этом вполне эффективно пользуется данными последним возможностями. Так, созданный в 2005 году в целях лучшей публичной коммуникации Интернет-портал регулярно исполь-

зовался фундаменталистскими боевиками-смертниками с целью наблюдения за американскими и британскими солдатами, размещенными в Ираке в рамках военной кампании 2003 года.

Барбер полагает, что в рамках глобализационных процессов государство как институт вовсе не лишается власти. При этом только «высокоразвитые и кажущиеся самодостаточными нации могут обладать подлинным суверенитетом» [7]. Правомерность подобного суждения подтверждает глобальный экономический кризис. Данный кризис, по мнению Барбера, сбрасывает с капитализма приукрашивающий его «покров», обнажая не слишком приглядную его сущность. И только геоэкономические гиганты, согласно политологу, обладают подлинной властью в рамках складывающегося сегодня миропорядка, примером чего могут служить США, Китай с его феноменальными темпами экономического роста, активно наращивающая экспорт Германия, сообщающие свою динамику мировой экономике в целом. В то же время современное процветание «избранных» в полной мере оплачено за счет рядовых граждан многих стран с помощью специально придуманных «защитных зонтиков», «пактов о спасении», и «программ совершенствования экономической конъюнктуры», финансируемых с помощью откровенно инфляционных экономических инструментов.

Виртуальный характер феномена MCWorld, как замечает Барбер, являет себя в ситуации экономического кризиса наиболее полномасштабным образом, когда последний все чаще выступает как содержательно «пустое» рукотворное пространство. Вместо разрекламированной «невидимой руки» рынка все чаще выступают т. н. «невидимые кредиты». И сможет ли преодолеть пустоту виртуального мира активизирующееся гражданское общество, на которое делает особую ставку Барбер, остается большим вопросом.

Альтернативой виртуально-условному MCWorld у Барбера рассматривается постоянно наращивающий свою активность глобальный «Джихад». Барбер приводит примеры непрекращающегося трайбалистского расчленения существующих государств (как своего рода атрибут «Джихада»), вследствие чего «едва ли не каждая часть города и страны и почти каждый жилой квартал скоро будут рассматриваться в качестве «суверенной целостности» [7]. Вершиной этого процесса, согласно автору, стало признание в 2008 году независимости Косова.

Книга Б. Барбера – важное звено в контексте современной самокритики Запада. Она содержит анализ, но не предлагает итогового ответа относительно перспектив противостояния двух упомянутых миров. Однако способна ли сама мусульманская политическая мысль новейшего времени к саморефлексии относительно своих ценностных оснований, позволяющей последовательно отвергнуть путь гипертрофированной политизации, радикализации и экстремизма? Для ответа на этот вопрос требуется экскурс к ее основаниям.

В этой связи следует напомнить, что вплоть до Второй мировой войны развитие политической мысли на Арабском Востоке проявлялось не столько в появлении новых течений, сколько в модификации, расширении и углублении ранее сформулированных и обоснованных взглядов и теорий. Последнее выразилось в том числе и религиозно – обновленческие течения в исламе – в частности, в концепции возрождения традиционных культурных, духовных и политических ценностей с толкованием последних с учетом изменившейся ситуации. В частности, классическая мусульманская политическая теория вновь выдвинулась на первый план в связи с отделением церкви от государства в кемалистской Турции в 1922 г. и последовавшей спустя два года после этого официальной отмены халифата. В результате в центре острой дискуссии оказался вопрос не только о сущности халифата, но и о том, нужен ли он или не нужен мусульманам и каким образом он соотносится с современными западными политическими институтами и концепциями. В данном контексте наиболее интересным представляется анализ учения о «возрождении халифата» М. Р. Риды, ревизия идеи халифата А. А. Разеком и учение о «возрождении принципов ислама» вкупе с пересмотром взглядов на природу и назначение политического М. Икбала.

Политическая доктрина М. Р. Риды. Обоснование возрождения халифата

Изначально наиболее серьезные теоретико-религиозные аргументы в пользу возрождения халифата выдвинул египетский богослов Мухаммед Рашид Рида (1865 – 1935), обнародовавший в 1922 г. знаменитый трактат «Халифат или Великий имамат», который вплоть до сегодняшнего дня считается наиболее глубоким и обобщающим исследованием о природе и назначении мусульманского государства. В своей книге Рида стремился реставрировать «истинную» концепцию халифата без искажений и фальсификаций, привнесенных по воле «неблагоразумных» правителей, и на этой основе продемонстрировать преимущества халифата перед всеми иными формами правления, а также отделить закрепленный в мусульманском праве институт «консультации» от европейской демократии как «несовершенной заимствованной формы» политического устройства.

Развертывая свою аргументацию, М. Р. Рида исходит из положения о том, что халиф, избираемый мусульманской общиной, должен быть связан в своих действиях шариатскими нормами. И поскольку XX век является веком таклида (традиции), халиф ныне не обладает самостоятельным и бесконтрольным правом на иджихад (относительно свободное правотворчество). Последнее означает, что полномочия халифа существенно ограничены и он отныне может принимать важнейшие политические решения только по совету с наиболее выдающимися представителями мусульманской общины, чье мнение

является окончательным. Эти выдающиеся представители общины должны сформировать специальный орган – консультативный совет (заменяющий мусульманам европейский парламент), который вправе переизбрать халифа, если тот пренебрегает мнением совета, принуждая мусульман нарушать нормы шариата либо сам нарушает эти нормы.

Подобное положение вещей означает, что светские полномочия халифа сужаются и сосредотачиваются в сфере исполнительной власти. При этом компетенция халифа как духовного главы сохраняется и связана с защитой веры, а также с обеспечением действия норм мусульманского права. В то же время халиф не имеет власти над мусульманами в религиозных делах и не правомочен толковать для них нормы шариата (последнее – прерогатива мусульманских правоведов–муджтахидов).

В конечном итоге, исследование Риды – это последняя серьезная попытка возродить классическую концепцию халифата в ее «неискаженном» виде и показать на этой основе необходимость вернуться к мусульманской форме правления. В дальнейшем, когда стала очевидной нереалистичность надежд на восстановление халифата, возникла прямо противоположная по смыслу теория мусульманского государства, согласно которой халифат не имеет ничего общего с исламом и представляет собой «искаженную» политическую и правовую практику.

Политическое учение А. А. Разека. Отрицание концепции халифата

Наиболее последовательным критиком концепции халифата в XX веке выступил шейх египетского мусульманского университета «Аль-Азхар» Али Абдель Разек (1888 – 1966). В своей нашумевшей книге «Ислам и основы власти» (1925) он не просто возражал против идеи халифата, но стремился обосновать изначальную несостоятельность самого этого политико-правового понятия. Характерной является аргументация, с помощью которой А. А. Разек обосновывает это шокирующее многих современников мусульманских богословов заключение.

Как указывает Разек, в самом Коране ничего не говорится о халифате как о государстве или форме правления. По его убеждению, миссия пророка Мухаммеда сугубо религиозного характера, была выполнена им до конца, вследствие чего нет нужды в преемниках основоположника ислама как религиозного (и тем более – политического) лидера. Наряду с этим, абстрактный призыв к правителю «консультироваться о делах» с избранными общиной людьми не может рассматриваться в качестве политического принципа и какой-либо формы правления.

Более того – Сунна не содержит хадисов (преданий) о необходимости халифата, за исключением положений об имаме и необходимости послушания (причем понятие «имам» далеко не обозначает непосредственно правите-

ля государства). После исчерпания миссии Мухаммеда произошел переход от «религиозного лидерства» к светской власти, и поэтому уже первый халиф являлся по своей сути светским правителем.

Что касается отношения к данному феномену со стороны мусульманской общины (уммы), отсутствие открытой оппозиции халифату еще не означает его одобрения мусульманской общиной (иджма) и итоговой легитимности государства в форме халифата. В реальной же истории мусульманских обществ и государств власть халифа всегда утверждалась и поддерживалась систематическим подавлением и насилием, и именно потребность в насилии вызывала к жизни именно такую форму правления, одновременно подкрепляя и закрепляя последнюю.

Как следствие, достижение целей ислама, согласно Разеку, не зависит ни от халифа, ни от халифата. На деле действовавшая веками мусульманская концепция чужда шариату, а халифат предстает «несчастьем для ислама и мусульман, источником зла и пороков».

Подводя итог своим рассуждениям, Разек пришел к абсолютно столь новому и неординарному для мусульманской доктрины выводу, что до сих пор его позиция не встретила открытой и полной поддержки среди арабских мусульманских государствоведов, которые, вместе с тем не могут обойти ее молчанием в своих исследованиях, противопоставляя последнюю классической концепции халифата.

По мнению Разека, мусульманское вероучение, несмотря на многолетние заблуждения в отношении халифата, ни в коем случае не мешает мусульманам обогнать другие народы в области всех общественно – политических наук, а также избавиться от устаревших политических форм, которые были им навязаны, и построить основы правления в духе наиболее передовых и самых лучших образцов, какие только могло придумать человечество и воплотить в практике различных наций. Необходимым условием для создания такого правления состоит, согласно Разеку, в том, что при любой из них должно твориться «добро подданным» и исполняться религиозные обязанности.

Если это условие соблюдается, то, как полагает Разек, «мусульманское по сущности правление может иметь место в любой форме – абсолютной или ограниченной монархии, единоличной, республиканской, деспотической, конституционной, консультативной, демократической, социалистической и даже большевистской».

С учетом всего сказанного выше, книга Разека вызвала бурную негативную реакцию мусульманского духовенства и была объявлена еретической, а сам автор постановлением совета «Аль-Азхара» исключен из состава коллегии улемов (мусульманских богословов) и лишен права занимать должность мусульманского судьи (казия).

Вместе с тем, за истекшие после издания трудов Рашида Риды и Али Абдель Разека 50 лет мусульманская теория государства, если не считать специальных сравнительных исследований, не обогатилась глубокой разработкой новых аспектов данной проблематики. Отдельным направлением стали теории, акцентирующие общечеловеческий потенциал ислама в тесной увязке с идеей общественно-политического обновления. Особое значение в рамках этого направления мусульманской мысли имела концепция М. Икбала.

Политическая доктрина М. Икбала: «возрождение ислама» и концепция «идеального человека»

Без сомнения, особое влияние на формирование современной политической философии мусульманского мира оказало творчество исламского философа индийского происхождения Мухаммада Икбала (1873 – 1938). Он родился в семье кшатриев, принявших в XVII в. ислам. В 1899 г. с золотой медалью закончил правительственный колледж в г. Лахор. Далее получал образование в Кембридже и Мюнхене (в итоге защитил диссертацию по философии в Гейдельберге). В 1908 г. молодой интеллектуал вернулся в Индию и некоторое время работал адвокатом. Икбал успешно сочетал преподавательскую и исследовательскую работу с поэзией (написав 12 сборников стихов), а также с политической деятельностью: был членом Законодательного Совета в Пенджабе (1925 – 1928), и «Круглых столов» в Лондоне, где обсуждались конституционные вопросы (равно как и вопросы о будущем статусе тогдашней Британской Индии).

Продолжая традиции мусульманских реформаторов и сторонников обновления, Икбал стремился к синтезу исламских ценностей с достижениями западной цивилизации. Выдвинув лозунг «назад к раннему исламу», он не мечтал о возврате к временам миссии Мухаммеда и тем более не хотел сохранения существующего положения дел в мусульманских общинах, которое он считал глубоко «застойным». В своих сочинениях «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (1932) и «Книга вечности» (1932) он сформулировал конкретную социально-философскую программу реформирования мусульманской мысли, соединив ее с ценностями демократии. Будучи не только философом, но и поэтом, он мог доносить свои идеи в популярной форме до самой широкой аудитории.

В своем учении М. Икбал стремился создать образ совершенной человеческой личности, соединив ницшеанскую теорию «сверхчеловека» с суфийской концепцией «идеального человека». Как писал об Икбале современник, «Он видел в Боге совершенное Эго, но, однако, это Эго было более близким и осязаемым, чем Бог прошлого». Одновременно он опирался на наследие «обновленческих» школ в исламе, пытаясь дать ответ и на волновавшие тогда многих общественно-политические вопросы.

Как мыслитель, М. Икбал оказал значительное влияние на формирование нового поколения мусульманских идеологов. Как заметил по этому поводу мусульманский богослов Сайд Вали Реза Наср, деятельность и творчество М. Икбала «сыграли большую роль в возрождении ислама в современном мире».

Изначально М. Икбал был твердо убежден в том, что для гуманизации мусульманской веры необходимо возрождение социально-политического идеала, воплощенного в общине пророка Мухаммеда, основанного на принципах братства, солидарности и справедливости. По его убеждению, именно в рамках этой модели было возможно принципиально улучшить природу человека и создать условия для проявления его творческих способностей. Как полагал Икбал, подобное возрождение должно было начинаться с совершенствования личности каждого мусульманина, эталоном для которого должен был послужить сам Мухаммед. Для уточнения смысла данного идеала, по мнению мыслителя, следовало уточнить значение самого понятия «мусульманин» и перестать отождествлять мусульманскую религию с теми формами и проявлениями жизни, которые сложились в недостаточно просвещенных обществах.

Характерными чертами истинного мусульманина, по Икбалу, являются преданность Богу и служение обществу. В социальном отношении подобный процесс «нравственного совершенствования» неизбежно приведет к созданию совершенного политического общества («теократии»), в котором духовное и политическое возрождение будут взаимно дополнять друг друга («Государство в соответствии с исламом – это только усилие реализовать духовное в человеческой организации. Но в этом смысле любое государство, не основанное на прямом господстве и претендующее на реализацию идеальных принципов, является теократическим»). По своей форме подобное государство будет представлять собой демократическую республику – но не западную «плутократию», а опирающуюся на традиционные исламские институты: шуру (совет) и иджму (согласие).

Социально-экономическим основанием подобной формы государственного устройства будет, как полагал философ, «мусульманский социализм», что, в свою очередь, предполагает уничтожение всех искусственных различий в экономическом положении, коллективизм и общественное регулирование, помощь бедным (специальный налог).

При этом «мусульманский социализм», по мнению М. Икбала, в корне противоположен атеистическому социализму (и не только в советском его варианте). Он критиковал и социалистические идеи основателя современной Индии Д. Неру, считая их основанными на материальных интересах и духе антагонизма. «Мусульманский социализм», по его мнению, должен иметь прежде всего

ценностно-ориентированный характер, а революция начинаться с нравственного совершенствования человека.

Идеи М. Икбала оказали значительное влияние на формирование современной, более гуманной и демократичной, концепции исламской политики. Он может считаться виднейшим представителем мусульманского реформизма и либерализма XX века. Его идеи способствуют поиску альтернативных путей развития мусульманского мира, позволяют искать гибкие и своевременные ответы на современные глобальные вызовы.

Помимо этого, Икбал, первоначально поддерживающий единство Индии и всех населявших ее народов, впоследствии перешел к пропаганде идей исламского возрождения, мусульманского братства и панисламизма – что позволяет его сторонникам считать его одним из предвестников и идеологов созданного позднее Пакистана как государства с мусульманской идентичностью. Икбал (наряду с М. А. Джинной) был одним из вдохновителей создания «Мусульманской лиги», активно боровшейся за политическое обособление мусульманской части Британской Индии, что (по понятным причинам) осложняет восприятие его фигуры и идей в «индуистском мире». Для многих же практикующих мусульманских политических стратегов и практикующих политиков Икбал представляется идеалистом, заметно удалившимся в своих рассуждениях от реалий современного мира и проблем мусульманского сообщества.

Так, до второй половины XX в. радикальный ислам с его непримиримостью к другим конфессиям, светскому государству и образу жизни был лишь одним из направлений в исламе (так, например, в том же Египте действовала организация «Братья-мусульмане», которая в течение 1950–60-х гг. вела активную борьбу со светским режимом Г. А. Насера). Все изменилось с 1970-х гг., когда США, напуганные распространением левой идеологии и советского влияния, сделали ставку на распространение ваххабитской идеологии в «проблемных» для себя странах – Алжире, Йемене, на Палестинских территориях. Их активными помощниками стали Саудовская Аравия, Египет после Насера и Пакистан. Параллельно с США пытался осуществлять поддержку исламских радикалов и Иран (например, Палестинское движение сопротивления и шиитские группировки в Ливане).

Решающим моментом в утверждении радикального ваххабитского ислама стала война Советского Союза в Афганистане, в которой США и их союзники изначально поставили на местных моджахедов. В ряде арабских стран были созданы пункты вербовки добровольцев, отправившие на войну десятки тысяч правоверных. Но, главное, в ходе этой войны произошел надлом в сознании мусульман-добровольцев, когда им пришлось убивать своих единоверцев – афганцев, воевавших совместно с советскими солдатами против «душманов».

Главной социальной опорой радикального ислама во всех странах мира стали представители т.н. «переходных» или маргинализированных групп – т.е. люди, по тем или иным причинам не нашедшие себе применения в обществе и отторгнутые им (это особенно характерно для остальных в социально-экономическом отношении стран, которые составили, по словам российского политолога и экономиста А. И. Неклессы, т.н. «Глубокий Юг»). В арабских странах Ближнего Востока ими стали вернувшиеся из Афганистана добровольцы, в короткое время де-стабилизировавшие обстановку и в итоге отправленные властями продолжать «джихад» и осуществлять экспорт «исламской революции» по всему миру – в Алжир, Боснию, Косово, Чечню, Дагестан, Афганистан, Ирак и др. Ярким примером подобного деятеля является знаменитый саудовский миллиардер и лидер «Аль-Каиды» Усама Бен Ладен, отвергнутый своей собственной семьей и нашедший свое «призвание» в «глобальном джихаде» и терроризме.

В Советском Союзе и России 1990 – х гг. идеи «чистого ислама» были восприняты молодым поколением мусульман, которые в годы господства официального атеизма были дистанцированы (но не окончательно оторваны) от традиционного умеренного ислама, веками существовавшего среди народов нынешнего постсоветского пространства. В результате возникший в «переломные» 1990-е гг. ценностный вакуум был заполнен более радикальными толкованиями и «религиозно-идеологическими платформами». Сыграл свою роль и глубокий кризис экономики, политики и идеологии в постсоветских обществах, лишивший многих молодых людей устойчивых мировоззренческих и социальных ориентиров. В результате в страдающих от перенаселенности, безработицы и бесперспективности регионах Средней Азии и Кавказа стали возникать кружки, а затем и центры по изучению «истинного ислама», создающие угрозу политической стабильности и политическому порядку в целом ряде стран [2, 4]. При этом вынужденный переход в «подполье» многих из числа организаций подобного толка в 2000-е годы не только не ослабил потенциал их влияния, но и позволил обрести новые возможности в деле обработки массового сознания кризисных обществ с использованием социальных сетей. Последнее представляет собой масштабный вызов, требующий системного и масштабного противодействия со стороны постсоветских обществ и государств.

Результаты исследования.

Активизация т.н. «политического ислама» (в том числе в форме его радикализации) – одно из ключевых проявлений политического в мусульманском мире в современной ситуации. Для этого существуют вполне объективные

политические, социально-экономические и социокультурные предпосылки. Обращение к наследию реформаторской и человеко-ориентированной традиций в истории мусульманской мысли могут помочь сформулировать и осмыслить альтернативные пути развития мусульманского мира, но при условии их адаптации к весьма неоднородной и изменчивой текущей ситуации в мировых делах и в развитии конкретных обществ и государств. При этом адаптация как лоялистски-ориентированных, так и реформаторских (модернизаторских) по своему характеру проблем к ситуации «глобального постмодерна» является проблемой, к решению которой на сегодняшний день не предложено. Оптимизм некоторых из числа западных исследователей (например, известного словенского социолога С. Жижека), которые говорят о возможности интеграции мусульманских обществ и стран в современное глобальное «мультикультурное сообщество» посредством актуализации универсалистских ценностей и установок, содержащихся в самом мусульманском вероучении [8], на сегодня не разделяется значительной частью научного и экспертного сообщества.

Выводы. Анализ современной ситуации позволяет заключить, что реалии мусульманского мира вышли достаточно далеко за рамки тех дискуссий, которые в течение многих лет вели мусульманские теоретики первой половины XX века – будь то «лоялисты» (сторонники идеи халифата), реформисты или сторонники «общечеловеческих ценностей». Германский исследователь ислама Г. Швайцер связывает эту неудачу умеренных концепций с

сохранением барьеров, которые отделяют современный мусульманский мир от мира «плюралистического Модерна», включая сюда глубокое различие между традиционной мусульманской толерантностью и «секулярной толерантностью» западного мира [11]. В результате радикальный ислам сегодня является весьма распространенной формой ответа на вызов мусульманскому миру со стороны «глобального сообщества». И очевидно, что в условиях нарастающего внешнего давления у ряда мусульманских идеологов возникает стремление сплотить мусульман всего мира на основе простого и понятного вероучения, отбрасывающего все ненужные «наслоения» и компромиссы с «враждебными силами» и мобилизующего их на борьбу с «неверными». В силу этого некоторые исследователи даже склонны рассматривать ваххабизм как аналог европейской Реформации в исламе.

По мнению авторов, адекватным ответом для России на вызов со стороны активизировавшихся религиозных радикалов должно стать активное взаимодействие с представителями традиционного умеренного ислама внутри страны, а равно и с представителями зарубежного умеренного ислама (представленными в Организации «Исламская конференция», статус наблюдателя в которой в начале 2000-х гг. получила Россия) вкупе с формулировкой и продвижением модернизационных проектов, способных внутренне консолидировать и задать новую перспективу современным многонациональным и поликультурным обществам.

Источники и литература / Sources and references

1. Василенко И.А. Политическая глобалистика. М.: Логос, 2000. 358 с.
2. Казанцев А.А. “Ваххабизм”: опыт когнитивного анализа. // Полис. 2002. № 5. С. 96-109.
3. Малашенко А. Два лика исламского радикализма. // Независимая газета. 15.04. 2003
4. Малашенко А. Северный Кавказ: исламский фактор. // Свободная мысль. 2001. № 9. С. 6-22.
5. Мирский Г.И. Политический ислам и западное сообщество. // Полис. 2002. № 1. С. 76-86.
6. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986. 256 с.
7. Barber B. Coca Cola and Heiliger Krieg. Bern, Muenchen, Wien: Scherz, 1996. 324 S.
8. Žižek S. Blasphemische Gedanken Islam und Moderne. Berlin: Ullstein, 2015. 64 S.
9. Kreiser K. Geschichte der Türkei. Von Atatürk bis zur Gegenwart. München: C.H. Beck, 2012. 129 S.
10. Seidensticker T. Islamismus. Geschichte, Vordenker, Organisationen. Munich: C.H. Beck, 2014. 127 S.
11. Schweizer G. Islam verstehen: Geschichte, Kultur und Politik. Stuttgart: Klett-Cotta, 2003. 610 S.

Информация об авторах:

Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: birs.07@mail.ru.

Вклад в статью: разработка концепции исследования, получение и интерпретация части данных, работа с источниками, анализ и утверждение окончательной версии статьи, её написание.

Шиллер Вадим Викторович, к.и.н., заведующий кафедрой истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: shiller.vadim@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0019-6392.

Вклад в статью: получение и интерпретация части данных, подборка и изучение литературы, работа с источниками и написание части статьи, редактирование.

Authors information:

Biryukov Sergey Vladimirovich, Advanced Doctor in Political science, Full Professor Department of History of Kemerovo State medical University. E-mail: birs.07@mail.ru.

Contribution to the article: development of the research concept, obtaining and interpreting part of the data, working with sources, analyzing and approving the final version of the article and writing it.

Shiller Vadim Viktorovich, Ph.D. of Historical Sciences, head of the Department of History of Kemerovo State Medical University. E-mail: shiller.vadim@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0019-6392.

Contribution to the article: obtaining and interpreting part of the data, selecting and studying the literature, working with sources and writing part of the article, editing.

УДК 159.9.072.432

Ростова Н. Н., Ефремова О. Н.

ИНДИКАТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

Актуальность исследования обоснована необходимостью изучения образа семьи в представлении молодежи как значимого маркера в оценке потенциально деструктивного поведения. От характеристик семейной системы как ближайшего значимого окружения молодого человека, зависит во многом риск вовлечения молодежи в деструктивные сообщества и виды деятельности. Исследование подчинено цели выявить индикаторы благополучия семьи в представлениях студенческой молодежи.

Предметом исследования являются представления студентов о благополучной семье. Новизну исследования составляет детализированное исследование представлений студенческой молодежи о благополучной семье, результатом которого стали индикаторы семейного благополучия. Проведен подробный анализ внутрисемейной коммуникации на основе внутренней картины респондентов. Для разработки анкеты была проведена аналитическая работа с информационными источниками и результатами предыдущих исследований. Применены ме-

тоды анкетного опроса и контент-анализа. **Результатами** исследования являются выявленные индикаторы благополучия семьи в представлении студенческой молодежи. На основании полученных результатов проектируется опросник для мониторинга качества внутрисемейной коммуникации. **Выводами** по результатам исследования стали сформулированные для разработки диагностического инструментария индикаторы благополучия и неблагополучия семьи в представлении студенческой молодежи.

Ключевые слова: семейная система, внутрисемейная коммуникация, семейное благополучие, функции семьи, индикаторы благополучия семьи, образ семьи, студенческая молодежь, деструктивные явления в молодежной среде, дисфункциональная семья, коммуникативная дисфункция.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Ростова Н. Н., Ефремова О. Н. Индикаторы благополучия семьи в представлении студенческой молодежи // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 45–53.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022 г.

PSYCHOLOGY

Rostova N. N., Efremova O. N.

INDICATORS OF FAMILY WELL-BEING IN THE MINDS OF STUDENTS

Abstract

The relevance of the study is justified by the need to study the image of the family in the representation of young people as a significant marker in the assessment of potentially destructive behavior. The characteristics of the family system, as the closest significant environment for a young person, largely determine the risk of involving young people in destructive communities and activities. The research is subordinated to the goal of identifying indicators of family well-being in the views of students. The subject of the study is the ideas of students about a prosperous family. The novelty of the study is a detailed study of student youth's ideas about a prosperous family, which resulted in indicators of fami-

ly well-being. A detailed analysis of intra-family communication based on the internal picture of respondents (representatives of student youth) was carried out. To develop the questionnaire, analytical work was carried out with information sources and the results of previous studies. The methods of questionnaire and content analysis are applied. The results of the study are the identified indicators of family well-being in the representation of students. Based on the results obtained, a questionnaire is designed to monitor the quality of intra-family communication. The conclusions based on the results of the study were the indicators of well-being and family problems formulated for the development of diagnostic tools in the representation of students.

For citation: Rostova N. N., Efremova O. N. Indicators of family well-being in the representation of student youth // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 45–53.

Keywords: family system, intra-family communication, family well-being, family functions, indicators of family well-being, family image, student youth, destructive phenomena in the youth environment, dysfunctional family, communicative dysfunction.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

Введение

Актуальность исследования

Важное значение приобретают представления в молодежной среде о семейном благополучии. Риск вовлечения молодежи в деструктивные сообщества и виды деятельности во многом зависит от характеристик семейной системы, как ближайшего значимого окружения молодого человека.

На протяжении нескольких лет авторы исследования принимают участие в изучении деструктивных явлений в молодежной среде. Данному вопросу посвящены статьи [8, 13]. В ходе исследований была замечена устойчивая взаимосвязь в профилях респондентов между декларируемым благополучием семьи и собственным психологическим благополучием (негативное самоотношение, фрустрация психологических потребностей и др.). Эта взаимосвязь между декларируемым благополучием семьи и образом семьи в представлении молодежи послужила отправной точкой (рабочей гипотезой) для дальнейшего исследования.

Каждый респондент имеет собственную внутреннюю картину своей семьи, о которой отвечает. Именно представление отражает для данного респондента состояние его семейной системы. Каждый член семьи воспринимает происходящую в ней динамику сквозь призму собственного представления (своей внутренней картины семьи). Спрашивая и получая ответы о представлениях, мы имеем возможность исследовать внутреннюю картину семьи каждого интересующего молодого человека.

Сегодня предельно важно знать представления молодежи о семье, так как это представление отражает состояние психологических потребностей, общий эмоциональный фон и ближайший доступный ресурс поддержки. Состояние семейной системы – ее функциональность или дисфункциональность – является самодостаточным маркером в оценке потенциальной деструктивности в поведении молодежи.

Противоречие между декларируемой и исполняемой реальностью функционирования семейной системы обнаруживает себя в наблюдаемых феноменах фрустрации психологических потребностей ее членов. Фрустрация психологических потребностей обнаруживает себя в процессе коммуникации в поведенческих реакциях, способах предъявления себя в диалог и других контекстах.

ВЦИОМ в 2018 г. был проведен опрос на тему, **какую семью можно назвать неблагополучной** [12]. В резуль-

тате опроса были получены признаки неблагополучия (расположены в порядке убывания приоритетности): 1) страдают алкогольной или наркотической зависимостью, 2) низкий уровень жизни, 3) не следят за детьми, 4) не воспитывают их, 5) не работающие, 6) родители и/или дети ведут асоциальный образ жизни, 7) неполные семьи, 8) многодетные семьи с низким доходом, 9) болезни, инвалидность. Примечательно то, что внутрисемейная коммуникация как критерий благополучия/неблагополучия не указан.

Принимая во внимание выявленный дефицит важной информации, необходимым для включения в исследование считаем блок вопросов, выявляющих характер внутрисемейной коммуникации.

Цель: выявить индикаторы благополучия семьи в представлениях студенческой молодежи.

Объект исследования: благополучная семья в представлении студенческой молодежи

Предмет исследования: представления студенческой молодежи о благополучной семье на примере студентов КемГМУ.

Методология исследования: теория семейных систем М. Боуэна.

Методы исследования: анкетный опрос, контент-анализ.

Разработанность проблемы:

Семья как система представлена в концепциях М. Боуэна [15], Б. Хеллингера [17], Кэтрин Бейкер и Питер Тителман, А. Я. Варга [2]. Психотерапевтическая работа с семьями описана в работах С. Минухина, В. Сатир, К. Витакера [4], [5], Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис [18], Х. Вайнер, Г. Кламмер и И. Хинши и др. Понимание и доверие во внутрисемейных отношениях исследовано Е. С. Синельниковой [14]. Внутрисемейную коммуникацию как фактор возникновения психосоматических заболеваний и пищевых зависимостей рассматривали Е. А. Клейменова [10], и А. Н. Васичева [3]. Влияние внутрисемейных отношений на социализацию подростков в обществе исследовалось М. П. Титовой [15].

Новизну исследования составляет детализированное исследование представлений студенческой молодежи о благополучной семье, результатом которого стали индикаторы семейного благополучия. Проведен подробный анализ внутрисемейной коммуникации на основании

внутренней картины респондентов (представителей студенческой молодежи).

Практическая значимость: на основании полученных результатов проектируется опросник для мониторинга качества внутрисемейной коммуникации по оценкам студенческой молодежи.

Теоретическая значимость: результаты работы могут быть применены для разработки программы социологического исследования на большей выборке студенческой молодежи с добавлением интересующих переменных (членство в субкультуре, этнос, конфессия и др).

Результаты исследования

В декабре 2021 года нами была проведена серия опросов студентов вузов г. Кемерово, 1-2 курсов. Всего было опрошено 293 респондента в возрасте от 18 до 23 лет, в том числе 241 (82 %) девушка и 52 (18 %) юноши.

В рамках проводимого исследования респондентам было предложено несколько вопросов.

Так, в первом вопросе участникам предлагалось **сформулировать собственное определение благополучной семьи**. На данный вопрос 1 % (4) опрошенных не смогли дать ответ. Отказ отвечать может быть как следствием затруднения в силу дефицита соответствующего опыта, так и реакцией протеста, отрицания и возможных др.

11 % (32 человека) сформулировали определение через отрицание, указывая на характеристики, не присущие определению благополучной семьи. Респонденты в своих определениях благополучной семьи отрицают эмоциональное насилие, физическое насилие и асоциальные привычки: «...где над детьми не издеваются, не бьют, не оскорбляют, а поддерживают и правильно воспитывают», «все родители живы, не пьют, не бьют, кормят, одевают и воспитывают», «семья, в которой никто из членов семьи не угнетен в моральном, физическом, финансовом и других аспектах», «это семья, где отношения не токсичны», «где взрослые не алкоголики...», «ро-

дители...не ведут асоциальный образ жизни, «не состоящая на учете у сотрудников правоохранительных органов», «семья, в которой никто не пьет, не издевается и не запрещает видиться с друзьями».

В некоторых ответах содержатся фразы, заключенные в кавычки, оформленные как цитаты, что позволяет предположить их использование в повседневной жизни респондентов со стороны родителей: «Детей в семье не бьют и понимающе относятся к переходному возрасту, а не кричат: "пока живешь у нас за наш с отцом счёт, ты здесь никто, и твое мнение не учитывается"», «Ты должен делать то, что я тебе сказала, потому что я в доме главная», "лучше бы я тебя не родила".

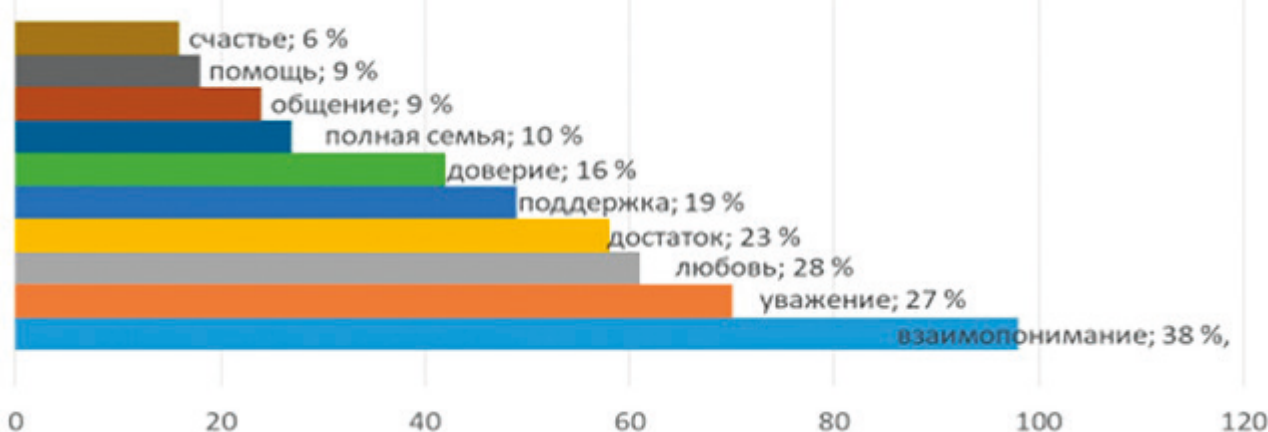
Ответы респондентов, раскрывающие содержание понятия «благополучная семья», дали проявиться и значимым для данной социальной группы индикаторам семейного благополучия, которые могут послужить для дальнейших исследований и быть включены в опросники. Индикаторы семейного благополучия: **«счастье», «помощь», «общение», «полная семья», «доверие», «поддержка», «достаток», «любовь», «уважение», «взаимопонимание».**

88 % (257) опрошенных дали определение, в котором содержится один или несколько индикаторов благополучия семьи (рисунок 1).

Лидирующие позиции в рейтинге индикаторов занимают **взаимопонимание** (98 человек, или 38 %), **уважение** (70 чел., или 27 %) и **любовь** (61 человек; 28 %) между всеми членами семьи.

На основе обобщения полученных ответов авторами было сформулировано определение благополучной семьи согласно представлениям респондентов. **Благополучная семья** – это семейная система, элементы которой действуют слаженно, образуют целостность и единство, экологично взаимодействуют между собой. Сквозной мотив практически всех индикаторов благополучной семьи – **взаимность и взаимонаправленность**, исключение нарушений в обмене «давать-брать» из семейных

Рисунок 1. Индикаторы благополучия семьи. Источник: материалы анкетного опроса студентов КеМГМУ. Декабрь 2021 год

отношений: «все члены семьи заботятся друг о друге», «все друг друга любят, уважают, поддерживают», «все друг другу доверяют и поддерживают», «папа, мама и дети вместе, помогающие друг другу во всем, имеющие свои традиции и шутки, участвующие в жизни друг друга», «семья, где выполняются взаимные обязательства».

Респондентами подчеркнуто, что **понимание, уважение и любовь** должны присутствовать не только по отношению к детям со стороны родителей, но и между супругами: «здоровые отношения между родителями», «добровольно и качественно выполняются взаимные обязательства супругов по отношению друг к другу и к детям», «...исполняются взаимные обязательства супругов, дополняя её любовью, заботой, поддержкой и взаимопониманием», «... оба родителя, между которыми присутствует взаимопонимание и уважение, а также равноправие», «...хорошие отношения между родителями», «это когда оба любящих человека вместе стараются на благо друг друга, понимают, помогают друг другу. Вместе дополняют, воспитывают детей».

Некоторые респонденты обращают внимание на социальный статус и моральный облик своих родителей: «родители ведут себя достойно и уважительно, не ведут асоциальный образ жизни», «семья с наличием обоих родителей, каждый из которых имеет работу, и члены семьи не имеют вредных привычек» «взрослые не алкоголики, родители работают, находят время и на детей», «работающий папа + работающая мама + взаимная любовь», «в семье поддерживаются моральные основы и ценности общества», «не алкоголики, имеют постоянную работу». Таким образом, можно выделить 3 уровня обязательств: 1) семья перед обществом, 2) супруги друг перед другом, 3) родители и дети друг перед другом.

На четвертом месте рейтинга **достаток** в семье как ин-

дикатор благополучия семьи (28 %). Полученные данные не противоречат опросу, проведенному ВЦИОМ в декабре 2020 года. На вопрос респондентам 18-24 лет «чего бы вы хотели добиться в своей жизни?», наиболее популярный ответ был: «создать счастливую семью, воспитать хороших детей» (75 % опрошенных), 54 % указывают на материальный достаток, т.е. достаток, материальное благополучие менее значимо, чем духовное.

Далее в рейтинге располагаются взаимные **поддержка** (19 %) и **доверие** (16 %): «в семье прослеживается взаимопонимание, взаимоподдержка и взаимоуважение», «доверие между родителями и детьми», «доверие, ... поддержка везде и всегда».

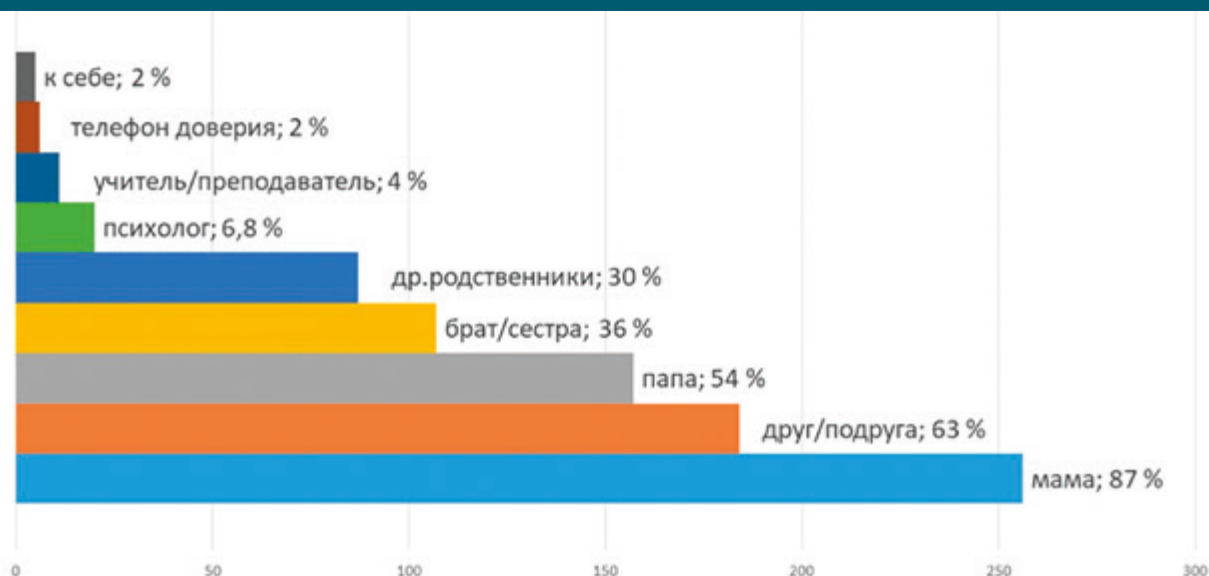
10 % (27 ответов) анкетированных делают акцент на том, что **семья должна быть полной**: «в жизни ребёнка оба родителя (мама и папа)», «семья, в которой оба родителя». Но есть прямо противоположное мнение: «Семья, в которой царит гармония между всеми её членами. Она не должна быть обязательно полной или родной».

Завершают рейтинг индикаторов благополучия **общение** (9 %), **помощь** (9 %) и **счастье** (6 %). Респонденты обращают внимание на то, что в благополучной семье «умеют слышать и прислушиваться к членам семьи», «каждый выслушивает мнение другого», «слышат друг друга», «каждый член семьи может слушать и слышать другого», а общение и помощь взаимонаправленные.

Ответы на вопрос: «**В сложной жизненной ситуации к кому вы обратитесь за помощью?**» распределились следующим образом:

Как видно из представленной гистограммы, лидирует ответ «мама» – 87 %, на втором месте «друг/подруга» – 63 %, затем «папа» – 54 %. В меньшей степени респонденты доверяются в сложной ситуации **другим родственникам**, т.е., бабушкам, дедушкам, тетям, братьям, се-

Рисунок 2. В сложной жизненной ситуации к кому вы обратитесь за помощью? Источник: материалы анкетного опроса студентов КемГМУ. Декабрь 2021 год

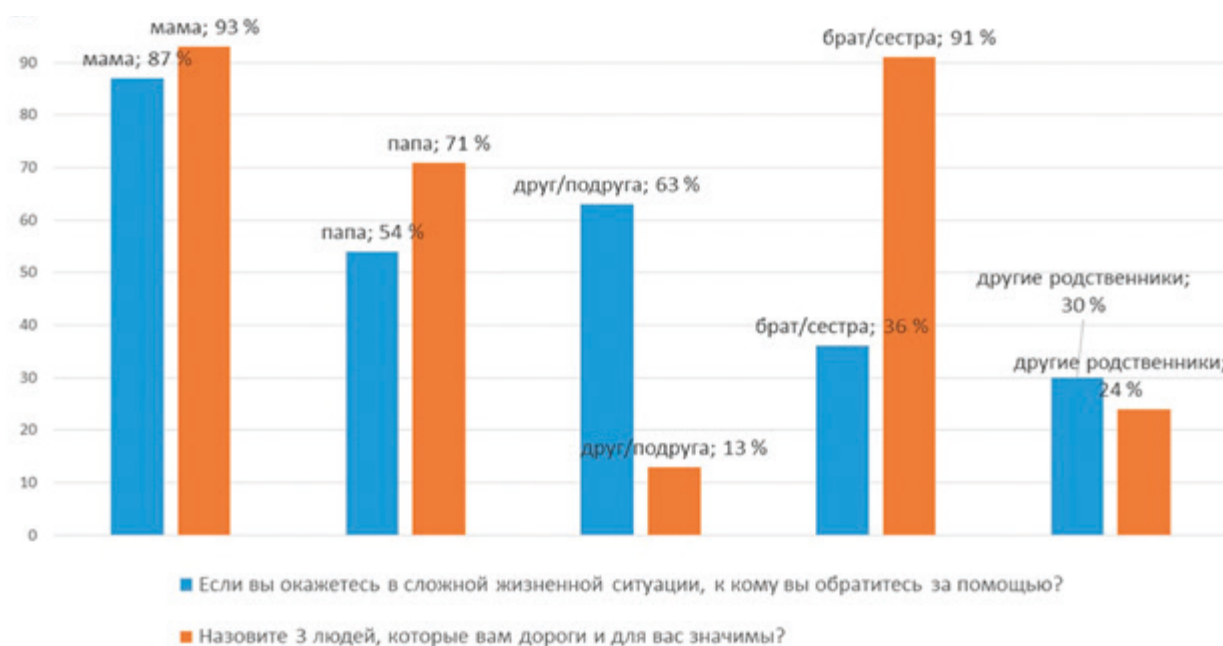
страм (36 % и 30 % соответственно). Замыкают рейтинг ответы: **психолог** (6,8 %), **учитель/преподаватель** (4 %), **телефон доверия** (2 %). 6 ответов, или 2% опрошенных, будут надеяться только на себя.

Сопоставление ответов на данный вопрос с ответами респондентов на следующий «**Назовите 3 людей, которые вам дороги и для вас значимы?**» дает основание предполагать различие в оценке значимости близких людей. В большинстве семей все кровные родственники декларативно признаются близкими, но в ситуациях обращения за помощью проявляется реальный характер

отношения к члену семьи.

В обоих случаях лидером рейтинга является ответ «**мама**» (87 % и 93 % соответственно). Мать воспринимается, согласно ответам респондентов, реальным значимым человеком, к которому можно обратиться за помощью или советом в трудной жизненной ситуации. Далее ответы респондентов отличаются. Самыми дорогими и значимыми людьми после «**мамы**» являются кровные и близкие родственники: **брат/сестра** – 91 %, **папа** – 71 %, **другие родственники** – 24 %. Ответ «**друг/подруга**» – 13 % – завершает рейтинг.

Рисунок 3. Если вы окажетесь в сложной жизненной ситуации, к кому вы обратитесь за помощью? /Назовите 3 людей, которые вам значимы и дороги. Источник: материалы анкетного опроса студентов КемГМУ. Декабрь 2021 год

В то же время, в сложной жизненной ситуации участники опроса охотнее обратятся за помощью к *другу/подруге* – 63%, чем к кровным и близким людям (*папа* – 54 %, *брат/сестра* – 36 %, *другие родственники* – 24 %). Гипотетически можно назвать две основных причины выявленного различия в оценке. Первая – это возрастные особенности юношеского периода, когда друг или подруга имеют больший авторитет и значимость, чем члены семьи. Такой выбор объясняется также необходимой автономией и самостоятельностью жизни молодого человека. Вторая предполагаемая причина – существование внутрисемейных альянсов. То, что можно обсуждать с мамой, нельзя сказать отцу, сестре/брату, бабушке/дедушке. Также альянс может быть с братом/сестрой и любыми другими членами семьи. При такой неоднородности семьи неизбежно имеет место проблема доверия.

В следующем вопросе «Удастся ли поговорить «по душам», «от сердца к сердцу» с тем, кто для вас значим, дорог?» 78 % опрошенных согласились с тем, что им удастся поговорить со значимыми и дорогими людьми.

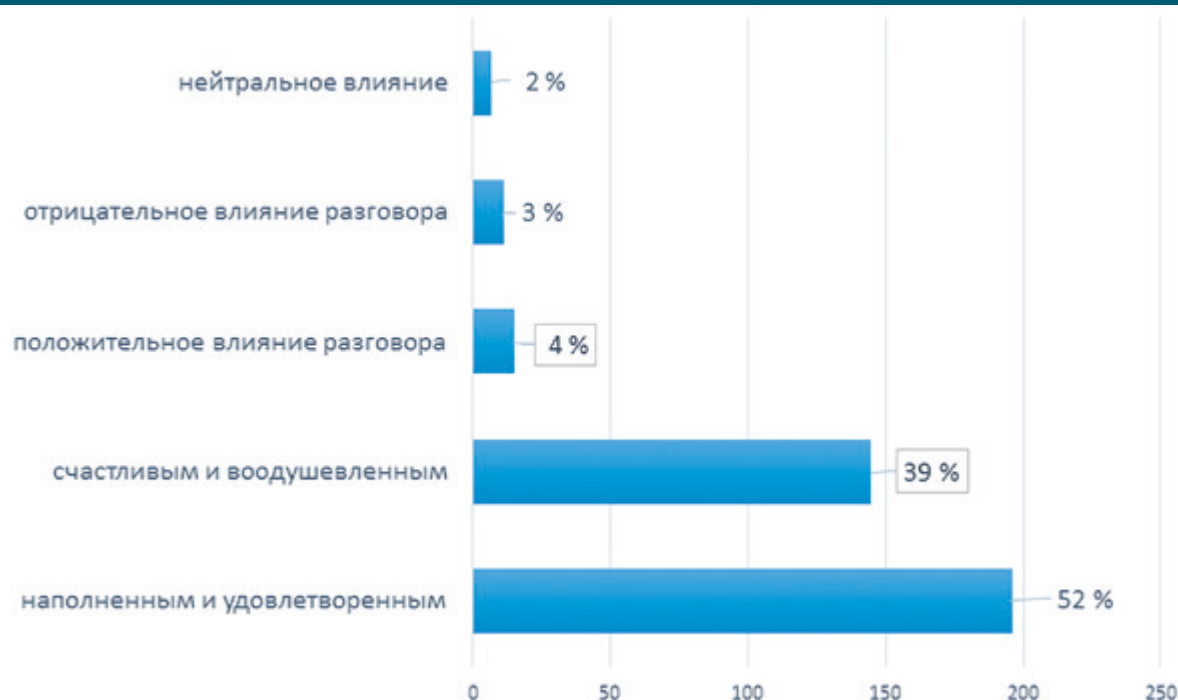
Рисунок 4. Удастся ли поговорить «по душам», «от сердца к сердцу» с тем, кто для вас значим, дорог? Источник: материалы анкетного опроса студентов КемГМУ. Декабрь 2021 год

Остальные 22 % испытывают коммуникативный дефицит: 17 % опрошенных признали, что это удастся «редко», 2 % – «никогда не удастся».

Далее мы попытались выяснить, что испытывают респонденты после разговора со значимым и дорогим человеком.

Рисунок 5. Как вы чувствуете ли вы себя после разговора со значимым и дорогим человеком? Источник: материалы анкетного опроса студентов КемГМУ. Декабрь 2021 год

91 % опрошенных испытывают положительные эмоции после разговора со значимыми и дорогими людьми, чувствуют себя «наполненными и удовлетворенными» (52%, 196 человек), «счастливыми и воодушевленными» (39 %, 145 респондентов).

4 % респондентов указали положительное влияние такого разговора: «голова становится ясной, мысли чёткими», «лёгкость», «любимым», «обычно понимаю, что надо теперь делать и как выйти из сложной ситуации», «получившей ответы на свои вопросы» и т.д.

Нейтральное влияние последствий такого разговора испытывают 2 % опрошенных: «ничего не чувствую», «как обычно», «обыкновенно» и пр.

Выраженное отрицательное влияние от подобных разговоров со значимыми людьми испытывают 3 % респондентов: «если что-то подобное случается, то я скорее чувствую беспокойство», «мои слова в ненужный момент могут быть направлены против меня же или могут стать известны третьим лицам», «некомфортно, стеснительно», «неловко», «разбито», «разные эмоции, вроде бы и хорошо, а вроде бы сказала чего-то лишнего», «я просыпаюсь в дерьме», «странные эмоции, вроде бы и облегчение, а вроде бы и нагрозили чужими мыслями», «пустоту». Исходя из анализа предложенных ответов, мы можем предположить нарушение внутрисемейной коммуникации, отсутствие доверия, страх манипу-

ляции и разглашения конфиденциальной информации. Оставаясь в состоянии неудовлетворенности, 3 % респондентов, испытавших негативный коммуникативный опыт, попытаются еще раз составить разговор со значимыми людьми.

Если коммуникация со значимым человеком все же состоялась, то 61 % (181 из опрошенных) респондентов исключают манипуляции и давление со стороны собеседника, остальные 39 % имеют опыт абьюза в семейных отношениях.

Из общего числа (39%) имеющих опыт абьюза во внутрисемейных отношениях, большая часть (29 %; 86 человек) отмечают, что чаще коммуникация происходит без негативных последствий. 7 % (22 респондента) испытывают травмирующее действие абьюза. Приведем для иллюстрации собственные слова респондентов, подтверждающие их негативный опыт во внутрисемейной коммуникации: «нет, не согласен, с абьюзивным человеком не работают разговоры, ведь такой человек не хочет ничего менять и улучшать в отношениях».

В ответе на вопрос: «Всегда ли удастся завершить разговор со значимым для вас человеком?» ответы распределились следующим образом: 84 % респондентов (262 студента) удастся завершить разговор. 16 % опрошенных (49 студентов) отмечают, что разговор обрывается по инициативе с той или иной стороны.

Рисунок 6. Можно ли сказать, что коммуникация со значимым для вас человеком исключает манипуляции, давление, любой вид абьюза? Источник: материалы анкетного опроса студентов КемГМУ. Декабрь 2021 год

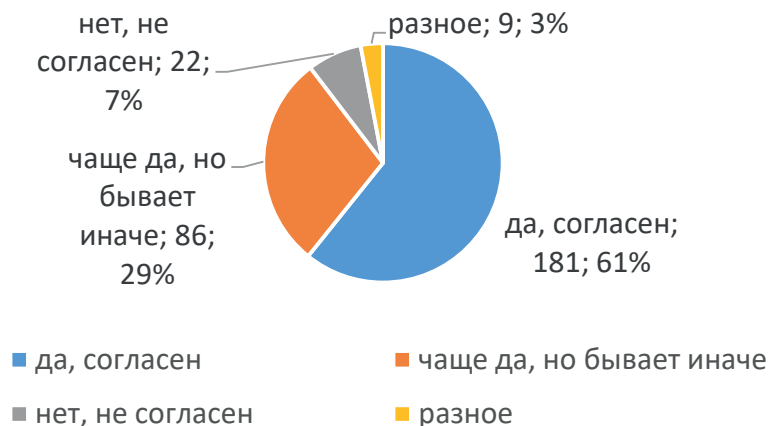

Рисунок 7. Всегда ли удастся завершить разговор со значимым для вас человеком? Источник: материалы анкетного опроса студентов КемГМУ. Декабрь 2021 год

Фрустрация психологических потребностей становится неизбежным следствием в обоих случаях, кто бы ни был инициатором обрыва коммуникации. В случае, когда разговор «по душам» обрывается по инициативе респондента (7%; 21), следует предполагать неудовлетворенность качеством, ходом разговора. Во избежание травмирующего (обесценивающего, унижающего) действия респондент первым отказывается продолжать значимый для него разговор. В случаях, когда инициатором прекращения значимой коммуникации выступает член семьи, родственник (7%; 23), кроме фрустрации психологических потребностей добавляется отношение отвержения, которое само по себе болезненно переживается.

В ходе проведенного исследования выявлена группа респондентов (9 человек; 3%), демонстрирующая «замаскированный» тип внутрисемейной коммуникации. «Ма-

скируется» состояние неудовлетворенности психологических потребностей и неудовлетворенность качественными аспектами коммуникации. Ответы респондентов по нескольким вопросам обнаруживают противоречия. На вопрос об опыте состоявшейся качественной коммуникации отвечают в целом отрицательно, описывая свои переживания негативно, но при этом в других вопросах говорят об удовлетворенности ряда психологических потребностей в той самой коммуникации.

Приведем пример:

Респондент № 50 отвечает на вопрос (удается ли поговорить «по душам», «от сердца к сердцу» с тем, кто для вас значим, дорог?) «никогда не удастся». На вопрос о чувствах после состоявшейся коммуникации отвечает: «если что-то подобное случается, то я скорее чувствую беспокойство. Мои слова в ненужный момент мо-

гут быть направлены против меня же или могут стать известны третьим лицам». Соглашается с проявлениями абьюза в коммуникации. Исключает возможность завершения начатого важного для себя разговора со значимым человеком. Но при этом отмечает, что во внутрисемейной коммуникации удовлетворяет следующие психологические потребности: «*быть любимым, значимым, быть нужным, полезным*». Мы предполагаем, что характер ответа на последний вопрос (о потребностях) носит декларативный характер и является одним из подтверждений «замаскированного» типа внутрисемейной коммуникации. Такой тип коммуникации характерен для общесемейных убеждений, ограничивающих намерения членов семьи делиться «своими проблемами» с чужими («Не выноси сор из избы»). Ограничения распространяются и на обращения за психологической помощью к специалистам.

Необходимо обратить внимание на выявленные (хотя и единичные) случаи коммуникативной семейной дисфункции (6; 2%). Перед нами пример неудовлетворяющей внутрисемейной коммуникации. По ответам респондента можно предполагать накопленное нервно-психическое напряжение, выражающее себя в едких формулировках.

Респондент № 125 отвечает на вопрос (удается ли поговорить «по душам», «от сердца к сердцу» с тем, кто для вас значим, дорог?) «*Да, моя мертвая бабушка иногда приходит ко мне во сне*». На вопрос о чувствах или состоянии после разговора «по душам», «от сердца к сердцу» респондент отвечает: «*Я просыпаюсь в г.не*». Отшучивается и уклоняется от ответа на вопрос о проявлениях абьюза в отношениях со значимыми людьми в семье: «*Арбуза? Я дыню люблю*». Вопрос о характере завершения начатого разговора получает ответ: «*он обрывается, когда я чувствую теплую жидкую массу в районе жс...*». Этот же респондент на вопрос об удовлетворенности психологических потребностей дает ответ: «*сексуальные*».

Еще одна иллюстрация для случаев семейной коммуникативной дисфункции. **Респондент № 148** отвечает на вопрос о состоявшемся опыте качественной коммуникации: «*не люблю пустые разговоры*». По ответу следует предполагать, что качество коммуникации не соответствует желаемому. Респондент оценивает такие разговоры «по душам», «от сердца к сердцу» как «*пустые*», т.е. не приносящие желаемого результата, не наполняющие, бесполезные. Ответ на следующий вопрос подтверждает состояние фрустрации потребности: «*на случай, если буду нужен, то я там же, где и был, когда был не нужен*». По характеру ответа на вопрос о проявлениях абьюза в отношениях можно констатировать его проявления: «*если волк молчит, то лучше его не перебивай*». Отвечая на вопрос о характере завершения на-

чатого важного разговора, респондент вероятно демонстрирует накопленное нервно-психическое напряжение: «*каждый в цирке думает, что знает в цирке, но не каждый, что в цирке, знает, что в цирке не каждый думает*». Состояние фрустрации и напряжения подтверждает ответ на вопрос об удовлетворенных потребностях: «*кем бы ты ни был, кем бы ты ни стал, помни, где ты был и кем ты стал*».

Выводы

В своем представлении респонденты назвали следующие индикаторы семейного благополучия: (индикаторы расположены в порядке убывания приоритетности): 1) «**взаимопонимание**», 2) «**уважение**», 3) «**любовь**», 4) «**достаток**», 5) «**поддержка**», 6) «**доверие**», 7) «**полная семья**», 8) «**общение**», 9) «**помощь**», 10) «**счастье**».

Авторами было сформулировано определение благополучной семьи на основе обобщения ответов респондентов. Под **благополучной семьей** понимается семейная система, элементы которой действуют слаженно, образуют целостность и единство, экологично взаимодействуют между собой. Сквозной мотив практически всех индикаторов благополучной семьи – **взаимность и взаимонаправленность**, исключение нарушений в обмене «давать-брать» из семейных отношений. Ценность выявленных индикаторов в представлении молодежи состоит в том, что мы получаем ответ на вопрос: «Что главное в семье?». Эти ответы можно понимать и как семейные ценности современной молодежи.

В целях практического применения (включения индикаторов в скрининговые и мониторинговые исследования) предлагаем следующие формулировки индикаторов:

- эмоциональная значимость членов семьи друга для друга;
- возможность обратиться за помощью и поддержкой;
- наличие и характер наказаний детей в семье;
- удовлетворенность психологических потребностей;
- качество коммуникации между членами семьи.

На основании ответов респондентов в целях дальнейшего применения результатов исследования нами сформулированы критерии неблагополучия семьи: коммуникативная дисфункция (непонимание, недоверие, неуважение, дефицит общения), дисфункция обмена в отношениях (отсутствуют или затруднены взаимопомощь и поддержка), фрустрационная напряженность (неудовлетворенность психологических потребностей: любовь, счастье, общение), социально-экономический критерий (полнота семьи и достаток). Эти критерии способны выступать диагностическими маркерами семейного неблагополучия в мониторинговых исследованиях.

Источники и литература / Sources and references

- Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. Изд. 2-е. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 208 с.
- Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
- Васичева А. Н., Мартынова М. А. Нарушения внутрисемейной коммуникации как причина возникновения пищевых зависимостей // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2020. № 11(20). С. 126-129.
- Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта. М.: Класс, 1998. 176 с.
- Витакер К., Бамберри В. Танцы с семьей. Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте. М.: Класс, 1999. 176 с.
- Власова М. Д. Факторы психологического благополучия семьи // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 545-547. Доступно по: <https://moluch.ru/archive/287/64836/>. Ссылка активна на 25.08.2022.
- Власюк И. В. К вопросу о проектировании модели благополучная семья // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 12. С. 34-37.
- Ефремова О. Н., Ростова Н. Н. Мониторинг латентных суицидальных тенденций в молодежной среде // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 1. С. 33-37.
- Жданова Н. А. Влияние внутрисемейных отношений на развитие жизненных смыслов подростков: специальность 19.00.13 Психология развития, акмеология: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Жданова Наталья Александровна. Воронеж, 2010. 254 с.
- Клейменова Е. А. Нарушение внутрисемейной коммуникации как фактор возникновения психосоматических заболеваний // Новые научные исследования: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 марта 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 206-208.
- Нейпир О., Витакер К. Семья в кризисе. Опыт терапии одной семьи, преобразивший всю ее жизнь. М., Когито-центр, 2016. 344 с.
- Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Доступно по: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9200>. Ссылка активна на 1.08.2022.
- Ростова Н. Н., Ефремова О. Н. Индикаторы потенциально деструктивного поведения в молодежных субкультурах. Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 1. С. 27-32.
- Синельникова, Е. С. Понимание и доверие как условия успешной внутрисемейной коммуникации / Е. С. Синельникова // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. в книгах). 2010. Т. 190. С. 236-239.
- Бейкер К., Варга А. Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2005. 496 с.
- Титова М. П. Влияние внутрисемейных отношений на социализацию подростков в обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Электронный ресурс, Краснодар, 18 октября 2019 года. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2019. С. 248-253.
- Хеллингер Б. Источнику не нужно спрашивать пути. М.: Институт консультирования и системных решений, 2005. 308 с.
- Эйдемиллер Э. Г. и др. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. СПб: Речь, 2005. 352 с.

Информация об авторах:

Ростова Наталья Николаевна, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: naniros11@rambler.ru. ORCID 0000-0003-4304-7557.

Вклад в статью: статистический анализ, контент-анализ и интерпретация, критический анализ и утверждение окончательной версии статьи.

Ефремова Ольга Николаевна, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: Petrola7877@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8494-4102.

Вклад в статью: контент-анализ и интерпретация, теоретический анализ источников, составляющих методологию исследования. Список источников и литературы.

Authors information:

Rostova Natalya Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kemerovo State Medical University. E-mail: naniros11@rambler.ru. ORCID 0000-0003-4304-7557.

Contribution to the article: statistical analysis, content analysis and interpretation, critical analysis and approval of the final version of the article.

Efremova Olga Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kemerovo State Medical University. E-mail: Petrola7877@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8494-4102.

Contribution to the article: content analysis and interpretation, theoretical analysis of the sources that make up the research methodology. List of sources and literature

УДК 378.147: 811.124

Чистякова Г. В., Ларионова Ю. С., Красилова Т. А.

ОБУЧЕНИЕ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ СРЕДСТВАМИ LMS MOODLE В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Аннотация

Цель исследования состоит в создании и внедрении авторского электронного курса «Латинский для врачей-стоматологов», разработанного в LMS Moodle, для реализации образовательного процесса по изучению латинского языка для студентов Кемеровского государственного медицинского университета. В статье рассматриваются вопросы лингвистической подготовки медицинских кадров в условиях цифровой трансформации образования; описывается организация образовательной деятельности студентов вуза по дисциплине «Латинский язык» на основе принципов цифровой дидактики. Предметом исследования является организация образовательного процесса по дисциплине «Латинский язык» в электронной образовательной среде вуза. Научная новизна работы состоит во внедрении новых методов организации образовательной деятельности обучающихся в условиях цифровой трансформации образования за счет интеграции авторского электронного курса «Латинский для врачей-стома-

тологов» в LMS Moodle в аудиторную и самостоятельную работу студентов КемГМУ. Результатами исследования являются: создание авторского электронного курса «Латинский язык для стоматологов» в LMS Moodle для студентов Кемеровского государственного медицинского университета; описание принципов организации образовательного процесса по дисциплине «Латинский язык» с использованием электронного курса, разработанного на образовательной платформе LMS Moodle.

Ключевые слова: латинский язык, электронный курс, электронная информационная образовательная среда, цифровая трансформация, медицинские кадры, мотивация, образовательная платформа LMS Moodle, терминологическая компетентность, инновационная методика, термины греко-латинского происхождения.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Чистякова Г. В., Ларионова Ю. С., Красилова Т. А. Обучение латинскому языку средствами LMS Moodle в медицинском вузе // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т.3. №. 3. С. 54–58.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022

PEDAGOGY

Chistyakova G. V., Larionova Yu. S., Krasilova T. A.

LEARNING LATIN LANGUAGE IN LMS MOODLE AT A MEDICAL UNIVERSITY

Abstract

The purpose of the research is to work out and integrate the authors' electronic course «Latin for dentists», developed in LMS Moodle platform to realise Latin learning process for students of Kemerovo State Medical University. The article deals with the issues of linguistic training of health care staff in the context of education digital transformation. The organisation of students' educational activities in the discipline «The Latin language» based on the principles of digital didactics is described. The subject of the study is the organisation of educational process of the Latin language learning at Kemerovo State Medical University through the electronic educational environment. The scientific novelty of the work is in the introduction of new methods for students' educational activities organisation in the context of education digital transformation by integrating the authors' elec-

tronic course «Latin for dentists» through the LMS Moodle to organize students' classroom and independent work at Kemerovo State Medical University. The results of the study are: the development of the authors' electronic course «Latin for dentists» in LMS Moodle for students of Kemerovo State Medical University; the description of the principles of educational process organisation in the discipline «The Latin language» using the electronic course developed in LMS Moodle.

Keywords: Latin language, electronic course, electronic information learning system, digital transformation, health care staff, motivation, learning management system Moodle, terminological competence, innovative teaching method, terms of Greek-Latin origin.

Conflict of interest: None declared.

Source of financing: There was no funding for this project.

For citation: Chistyakova G. V., Larionova Yu. S., Krasilova T. A. Learning Latin language in LMS Moodle at a medical university // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 54–58.

The education digital transformation has not only created the need for the significant modernisation of the entire educational process, but it also gives unlimited potential for professional teachers' creativity. Thanks to innovative methods, it became possible to combine the best teaching traditions and new digital technologies integrated into the educational process, which made it more interesting and more attractive for students. Besides they significantly increased the students' motivation to study disciplines and develop self-education skills.

The scientific and methodological sources review showed that the digital technologies introduction into educational process is becoming increasingly popular in the system of higher education. Many foreign and Russian researchers consider mastering basic digital competencies of higher school teachers (L. Levano-Francia, et al [1], Yu Zhao, et al [2], L. A. Alkova [3], O. G. Achkasova [4], O. V. Bugrova [5], N. N. Kondrasheva [6], D. S. Konstantinova, et al [7], etc.); tasks for formation of electronic informational educational environment of the university and students' e-learning organisation (I. M. Degil, et al [8], I. N. Khmelidze [9], A. G. Shirokolobova, et al [10], etc.). Nowadays electronic courses for professional and general humanitarian disciplines, including foreign languages, are being actively developed and integrated into university educational process. The leading Russian universities place their electronic educational courses not only on their university platforms, but also on the largest international online platforms.

Many universities include e-learning courses into their curricula of the main higher education professional educational programs. Higher education institutions are aimed to expand the use of high-quality educational e-learning courses into educational process not only by the existing regulatory framework of the education system in the Russian Federation, but also by the priority project «Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation» [10].

According to a number of researchers, the digital technologies usage in the educational process of the university makes it possible to include several ways of presenting material to students, to combine e-learning programs and elements of classroom activity with a teacher and to introduce e-learning courses into educational process, which allows to redistribute resources and increase students' achievements and their motivation to learn [11, p. 31].

The modular object-oriented dynamic learning environment (LMS Moodle) has gained particular popularity in the implementation of the e-learning project in Russian universities. As A. R. Memon and F. A. Rathore mention, it is the most used everywhere and it is a well-known, user-friendly and verified open-source software-learning management system. It can provide a learning interface as well as a source of communication. Its learning interface allows uploading lecture videos, presentations, documents, pictures, and assessment of assignments and quizzes. Whereas its combination interface allows for forum discussions and private messaging between learners [12, p. 1077].

The LMS Moodle platform has become an effective tool for implementing e-learning in the context of digital transformation. Learning through LMS Moodle becomes students' oriented due to the variability and flexibility of educational material assimilation based on the individual pace of the student. In addition, the LMS Moodle system provides a comprehensive educational process thanks to its extensive educational content, a system for controlling, monitoring and evaluating the quality of students' knowledge [13, 14].

The educational process organisation in the discipline «The Latin language» is of great importance at the medical university. The subject occupies the fundamental place in the structure of major professional academic programs, as it is impossible to achieve some significant results in the profession without mastering the basic concepts dated back to ancient Greek and Roman medicine. The study of the discipline contributes to the development of the general language and terminological competence of future doctors. The terminological dictionary of medicine is huge, and its ignorance gives the insurmountable difficulties to study up any special clinical subjects and, as a result, further professional activity. «Unsure language skills of the conceptual and terminological apparatus gives rise to students' doubts about their knowledge, loss of interest in learning. On the other hand, the timely successful mastery of anatomical, clinical, pharmaceutical terms of Greek-Latin origin, their free use in the learning process not only stimulates interest in the theoretical and clinical subjects students are studying, but also activates mental activity, the ability to apply a systematic approach for solving problems in professional area» [15, p. 95].

The Latin language is known to be a dead language that significantly reduces the range of innovative educational technologies, which would enhance the cognitive activity of students. The main purpose of learning the discipline «The Latin language» in a medical university is to master basic theoretical knowledge and practical skills to use medical terminology of Greek-Latin origin in studying theoretical and clinical subjects, as well as in further practical activities. Thus, learning the basics of grammar (the level of phrases) and memorising the basic set of vocabulary (the level of morphemes, words and phrases) comes to the fore. To study grammatical rules and to fix a large corpus of terms in mind is not of great interest for students, which leads to the motivation decrease in mastering the material of the discipline after a quite short period of time. We believe that the described problems can be leveled by introducing digital technologies into educational process.

The relevance of this research is due to the need to expand the practice of digital technologies usage in educational process organisation for mastering the discipline «The Latin language» at a medical university. The development and integration of the electronic course in LMS Moodle platform into the university educational process will significantly increase students' interest to learn the dead language.

The subject of the work is organising the educational process in the discipline «The Latin language» through the electronic educational environment at Kemerovo State Medical University. The object is developing and integrating an authors' electronic course in LMS Moodle platform into the educational process.

The scientific novelty of the study is determined by the expediency of introducing digital technologies into the process of organising the students' educational activities in connection with the introduction of federal state standards of a new generation, which reduce the classroom load and increase the independent student's work, in most cases, being carried out in an electronic environment.

The purpose of the article is to describe the framing of the educational process in the discipline «The Latin language» at Kemerovo State Medical University using the authors' electronic course developed in LMS Moodle platform.

The purpose mentioned can be achieved through:

Describing the structure of the electronic educational course «Latin for dentists», developed in LMS Moodle platform, in order to organise educational process in the discipline «The Latin language» at Kemerovo State Medical University;

Outlining the system of working with students of Kemerovo State Medical University within the framework of mastering the discipline «The Latin language» using the authors' electronic course developed in LMS Moodle.

The method of theoretical analysis aimed at researching and summarising the work of Russian researchers about education digital transformation, the teachers' digital competence and the usage of LMS in educational activities; the method of observation are used in the study.

The practical significance of the study is in the fact that the structure and the principles of working with the authors' electronic course «Latin for dentists», developed in LMS Moodle platform, can be used to create and integrate electronic courses for students of other medical specialties. The active use of such courses in the discipline «The Latin language» learning will make it possible to prepare students better for professional communication in the framework of the study of theoretical and clinical disciplines, as well as in further practical activities.

Results and Discussion

Teaching Latin is often associated with a number of difficulties due to its specifics: the language is not spoken (a dead language) and it is used in a narrow professional sphere. The need to memorise a large corpus of professional terms, which are not supported by professional background yet, quickly reduces students' motivation. The teacher is faced with an additional task to increase students' interest in the material being studied. One of the most successful solutions, in our opinion, is the use of modern digital technologies. «The main task of organising training with the use of digital technologies is in intelligently, technically and methodically competent, effective management of the learn-

ing process, in the competent activity of the teacher ensuring an effective educational process» [16, p. 280].

The authors of this work have developed an electronic course «Latin for dentists» on LMS Moodle platform. The course is intended for the students of the Faculty of Dentistry of Kemerovo State Medical University studying the discipline «The Latin language» in the 1st academic semester. The course was made in accordance with the requirements of the Programme of the discipline «The Latin language» and the Order for developing online courses in the LMS Moodle, used in Kemerovo State Medical University. It regulates the processes and standards for developing of electronic educational resources (remote online courses).

The choice of the platform is explained by the wide range of digital tools offered for use. The Moodle system includes many methods and means, necessary for distance learning organisation. It has a great set of course elements, among which the following ones may be separated: questionnaire; database; external tool; glossary; task; lecture; feedback; survey; SCORM package; seminar; test; forum; chat, etc.

The course structure is presented in 9 modules: 3 informational modules, 4 educational modules, 2 knowledge control modules. Let's look at each module in more detail.

The **informational and organizational module** is an introductory one. It contains the following blocks: the course information card, teacher announcements, the Question-Answer forum, information about the authors and teachers of the course, instructions for working and downloading assignments to the course, the programme of the discipline. The main objectives of the module are to get acquainted students with the structure and rules of working in the electronic course, as well as with the mechanism of interaction with the teacher.

The module «**Course learning outcomes**» introduces students to the acquired competencies and their indicators, which, for the convenience of students, are also described through a set of knowledge, skills and abilities (*You will know how to ... , You will get skills of ... , You will be able to ...*).

The module «**Reference resources and additional tools**» includes a list of basic and additional literature on the course, as well as of useful Internet resources; a link to an electronic dictionary and a mobile application «Latin-Russian Dictionary»; methodological guidelines for section tests; samples of assignments; criteria for evaluating completed assignments; aphorisms. The main objective of the module is to provide students with the opportunity to choose between various educational resources that can be used in the process of learning the Latin language.

This is followed by 4 training modules developed in accordance with the sections of the discipline programme: **Section 1 «Introduction»** (3 topics), **Section 2 «Anatomical terminology»** (9 topics), **Section 3 «Clinical terminology»** (7 topics), **Section 4 «Pharmaceutical terminology»** (7 topics). Each topic of any of the above sections includes a set of tasks for theoretical material mastering and practical skills training. Let's consider the types of the course tasks.

The theoretical material of each section is presented through the resource «Book» and the module «Lecture». The **resource «Book»** allows a teacher to create a multipage resource, similar to a book, with chapters. In the course described, Books contain media-files, presentations and also long text information, divided in sections. It is used as a reference book and as a book with practical skills training tasks.

Using the **module «Lecture»**, the teacher develops interactive lectures characterised by high adaptability to the needs of each student. The lectures in the course presented consist of two types of pages: content pages (lecture text) and task pages (tasks to control the understanding of the lecture material, checked automatically). Hyperlinks to content with video lectures and/or presentations are integrated in the text of the lecture.

Extensive educational opportunities are provided by the **module «Scorm package»**, the **resource «Hyperlink»**, and the **module «Page»**. They allow creating gamified tasks using external online applications and introducing them into the course in order to train and adjust the skills acquired in the classroom. The Scorm package has an additional advantage – it reduces the list of tasks in the course interface by combining several tasks in one package, which greatly facilitates working with the course, especially on mobile devices. «Page» and «Hyperlink» also provide extra opportunities for audio visualisation of the material: view educational videos, do training lexico-grammatical exercises and online tests, etc.

To maintain the interactivity of the exercises, 2 resources are provided in LMS Moodle: the **module «Seminar»** and the **module «Task»**. These resources let you accumulate, view, review and evaluate student papers, including the possibility of peer review. Students may send any digital content (file), such as Word-document, tables, images, audio or video files. This is how, albeit indirect and time-dependent, but «live» communication with the teacher is built, which is often not enough for students in the case of fully automated assessing of submitted works.

An obligatory element of each training section is the **module «Test»**, which can be used in two formats: practical skills training or skills development control on the topic being studied. The teacher chooses the format of the test depending on the purpose of the practical lesson in each specific group. He can develop tests of any complexity, set the time of test execution, the number of attempts available, the period of access to the test, etc. The main advantage of this element is that the assessment takes place automatically, a subjective approach to the student is completely excluded. Tests made up of random questions reduce the risk of cheating.

The module «Test» is used as a control measure based on the results of studying each educational section: «Anatomical terminology», «Clinical terminology», «Pharmaceutical terminology». The final tests in the three main sections of the discipline under study are combined into the **module «Mid-point assessment»**.

The **module «Final control: pass»** describes the procedure for conducting a pass event in the discipline, contains a list of questions for preparing for the pass and an example of a pass ticket. The pass takes place in full-time format outside of the electronic course. If a student gains a course pass mark, he gets «passed» in advance.

The current academic performance is assessed using the **scale «Progress of course elements accomplishment»**. The progress scale performs two functions. Firstly, it allows students to see their results of completing tasks, which, of course, is a motivating factor for further work on mastering their skills. Secondly, due to this scale the teacher can adjust the individual educational trajectory of each student and control the process of mastering the discipline material.

Thus, using the wide set of Moodle resources and elements, teachers get the possibility to fill the course with interesting, cognitive modern materials, presenting them in a proper form. Students, in their turn, get free access to new interactive methods of learning foreign languages. Due to the easiness of course redaction, a teacher may add and diversify it with different elements, complicate or facilitate if necessary. The easiness of course administration allows a teacher simply to register new users and also to publish information and news about the course.

The integration of the course into the educational process became the next stage of the course development. The electronic course «Latin for dentists» was tested in two focus groups of students, with a total of 15 people. For three months, students were doing course assignments, including the study of theoretical material. According to the results of the approbation, technical changes and additions were made. There were no suggestions/comments from students on the content of the course. The students highly appreciated the format of the theoretical material presentation (interactive lectures, video lectures, and multimedia presentations) and the widespread use of gamified practical tasks.

Results

The authors of the article developed an electronic course «Latin for dentists». LMS Moodle was chosen as an electronic educational platform. The course is used to realise Latin learning process for the 1st-year students of the Faculty of Dentistry of Kemerovo State Medical University.

- The course was integrated into the educational process for a focus group of the 1st year students. The practice resulted in the following conclusions:
- The electronic course encourages students' independent work, as each student can study at a comfortable pace and at a convenient time;
- The use of different types of resources and modules greatly facilitates the process of memorising a large corpus of medical terms;
- Gamification of tasks increases interest in learning the Latin language.

- From a teacher's position, the following advantages of using an electronic course in a classroom and for independent work can be noted:
 - Students demonstrate a great interest in the educational process;
 - The course can be used both in the classroom and as a resource for performing tasks in an independent extracurricular mode;
 - Most of the assignments are checked automatically, which significantly reduces the teacher's working time;
 - Integration of the electronic course into the educational process provides ample opportunities for improving the digital competence and professional creativity of teachers.
- The prospect of further work is the full-scale integration of the authors' electronic course «Latin for dentists» into the educational process in the discipline «The Latin language», implemented for 1st year students of the Faculty of Dentistry of Kemerovo State Medical University. After the course being studied, it is planned to conduct an online survey aimed at identifying possible areas for improvement.

Источники и литература / Sources and references

1. Levano-Francia L., Sanchez S., Guillén-Aparicio P., Tello-Cabello S., Herrera-Paico N., Collantes-Inga Z. Digital Competences and Education // *Propósitos y Representaciones*. 2019. № 7(2). P. 569-588.
2. Zhao Yu, Pinto Llorente A. M., Sánchez Gómez M. C. Digital Competence in higher education: A systematic literature review // *Computers & Education*. 2021. Vol. 168. 104212.
3. Алькова Л. А. Критерии сформированности ИКТ-компетенций личности посредством Т-технологии // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 1 (62). С. 105-106.
4. Ачкасова О. Г. Формирование и развитие цифровых компетенций специалистов в рамках президентской программы подготовки управленческих кадров Кузбасса // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 2 (38). С. 99-106.
5. Бутрова О. В. К вопросу определения понятия «Информационная компетентность учителя» // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2018. № 1 (213). С. 6-11.
6. Кондрашева Н. Н. Формирование информационных компетенций преподавателя высшей школы // *Перспективы науки и образования*. 2017. № 6 (30) С. 26-28.
7. Константинова Д. С., Кудяева М. М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // *Экономика труда*. 2020. Т. 7. № 11. С. 1055-1072.
8. Дегиль И. М., Костюкова Т. А. Специфика работы преподавателя вуза в электронной образовательной среде // *Открытое и дистанционное образование*. 2016. № 3 (63). С. 5-10.
9. Хмелидзе И. Н. Роль преподавателя в реализации электронного обучения // *Открытое и дистанционное образование*. 2014. № 4 (56). С. 45-48.
10. Широколова А. Г., Ларионова Ю. С. Проектирование электронного учебного курса по иностранному языку в техническом вузе по модели смешанного обучения // *Открытое и дистанционное образование*. 2016. № 3. С. 20-26.
11. Широколова А. Г., Губанова И. В., Грунина Л. П., Ларионова Ю. С., Долгова Н. И. Проектирование и организация учебного процесса в электронной обучающей среде MOODLE: учебное пособие. Кемерово, 2020. 120 с.
12. Memon A. R., Rathore F. A. MOODLE and Online Learning in Pakistani Medical Universities: An opportunity worth exploring in higher education and research // *J Pak Med Assoc*. 2018. Vol. 68. №. 7. P. 1076-1078.
13. Еремичка И. А., Ахунжанова Н. А. Внедрение онлайн-курсов в образовательный процесс вуза: проблемы и возможности // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. №. 2 (87). С. 198-200.
14. Zabolotniaia M. et al. Use of the LMS MOODLE for an effective implementation of an innovative policy in higher educational institutions // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 2020. Vol. 15. №. 13. P. 172-189.
15. Чистякова Г. В., Бондарева Е. П. Наиболее эффективные методы изучения латинского языка в медицинском вузе // *Современный культурно-социальный контекст и проблемы медицинского образования: материалы Международной научно-практической конференции*. Кемерово, 2022. С. 94-103.
16. Ачкасова О. Г., Широколова А. Г. Использование смешанной модели обучения при реализации программ дополнительного профессионального образования в вузе // *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции*. Нижневартовск, 2021. С. 278-284.

Информация об авторах:

Чистякова Галина Викторовна, к.ф.н., заведующая кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Кемеровского государственного медицинского университета, e-mail: chistyakova.gv@kemsma.ru, ORCID: 0000-0002-2089-692X

Вклад в статью: разработка концепции исследования, интерпретация данных, критический анализ и утверждение окончательной версии статьи

Ларионова Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Кемеровского государственного медицинского университета, e-mail: larionova.us@kemsma.ru, ORCID: 00000-0002-0748-5042

Вклад в статью: получение и интерпретация данных, подбор и изучение литературных данных, написание статьи.

Красилова Татьяна Александровна, к.м.н., заведующая отделением функциональной диагностики Кузбасской областной клинической больницы имени С. В. Беляева, tatjana.crasilova@yandex.ru.

Вклад в статью: получение и интерпретация данных, подбор и изучение литературных данных, написание статьи.

Authors information:

Chistyakova Galina Viktorovna, Ph.D. in Philology, Head of the Department of Latin Language and Medical Terminology of Kemerovo State Medical University, e-mail: chistyakova.gv@kemsma.ru, ORCID: 0000-0002-2089-692X

Contribution to the article: development of the research concept, data interpretation, writing the article, critical analysis and approval of the final version of the article.

Larionova Yulia Sergeevna, Senior Lecturer of the Department of Latin Language and Medical Terminology of Kemerovo State Medical University, e-mail: larionova.us@kemsma.ru, ORCID: 00000-0002-0748-5042

Contribution to the article: obtaining and interpreting data, selecting and studying literature data, writing the article.

Krasilova Tat'jana Alexandrovna, Ph.D. in Medicine, Head of the Department of Functional Diagnostics of the Kuzbass Regional Clinical Hospital named after S. V. Belyaev, e-mail: tatjana.crasilova@yandex.ru

Contribution to the article: obtaining and interpreting data, selecting and studying literature data, writing the article.

УДК: 331.526

Андрющенко О. В., Хечиева А. Ц., Брашева А. А.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ВЫЗОВЫ РЫНКУ ТРУДА

Аннотация

Предметом исследования, отраженным в статье, выступили изменения на современном рынке труда, а именно влияние на ролевые диспозиции основных игроков (сотрудники, работодателя, государство). В качестве методов исследования были использованы вторичные данные (аналитические отчеты ведущих консалтинговых агентств Deloitte и BostonConsultingGroup), а также анкетный опрос студентов одного из вузов филиальной системы РАНХиГС. Результаты исследования зафиксированы в анализе базовых сдвигов в структуре экономики, влекущих за собой трансформацию рынка труда и переписывание социального контракта. На материалах исследований BCG были проиллюстрированы тезисы, касающиеся структуры квалификационного разрыва, характерного для современного российского рынка труда. Обозначена проблематика изменения ролевых позиций (взаимные ожидания и барьеры взаимодействия) участников рынка труда. Основные теоретические тезисы были проиллюстрированы результатами опроса. Анкетирование подтвердило толерантность респондентов к форматам неустойчивой занятости и готовность развивать блок компетенций, относящихся к категории «знание» (по типологии Й. Расмусена). В рамках выводов можно зафиксировать

утверждение, что основной лейтмотив происходящих перемен – предсказуемость уходит в прошлое и более не является ведущей социальной повесткой. Мультивекторные карьерные треки создают необходимость в трансформации традиционных подходов к обучению и управлению карьерой персонала. Проектные формы работы, неустойчивая занятость являются современными реалиями, бросающими вызов профессиональной и организационной идентичности. Социальный контракт переписывается, основные игроки на рынке труда (сотрудники, работодателя, государство) пересматривают прежнюю систему ролей и формируют новую социальную конвенцию.

Ключевые слова: дестабилизация карьерного развития, мобильность капитала, квалификационный разрыв, тенденции непрерывного обучения, глобальные сдвиги в структуре занятости, размывание идентификации себя через профессию, экономика знаний, продукты интеллектуальной деятельности, множественность профессий, трудовые ресурсы, универсальные навыки.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Андрющенко О. В., Хечиева А. Ц., Брашева А. А. Неопределенность: вызову рынку труда // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С.59–64.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022

ECONOMY

Androushenko O. V., Kechieva A. Ts., Brasheva A. A.

UNCERTAINTY: CHALLENGES TO THE LABOR MARKET

Abstract

The subject of the research, reflected in the article, were the changes in the modern labor market, namely the impact on the role dispositions of the main players (employees, employer, state). Secondary data (analytical reports of the leading consulting agencies Deloitte and Boston Consulting Group) and a questionnaire survey of students of one of the universities of the branch system of RANEPa were used as methods of research. The results of the study are recorded in the analysis of the basic shifts in the structure of the economy, entailing the transformation of the labor market and rewriting the social contract. The theses concerning the structure of the qualification gap, which is characteristic of the modern Russian labor market, were il-

lustrated on the basis of BCG research materials. The problems of changing role positions (mutual expectations and interaction barriers) of the labor market participants were outlined. The main theoretical theses were illustrated by the results of the survey. The survey confirmed respondents' tolerance to the formats of precarious employment and readiness to develop the block of competences related to the category of "knowledge" (according to J. Rasmusen typology). As part of the conclusions, we can record the statement that the main leitmotif of the ongoing changes - predictability is a thing of the past and is no longer the leading social agenda. Multivector career tracks create the need to transform traditional approaches to personnel training and career management. Project-based forms of work, precarious em-

For citation: Androushenko O.V., Kechieva A. Ts., Brasheva A. A. Uncertainty: a Challenge to the labor market // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 59–64.

ployment are contemporary realities that challenge professional and organizational identities. The social contract is being rewritten, the main players in the labor market (employees, employers, government) are reconsidering the former system of roles and forming a new social convention.

Keywords: career development destabilization, capital mobility, qualification gap, continuous learning trends, global shifts

in employment structure, blurring of self-identification through profession, knowledge economy, intellectual activity products, multiplicity of professions, labor resources, universal skills.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

Введение

Актуальность. В силу динамичности рынка труда времена простой и стабильной карьеры прошли, а для того, чтобы не отставать от мирового прогресса, необходимо периодически переквалифицироваться, становиться еще более современным и востребованным специалистом, не задерживаясь в одной организации на всю жизнь. Актуальность данного суждения особенно проявляется в настоящее время, так как со скоростью роста влияния технологий в нашей жизни и процесс устаревания професий стремительно растет.

Степень изученности темы: многие работы не только отечественных, но и зарубежных авторов посвящены вопросам, касающимся рынка труда. Огромный вклад в изучение и развитие данного вопроса внес З. Бауман. Изучение рынка труда волнует многие компании, которые проводят целый ряд исследований: BostonConsulting-Group – международная компания, специализирующаяся на управленческом консалтинге; Deloitte – международная сеть компаний, оказывающих услуги в области консалтинга и аудита.

Объектом исследования является современный отечественный рынок труда; *предметом* исследования – влияние его изменений на основные факторы – сотрудников, работодателей и государство.

Целью исследования является изучение экономической ситуации на рынке труда, определение последствий и происходящих изменений, а также предложение возможных путей решений.

В ходе исследования авторами были использованы следующие *методы*:

- анализ вторичных данных (обзоры и статистические исследования, находящиеся в открытом доступе);
- опрос (выборка – 117 студентов 1–4-х курсов).

Результаты исследования

В интервью РИА Новости Исполнительный директор Deloitte СНГ Иан Коулберн высказывает предположение, что низкоквалифицированные задачи исчезнут, а будут появляться «суперпрофессии», в которые входят традиционные роли, где используются новые технологии. «Это профессии, об актуальности которых мы не могли подумать 10 лет назад и которые, вероятно, в ближайшее

время станут для нас самым что ни на есть настоящим» [5]. Таким образом, успех как в личностном продвижении по карьерной лестнице, так и в ведении бизнеса в принципе в большинстве своем зависит именно от умения быстро адаптироваться к новым и постоянно изменяющимся условиям, вектор направления которых предположить невозможно.

Причина данных изменений является объектом исследования у многих как отечественных, так и зарубежных исследователей и нашей современности, и прошлых десятилетий. Как отмечает известный социолог З. Бауман, все вышеперечисленные процессы в большей степени связаны с тем, что капитал перестал неизменно привязываться к «земле» и у него появилась возможность физического передвижения: «Теперь капитал путешествует налегке – с багажом, состоящим из портфеля, сотового телефона и портативного компьютера. Он может остановиться почти в любом месте и нигде не должен оставаться дольше, чем захочет» [1, с. 63]. Можно предположить, что данный процесс обусловлен тем, что в современных условиях рыночной экономики, которые предполагают жесткую конкуренцию, появилась необходимость в экономии на издержках. Единственным выходом из этой ситуации, который даст возможность сократить производственные расходы, сохраняя при этом и производительность труда, и конкурентоспособность является перемещение работы в места с менее высокой оплатой труда. Однако отсутствие мобильности затормаживало этот процесс до того момента, пока благодаря развитию научно-технического прогресса это не стало возможно.

Вместе с тем, стремление к победе в конкурентной борьбе не является единственной причиной мобильности капитала. По мнению Баумана, в настоящее время на рынке преобладают продукты интеллектуальной деятельности, для производства которых не требуются большие машины и многочисленные заводские бригады. «Капитал освободился от зависимости от рабочей силы до степени, никогда не достигаемой в далеком прошлом помещиками, живущими вне своего имения» [1, с. 75]. Главными источниками прибыли – особенно большой прибыли и завтрашнего капитала – все больше становятся идеи, а не материальные объекты. Идеи создаются только один раз и затем продолжают приносить прибыль в зависимости от числа покупателей/клиентов/потребителей, а не от

числа людей, нанятых и занятых в копировании прототипа. Бауман говорит о том, что путешествие налегке, а не привязанность к тому, что считалось показателем надежности и основательности – то есть привязанность к тяжести, солидности, подразумевающим силу, – является теперь ценным качеством власти [1, с. 65].

Таким образом, поднимая вопрос преобладания продуктов интеллектуальной деятельности и возможность физического передвижения за счет этого, у работников также появляется мобильность. Это, в первую очередь, означает, что если раньше они были привязаны к одному месту работы, то сейчас это совершенно не так. В настоящее время именно работодатель борется за квалифицированные кадры, предлагая им наиболее выгодные условия труда. Тем не менее, определенная часть работников в какой-то степени не потеряла своей зависимости от капитала. Так называемые «синие воротнички», которые являются основой рынка рабочей силы, по-прежнему физически привязаны к своему рабочему месту, так как данная категория экономически активного населения является массовым персоналом [4]. Соответственно, у них нет возможности трудиться без физического присутствия на рабочем месте, чего нельзя сказать о «белых воротничках», которые благодаря развитию информационных технологий могут работать, не выходя из дома, из абсолютно любой точки мира.

Таким образом, новые условия предполагают еще большую неопределенность как для работников, так и для работодателей. Но готов ли рынок труда к последствиям, которые можно выделить как самостоятельные, но тесно связанные между собой части: 1) глобальные сдвиги в структуре экономики и рынка труда, формирование квалификационного разрыва; 2) рост и актуализация тенденции непрерывного обучения; 3) изменения в структуре занятости, появление новых видов контрактных отношений; 4) изменения в осознании сотрудниками своей идентичности в пространстве трудовой деятельности. Текущая ситуация отражается на всех игроках на рынке труда – *государственных социально-экономических институтах, организациях, самих работниках*.

Как хорошо известно, вместе с переходом многих стран к инновационной экономике для нормального функционирования предприятия, производства, учреждения при любой форме организации труда должны иметь возможность найти работников для выполнения стоящих перед ними задач. А по мере того, как усложнялись трудовые процессы, одной из главных проблем на рынке труда становится невозможность найти достаточное количество кадров с нужной квалификацией – **квалификационный разрыв** [9, с. 26].

Специалистами Boston Consulting Group для исследования проблемы возникновения квалификационной ямы была использована методология Й. Расмуссена к класси-

фикации задач, все трудовые ресурсы можно разделить на три категории: умение, правило и знание [9, с. 44–45].

Как отмечают исследователи, для успешного функционирования в мировой экономике государствам необходимо способствовать развитию тех сотрудников, которые попадают именно в категорию **«Знание»**: когда более 50% задач подразумевают аналитическую работу, импровизацию, творчество, работу в условиях неопределенности. Имеется высокая автономность при принятии решений. Требуются высокий уровень образования, длительный цикл подготовки, широкий кругозор. Именно подавляющее количество трудоустроенного населения, входящего в категорию «Знание», олицетворяет конкурентоспособность государства на мировом рынке. Те государства, которые уже вступили в экономику знаний, называют страны «верхней» траектории развития, которые характеризуются следующими показателями:

- стареющее, высокообразованное население;
- самый высокий ИЧР;
- самый высокий ВВП на чел. – \$52000;
- развитая цифровая экономика;
- практически полное покрытие интернетом – 85% населения.

Несмотря на то, что в России один из самых низких в мире показателей безработицы – всего 5,5%, а в Москве и Санкт-Петербурге – не более 2%, лишь 2% россиян разделяют «ценности роста», тогда как в странах Западной Европы количество населения составляет 24%. Это свидетельствует о том, что для российского общества наиболее распространенным является вариант стабильной занятости, не требующий высокого уровня квалификационных навыков, развития и профессионального роста, нежели конкурентоспособность на отечественном и мировом рынках труда.

Новые мегатренды в экономике приносят такие изменения, как: изменения в технологиях, изменения в распределении трудовых ресурсов; изменение ценностей и культуры работающего населения [10, с. 31–33].

Под влиянием перечисленных мегатрендов изменяются составные элементы рынка труда. Специалисты ВСГ подчеркивают распространение такой ситуации, в которой человек трудоустроен, но обладает навыками, недостаточными или превышающими необходимые для выполнения его работы. Они определяют эту ситуацию как «квалификационную яму» и называют ее одной из глобальных проблем на рынке труда, так как поднимается вопрос не только формирования кадрового состава организации, но и соответствия квалификационным требованиям занимаемой должности. Тем самым недостаточно квалифицированные кадры не справляются с работой и, соответственно, требуют переобучения, а в некоторых случаях не могут быть переучены никогда. Сотрудники, с высоким уровнем квалификации в некоторых случаях

(безработица) вынуждены устраиваться на менее квалифицированную работу, что влечет за собой снижение эффективности работодателей и увеличение затрат на персонал.

Таким образом, если в Европе переход к экономике знаний идет полным ходом, то в России львиная доля населения не сможет перейти к экономике знаний. Как отмечают специалисты, «неустойчивость экономического роста в России (разброс с 2000 г. от –7,9 до +10% в год) не позволяет нашей стране войти в число стран верхней траектории развития. Другими словами, российский рынок труда не имеет структурных предпосылок ликвидации квалификационной ямы, так как сама структура не побуждает людей к этому. Например, разница в доходах врача и водителя в России – 20%, в развивающееся Бразилии – 174%, что говорит об отсутствии спроса на знания в нашей стране.

Наряду с этим в игру вступает следующий блок последствий – **рост и развитие тенденции непрерывного обучения**, о чем также говорят специалисты BCG в отчете «Россия 2025: от кадров к талантам». Эксперты считают, что большая часть населения прекращает образование к 25 годам, а обучение в процессе трудовой деятельности часто представлено либо формальным повышением квалификации, при котором не происходит реального развития и обновления навыков, либо точечным закрытием пробелов системы образования [10, с. 50–51].

Таким образом, причиной возникновения квалификационной ямы является то, что сегодня мы продолжаем развивать человеческий капитал так же, как это делалось в середине XX века, в условиях совершенно другого экономического и социального контекста. Массовая стандартизация, одно образование и одна профессия на всю жизнь – все эти принципы не могут работать в современном мире, где от человека требуются гибкость мышления, навыки быстрого и постоянного обучения и готовности к мобильности.

Из этого следует, что в условиях высокой неопределенности работники должны не только обладать всеми необходимыми когнитивными и некогнитивными навыками и знаниями, но и осознанно подходить к собственному профессиональному развитию, чтобы пользоваться возможностью выбора разных карьерных путей на протяжении жизни и максимально раскрывать свой профессиональный потенциал. Данное явление, в свою очередь, отражается во множественности карьерных треков, что очень сильно бьет по традиционной системе корпоративного обучения, когда не совсем понятно, каковы реальные потребности в обучении в принципе.

На фоне разрыва между предложением на рынке труда и его реальными потребностями заметны рост и развитие тенденции непрерывного и постоянного обучения. По данным ВЦИОМ за 2021 год, 34% респонден-

тов убеждены, что необходимо ежегодно проходить обучение, осваивать новые навыки, чтобы не отставать от жизни, а по мнению 38% опрошенных, необходимо раз в несколько лет проходить обучение, курсы повышения квалификации [4]. Таким образом, статистические данные подтверждают, что в настоящее время наиболее актуальна та стратегия развития и обучения, которая даст возможность не только адаптироваться к быстрой динамике рынка труда, но и быть и оставаться востребованным специалистом, осваивая новые навыки и умения, инструменты и системы.

Согласно исследованию BCG «Массовая уникальность – глобальный вызов в борьбе за таланты», сдвиг в сторону экономики знаний требует от работников наличие многофункциональных навыков. Однако система формирования человеческого капитала до сих пор во многом сохраняет подход к обучению, который получил распространение в XX веке, – это стандартизация обучения и централизованное управление образованием и рынком труда. Как следствие, продолжается массовая подготовка кадров со стандартизированными знаниями и навыками, которые выходят на рынок труда, не обладая востребованными компетенциями, а значит, попадают в квалификационную яму.

Перспективные организации меняют свой подход, чтобы лучше понимать мотиваторы и ценности рабочей силы. Наряду с этим происходит изменение требований к работникам: классический подход к образованию и развитию специальности, когда человек хорошо умеет делать то, что умеет, больше не так востребован, а современным организациям необходимы сотрудники с мультифункциональными возможностями, которых также называют t-shaped специалисты [3]. Такой подход к развитию профессиональных навыков и умений стал альтернативой I-shaped: одна специальность = одна вертикаль развития. И несмотря на то, что классическая модель развития создает квалифицированных специалистов в одной дисциплине, из-за их узкой направленности из них тяжело собрать слаженную команду. Также невозможно не учесть, что все большее количество квалифицированных специалистов не планируют задерживаться в одной организации на всю жизнь, периодически меняя или работодателя или род деятельности. Разумеется, для специалистов узкой направленности сделать это будет практически невозможно, ведь, приходя на новое место работы, необходимо уметь быстро перестраиваться и подстраиваться под условия уже новой организации. А учитывая, что в настоящее время работники все чаще оказываются в условиях неопределенности, быстро меняющегося и устаревающего контекста, создается новая реальность для рынка труда.

По мнению специалистов ВШЭ, именно целевая модель компетенций, необходимых для функционирова-

ния, является залогом успеха в новом контексте: нацеленность на саморазвитие, организованность, навыки принятия решений и достижения результатов, решение нестандартных задач, предпринимательские навыки, адаптивность, навыки коммуникации, межличностные и межкультурные компетенции, эмоциональный интеллект, цифровые навыки и другие [10, с. 64]. Именно поэтому подход t-shaped, о котором мы упоминали ранее, в большей степени распространяется на сотрудников, занимающихся интеллектуальным трудом. Постоянное развитие и непрерывное обучение открывает для «белых воротничков» широкий горизонт возможностей для профессионального роста, который далеко не всегда ограничивается одной сферой деятельности, а научно-технический прогресс ускоряет и актуализирует данную тенденцию. Таким образом, сдвиг в сторону экономики знаний требует от работников максимальной многофункциональности в неопределенных условиях, так как современный мир шагнул в совершенно новую эпоху, которая в корне отличается от привычного и стабильного ведения бизнеса.

Эта тенденция в большей степени проявилась в период пандемии COVID – 19, когда не только рынок труда, но и весь экономический сектор находились в крайне нестабильном положении. Именно поэтому стабильная занятость в определенной степени снова стала актуальна, ведь сохранять хотя бы подобие нормальной деятельности удалось лишь благодаря использованию цифровых технологий. Тем не менее утверждать, что без пандемии или какого-либо другого всемирного кризиса цифровые технологии не достигли бы сегодняшнего уровня, невозможно. Научно-технологический прогресс запустился задолго до пандемии, а использование цифровых технологий так или иначе вошло бы в обиход. Пандемия в этом случае носит роль мощного катализатора, который лишь ускорил процесс их развития из-за вынужденных условий изоляции [6].

Помимо этого, текущая нестабильная ситуация на рынке труда предполагает еще большую востребованность гибких бизнес-моделей, способных перестраиваться в связи с возникновением новых задач и создавать новые товары и услуги. Это также находит отражение в следующем блоке последствий – **глобальных сдвигах в структуре занятости**. В соответствии с этим появлялись новые типы работников, с которыми организация строит совершенно другую сеть агентских отношений, а удаленная занятость и фриланс стали нормой для многих профессий. Другими словами, именно рост новых моделей занятости (контрактники, фрилансеры, гиг-работники, клауд-работники) вызвал переопределение традиционных отношений между работником и работодателем, где данные взаимоотношения заменяются целой экосистемой трудовых ресурсов – разнообразным набором сотрудников, сетей талантов, гиг-работников и поставщи-

ков услуг, который предлагает работодателям гибкость, возможности и потенциал для изучения различных экономических моделей в поиске талантов.

Сам персонал на сегодняшний день становится динамичной экосистемой, где преобладают наемные работники, а альтернативные механизмы находят все большее распространение в глобальной экономике.

Еще больше усугубляет ситуацию то, что для HR исторически не существовало много инструментов, которые помогают работодателям управлять нетрадиционными работниками. А помимо каких-либо возможных издержек, связанных с неудачным использованием альтернативных механизмов работы, новые модели занятости могут создавать юридические риски, проблемы, связанные с безопасностью, конфиденциальностью и другие. Разумеется, данное явление влечет за собой множество рисков, когда определенная часть сотрудников не попадают в ядро организации. Для некоторых работников это явление не влечет за собой отрицательных последствий, для некоторых – наоборот. Однако, несмотря на всевозможные риски и негативные последствия, явление «фантомных видов занятости» остается неизбежным фактом.

В ходе всего вышеперечисленного рынок труда сталкивается еще с одним типом последствий – радикальным образом меняется **понимание сотрудников себя в пространстве их трудовой деятельности**, когда разная степень профессиональной идентичности и разные типы деятельности вынуждают организацию выстраивать множественную и разветвленную экосистему, в процессе чего определенная часть персонала попадает во внешние слои организации. Это совершенно не значит, что у сотрудников есть только один вариант: либо попасть в ядро организации, либо оставаться за его пределами. Наоборот, современная множественность профессий предполагает возможность выбора своего профессионального пути, когда размывается ощущение и идентификация себя через профессию. В обществах со сложившейся трудовой культурой и ценностями профессионального мастерства, с устойчивой статусной конфигурацией профессиональных групп профессиональная идентичность выступает приоритетным фактором социального благополучия. Размывание критериев профессиональной стратификации, нестабильность трудовых отношений, теневизация профессиональной деятельности и другие проявления кризисности социально-экономического развития деформируют профессиональную идентичность и ослабляют ее интеграционный потенциал.

Обозначенные основные тенденции были проиллюстрированы результатами опроса студентов 1–4-х курсов Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС. Выборка составила 117 чел. Опрос показал лояльное отношение к альтернативным формам

занятости (42% хотели бы опробовать такой формат в качестве подработки, 49% – на постоянной основе). При этом 39% готовы менять организацию каждые 5–7 лет, но, тем не менее, предпочитают сохранять профессию. Среди наиболее востребованных навыков респонденты выбрали блок, относящийся к категории «знание» – умение работать в условиях неопределенности (55%), импровизация (40%), сложная аналитическая работа (32%).

Выводы

Таким образом, обобщая все вышесказанное, нам хотелось бы сказать, что эпоха неопределенности, в которую сейчас шагнула не только отечественная, но и экономика на мировой арене, заставляет каждого задуматься над целым рядом вопросов, связанных с расплывчатым будущим на рынке труда, когда невозможно дать точный ответ о востребованности определенных навыков или профессии в ближайшие 5–10 лет. Данный феномен особенно актуален, так как является объектом интереса не толь-

ко самих ключевых участников рынка труда (работников и работодателей), но и государства. Подводя итоги исследуемого материала, мы пришли к выводу: экономика является динамичной и меняющейся системой, где происходит множество различных процессов, вызванных такими условиями, предугадать которые трудно, а в каких-то случаях вовсе нельзя. То, что происходит сейчас, и то, что случится в будущем, может иметь множество изменений, и какими именно они будут, эпоха неопределенности точных ответов не дает. Также невозможно не отметить, что все вышеописанное было актуально до недавнего времени. Другими словами, если раньше переход к экономике знаний происходил в замедленном темпе, то сейчас предположить дальнейшее его развитие практически невозможно, а обстановка, в которой находится экономический сектор, стала еще более неопределенной. Мы не исключаем, что из-за сложившейся ситуации как отечественная, так и мировая экономика могут не только приостановить движение вперед, но и регрессировать стремительным образом.

Источники и литература / Sources and references:

1. Бауман З. Текучая современность/ Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Джеймс Брайан Куинн (James Brian Quinn) Психологический контракт [Электронный ресурс]. 20 декабря 2007. Доступно по: https://www.elitarium.ru/psikhologicheskij_kontrakt/ Ссылка активна на 22.03.2022.
3. Камилло Тимо Как объединить работу и интересы. Доступно по: <https://tilda.education/articles-how-to-be-t-shaped-person>. Ссылка активна на 20.03.2022.
4. Непрерывное обучение - для всех! Доступно по: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nepreryvnoe-obuchenie-dlja-vsekh>. Ссылка активна на 21.03.2022.
5. Никитина Ирина Чего хотят от нанимателей синие воротнички. Доступно по: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e1f1c389a7947d917643e34>. Ссылка активна на 19.03.2022.
6. Шумальн Е. Большая агентская конференция Яндекс: как меняются ценности труда и потребления. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=rGcvGDQfU28>. Ссылка активна на 19.03.2022.
7. Global Human Capital Trends 2018. Доступно по: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/human-capital-trends/2018/introduction.html>. Ссылка активна на 20.03.2022.
8. S&PDowJonesIndices. Доступно по: <https://www.spglobal.com/spdji/en/indices/equity/sp-500/#overview>. Ссылка активна на 20.03.2022.
9. The Boston Consulting Group (BCG) Массовая уникальность – глобальный вызов в борьбе за таланты. Москва. 2019. 72 с.
10. The Boston Consulting Group (BCG) Россия 2025: от кадров к талантам. Москва. 2017. 72 с.

Информация об авторах:

Андрющенко Оксана Владимировна, доцент кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П. А. Столыпина - филиала РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: deskew@yandex.ru.

Вклад в статью: концептуальная структура рукописи, подбор материалов для изучения, корректура и вычитка текста.

Хечиева Александра Цереновна. E-mail: atckhechieva@mail.ru.

Вклад в статью: идея статьи, черновик рукописи.

Брашева Альбина Александровна. E-mail: brasheva_a@mail.ru.

Вклад в статью: черновик рукописи, корректура текста на английском языке.

Authors information:

Andryushchenko Oksana Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Personnel Management, Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin - branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation. E-mail: deskew@yandex.ru.

Contribution to the article: conceptual structure of the manuscript, selection of materials for study, proofreading and proofreading of the text.

Khechieva Alexandra Tserenovna. E-mail: atckhechieva@mail.ru.

Contribution to the article: idea of the article, draft manuscript.

Brasheva Albina Aleksandrovna. E-mail: brasheva_a@mail.ru.

Contribution to the article: draft of the manuscript, proofreading of the text in English.

УДК 339.564

Батиевская В. Б., Соколовский М. В.

ПЕРЕСМОТР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ НА ПРИМЕРЕ ТРАНСПОРТА УГЛЯ КУЗБАССА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ КОРИДОРАМ

Аннотация

Продолжающаяся глобализация мировой экономики, наращивание санкционного давления со стороны стран Западной Европы и США, необходимость увеличения доходов от транзитных перевозок, специфическое географическое положение России, огромная протяженность ее территории – факторы, которые обусловили актуальность данного исследования. Решению этих проблем будет способствовать наращивание объемов грузоперевозок и грузопереработки, развитие логистического сервиса и создание стройной системы минимизации времени доставки людей и грузов. Актуальность для угледобывающих регионов усугубляется в связи с принятием пятого пакета санкций против России, включающего эмбарго на импорт угля и невозможность его импорта в Европу через третьи страны. Цель исследования – доказать возможность и необходимость переориентации транспортных коридоров по поставке энергоресурсов на восточное направление. Рассмотрены актуальные пробле-

мы переориентации грузопотоков из стран Европы в Азию. Подчеркнуто, что международные транспортные коридоры формируются для интенсификации внешнеторговых связей, развития транспортных коммуникаций, привлечения инвестиций в сопредельные регионы. Выявлено, что комплексное развитие Кузбасса базируется на топливно-энергетической, горно-металлургической и туристско-рекреационной отраслях. Целевым ориентиром развития энергетической политики России должны стать долгосрочные контракты с Китаем и Индией.

Ключевые слова: международный транспортный коридор, угледобывающий регион, Кемеровская область, энергетическая политика, транспорт угля, экономические санкции, переориентация грузопотоков.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Батиевская В. Б., Соколовский М. В. Пересмотр энергетической и транспортной политики России в современных геополитических условиях // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 65–71.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022 г.

ECONOMY

Batievskaya V. B., Sokolovsky M. V.

REVISION OF THE ENERGY AND TRANSPORT POLICY OF RUSSIA UNDER THE MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS ON THE EXAMPLE OF THE TRANSPORT OF KUZBASS COAL IN THE INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS

Abstract

The ongoing globalization of the world economy, increasing sanctions pressure from the countries of Western Europe and the United States, the need to increase income from transit traffic, the specific geographical position of Russia, the vast extent of its territory are the factors that determined the

relevance of this study. The solution of these problems will be facilitated by increasing the volume of cargo transportation and cargo processing, the development of logistics services and the creation of a coherent system for minimizing the time of delivery of people and goods. The relevance for coal-producing regions is aggravated in connection with the

For citation: Batievskaya V. B., Sokolovsky M. V. Revision of the energy and transport policy of Russia in modern geopolitical conditions // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 65–71.

adoption of the fifth package of sanctions against Russia, which includes an embargo on coal imports and the impossibility of its import to Europe through third countries. The purpose of the study is to prove the possibility and necessity of reorienting transport corridors for the supply of energy resources to the east. The actual problems of reorientation of cargo flows from Europe to Asia are considered. It was emphasized that international transport corridors are being formed to intensify foreign trade relations, develop transport communications, and attract investment to neighboring regions. It was revealed that the integrated development of

Kuzbass is based on the fuel and energy, mining and metallurgical and tourist and recreational industries. The target for the development of Russia's energy policy should be long-term contracts with China and India.

Keywords: international transport corridor, coal-mining region, Kemerovo region, energy policy, coal transport, economic sanctions, reorientation of cargo flows.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена специфическим экономическим положением Российской Федерации, высокой зависимостью ее бюджета от экспорта энергоресурсов. Этим обусловлена направленность вводимых против нашего государства санкций. Целью вводимых против России санкций во все времена являлось сочетание снижения бюджетных доходов от внешнеторговой деятельности с параллельным ростом расходов на военные нужды; организация экономических, политических, дипломатических, идеологических и производственно-технологических проблем. Актуальность для угледобывающих регионов усугубляется в связи с принятием 8 апреля 2022 года пятого пакета санкций против Российской Федерации, включающего эмбарго на импорт угля и невозможность его импорта в Европу через третьи страны. Это вызвало необходимость перенаправления грузопотоков из Европейского союза на Восток. В качестве потенциальных потребителей рассматриваются страны Азии (направление Восток–Юг) [2].

Относительно **степени изученности проблемы** можно отметить, что антироссийские ограничительные меры против нашего государства активно начали применяться еще при президенте Рейгане. Меры по ослаблению советской экономики были направлены на снижение мировых цен на нефть, ограничение поставки газа в европейские страны (1982 год). В марте 2014 года, в связи с обострением ситуации на Украине, Соединенные Штаты и Европейский Союз, а позже и другие страны НАТО объявили о начале введения экономических и политических санкций в отношении Российской Федерации. Далее последовало снижение объема валютных займов нашей стране и кредитования наших предприятий; резкий обвал цен на нефть в результате деструктивной политики стран ОПЕК-плюс (2020 год).

Цель исследования – доказать возможность и необходимость переориентации транспортных коридоров по поставке энергоресурсов на восточное направление.

Методы и материалы

В работе применялись следующие методологические подходы: логический, статистическая обработка официальных данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу, а также данных Федеральной таможенной службы России.

Результаты исследования

Международные транспортные коридоры (МТК) – это воздушные, водные и наземные транспортные пути и сопутствующая инфраструктура, обеспечивающие грузовые и пассажирские перевозки между отдельными странами и континентами. Они формируются для интенсификации внешнеторговых связей; развития транспортных коммуникаций за счет транзитных грузопотоков (транспортных услуг); привлечения инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры и регионов в зоне МТК; обеспечения интеграции России в мировую транспортную систему [7].

Определение «международные транспортные коридоры» сформулировано при создании проектов панъевропейских транспортных коридоров – Вторая Панъевропейская Конференция 1994 года и Третья Панъевропейская Конференция 1997 года. Столетиями ранее существовало устойчивое понятие «торговый путь», как оптимально сформировавшийся при заданных политических, экономических, географических условиях маршрут, являющийся способом торгово-экономических взаимодействий между разными странами. Приведем несколько исторических примеров подобных путей: «Янтарный путь», «Волжский торговый путь», «Торговый путь через Сахару», «Путь из Варяг в Греки», «Путь из Немец в Хазары», «Великий шелковый путь» и другие.

По данным отдельных авторов, в настоящее время по территории Российской Федерации проходят семь международных транспортных коридоров:

Евразийские:

Транссибирская магистраль (ТС), железнодорожная, протяженностью 9 298,2 километра.

Мультимодальный коридор «Север–Юг» (NS) железнодорожный и водный, протяженностью 7 200 километров.

Коридоры «Приморье» автомобильный, железнодорожный и водный путь перемещения грузов:

Приморье-1 (PR1) – 500 километров.

Приморье-2 (PR2) – 360 километров.

3. Трансевропейские коридоры:

3.1 PE1 – железнодорожный, автомобильный, протяженность 1630 километров.

3.2. PE2 – железнодорожный, автомобильный, авиационный, водный протяженность 2200 (автомобильный) и 2313 (железнодорожный) километров.

3.3. PE9 – железнодорожный, автомобильный, авиационный, водный, протяженность 6500 километров [1].

Также нельзя забывать про Северный морской путь, имеющий повышенное значение для России, так как он является важнейшим транспортным маршрутом, обеспечивающим освоение ресурсов Арктического региона и открывающим для России новые окна возможностей [8]. В свете сложившейся неблагоприятной геополитической обстановки актуализируется задача ускорения строительства в Ямало-Ненецком автономном округе Северного широтного хода проектная протяженность которого составит 707 километров. Учитывая важность переориентации российского экспорта на Восток, этот коридор

рассматривается как важный инфраструктурный проект.

Импульсу к дальнейшему развитию МТК способны дать особые экономические зоны, которые развиваются вокруг крупных транспортных узлов и на наиболее активных участках транспортных маршрутов [13].

Несмотря на необходимость развития МТК, их функционирование должно находиться под жестким контролем со стороны государства, особенно в современных тревожных условиях, связанных с локальными боевыми действиями. В Российской Федерации контрольно-надзорная деятельность при перевозках по международным транспортным коридорам осуществляется в следующих направлениях: пограничный, миграционный, санитарно-карантинный, транспортный, таможенный, фитосанитарный и ветеринарный контроль и надзор.

Перейдем к описанию проблематики развития МТК в угледобывающих регионах на примере Кемеровской области – Кузбасса.

Кемеровская область – Кузбасс расположена на юге Западной Сибири, административно отнесена к Сибирскому федеральному округу (СФО). Площадь территории составляет 95 725 км² (34-е место в российском рейтинге), население 2 633,4 тысячи человек (16-е место) и плотность 36,35 чел./км². Основные показатели ВРП отражает таблица 1 [12].

Таблица 1. Производство валового регионального продукта по Кемеровской области - Кузбассу с 2016 по 2020 годы.

Показатель	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Валовой региональный продукт (в текущих основных ценах), млн. руб.	903 348,9	1097861,0	1266424,5	1 110 194,8	1038086,7
Индекс физического объема валового регионального продукта (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)	97,0	102,1	101,9	100,1	96,2
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	332 941,6	406 335,3	471 742,7	416 418,6	392 374,9
Доля ВРП Кемеровской области – Кузбасса в ВРП Российской Федерации как суммы ВРП субъектов РФ, %	1,2	1,4	1,4	1,2	1,1

Локомотивом комплексного развития региона многие авторы справедливо считают помимо базовых отраслей Кузбасса (топливно-энергетической и горно-металлургической, относящихся к первичному и вторичному секторам экономики) сферу услуг (третичный сектор), которую так же необходимо развивать. Например, в Кузбассе в течении последних десяти лет реализуется проект «Создание туристско-рекреационного кластера “Шерегеш”», который имеет общероссийское значение [9]. С целью совершенствования туристско-рекреационного кластера Кузбасса утверждена стратегия его развития на период до 2025 года [11]. Авторы считают, что развитие МТК яв-

ляется главным инфраструктурным элементом поддержки как топливно-энергетического и горно-металлургического кластера за счет грузоперевозок, так и туристического кластера за счет пассажирских перевозок (см. рисунок 1).

В Кемеровской агломерации расположены крупнейшие угледобывающие предприятия России. Например, АО «СУЭК-Кузбасс» с ежегодным объемом добычи угля энергетических марок свыше 30 миллионов тонн. Однако уголь добывается закрытым способом, что серьезно повышает его себестоимость. Другой крупный угольный холдинг – АО ХК «СДС-Уголь» имеет на своем ба-

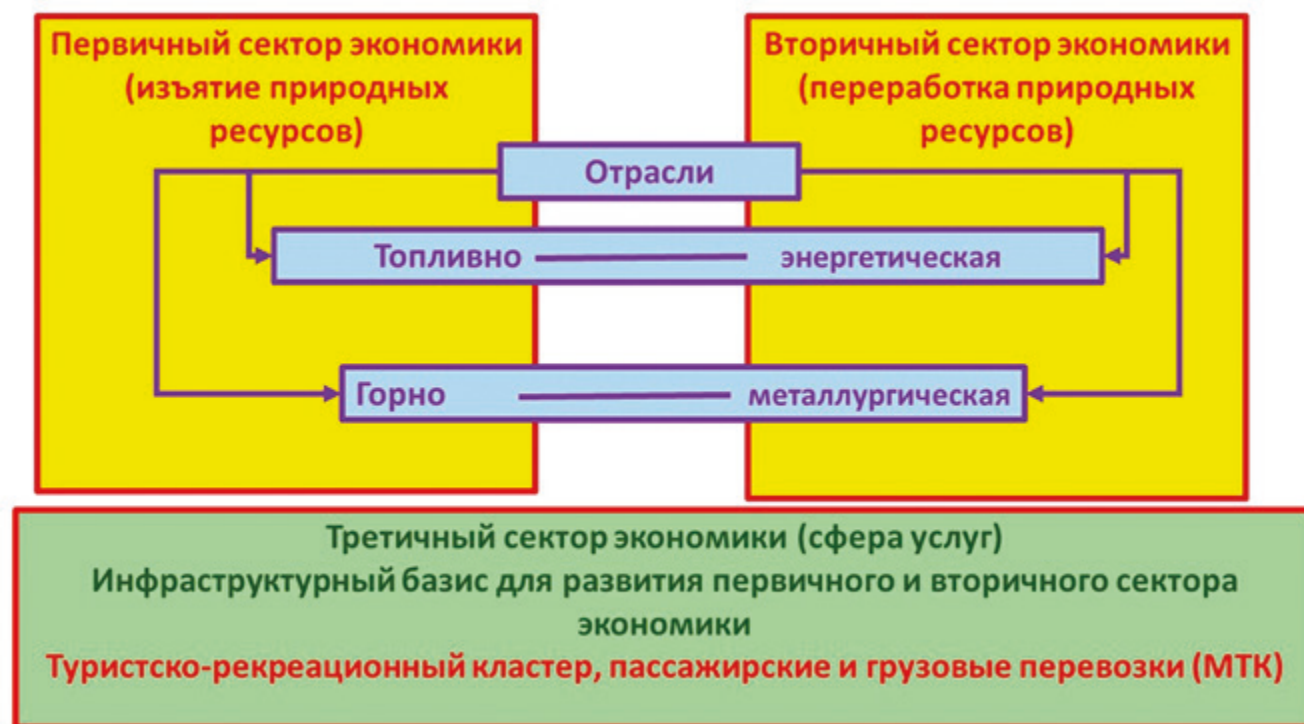

Рисунок 1. Источники развития Кемеровской области – Кузбасса по секторам экономики.

лансе как шахты, так и разрезы. Открытой добычей угля преимущественно на юге Кузбасса занимается АО «УК «Кузбассразрезуголь» – это предприятие, включенное в состав Уральской горно–металлургической компании (УГМК), являющееся поставщиком высококачественного топлива для металлургических предприятий Урала и специализирующееся на добыче каменного угля открытым способом. Предприятия АО «УК «Кузбассразрезуголь» территориально рассредоточены по всему Кузбас-

су. Деятельность – производство и обогащение угля, погрузочно-транспортные работы.

Опираясь на данные таможенной статистики Федеральной таможенной службы, охарактеризуем объемы экспорта Российского угля в страны дальнего зарубежья и в СНГ (таблица 2), долю Кемеровской области в общероссийском экспорте угля (таблица 3), и долю экспорта топливно-энергетических товаров ко всем отраслям в страны дальнего зарубежья и в СНГ (таблица 4) [14].

Таблица 2. Экспорт из России каменного угля в страны дальнего зарубежья и СНГ

Код ТН ВЭД ЕАЭС	Наименование товара	Тысяч тонн	Миллион USD	темп роста январь 2022/январь 2021, %	
				Тысяч тонн	Миллион USD
Экспорт в страны дальнего зарубежья					
2107	Уголь каменный	11 349,0	1 564,2	93,1	214,5
Экспорт в страны СНГ					
2107	Уголь каменный	1 725,9	237,9	101,2	103,0

Таблица 3. Сравнительная характеристика объема экспорта угля по России и Кемеровской области в январе 2022 года, миллион USD

Наименование субъекта	Дальнее зарубежье	Страны СНГ	Всего	% к итогу
Российская Федерация	41 310,9	4 531,8	45 842,7	100,0
Кемеровская область - Кузбасс	112,9	192,8	305,7	2,8

Однако можно выделить и следующие проблемы:

- огромная протяженность маршрутов внешнеторговых перевозок из-за географической удаленности Кемеровской области от международных границ;
- низкая пропускная способность Транссиба и Байкало-Амурской магистрали, требующая их реконструкции;
- высокая себестоимость перевозок из-за климато-географических особенностей региона;
- открытие новых угледобывающих предприятий в других субъектах РФ, вывоз угля из которых пойдет преимущественно к восточным портам, составляя конкуренцию Кузбассу;
- снижение мировых цен на уголь, ужесточение конкуренции на мировых рынках сырья и антироссийские санкции [4].

Рассмотрим, по каким направлениям на Восток возможно расширение экспорта российского и, в частности, кузбасского угля.

По данным информационно-аналитического агентства «Восток России» «East Russia», в 2021 году страны Азиатско-Тихоокеанского региона импортировали из России 129 млн тонн угля, из которых 53 млн тонн (41,1%) импортировал Китай. Япония импортировала 20 млн тонн угля, но весной 2022 года наложила эмбарго на поставку топлива из России, Тайвань (63,2 тыс. тонн) и Южная Корея (15 тыс. тонн) [6]. Таким образом, учитывая торговую позицию Кореи, удельный вес импорта каменного угля в Китай автоматически возрастает. Доля перевозок каменного угля в Китай по железной дороге составляет около 36 % от общего количества экспортируемых грузов в данную страну, и основными регионами-экспортерами являются Кемеровская область и Якутия. По данным ряда авторов, общий объем экспорта каменного угля из России ежегодно снижается [10].

Возможно, стоит провести ревизию интересов стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОЗ), идей создания которой была поставка энергоресурсов из Центральной Азии для быстро развивающейся экономики Китая. Несмотря на то, что Китай является основным

потребителем энергоресурсов в регионе и более 60% его энергобаланса составляет уголь, это единственный ресурс, которым страна обеспечивает себя самостоятельно. Поэтому вокруг Китая складывается противоречивая и неопределенная ситуация. Индия основной акцент в энергоснабжении делает на уголь, однако, в отличие от Китая, у этой страны нет достаточных запасов этого ресурса, что позволяет рассматривать ее как потенциального премиального партнера.

С учетом современного тренда развития транспортной отрасли в условиях сложной геополитической обстановки и санкционного давления со стороны Запада при внешнеторговых перемещениях грузов из Кузбасса должны применяться следующие подходы:

расширение механизмов государственно-частного партнерства с целью привлечения инвестиций и прогрессивных бизнес-технологий в развитие объектов транспортной инфраструктуры;

кластеризация транспортной инфраструктуры с формированием кузбасского транспортного кластера в структуре МТК.

Выводы

Специфическое географическое положение Российской Федерации требует развития логистического сервиса и создания стройной системы оптимизации доставки людей и грузов. Перед угледобывающими регионами, в том числе и перед Кузбассом, возникла необходимость перенаправления грузопотоков на Восток. Составляющими отраслями комплексного развития региона являются топливно-энергетическая, горно-металлургическая, а также сфера услуг. Целевым ориентиром развития энергетической политики России должны стать долгосрочные контракты с надёжными и геополитически близкими импортёрами энергоресурсов, к которым относится Китай и Индия. Таким образом, выстраивается парадигма евразийской модели глобализации вместо традиционной западной, европейской, трансатлантической модели [3].

Источники и литература / Sources and references

1. Александрова М.Е., Кизим О.В. Международные транспортные коридоры как фактор развития международного транзита России // E-Scio. 2021. № 9(60). С. 124-134.
2. Власти Кузбасса готовы переориентировать экспорт угля на Китай и Индию вместо ЕС. Доступно по: <https://www.kommersant.ru/doc/5304095>. Ссылка активна на 12.04.2022.
3. Корнеев К.А. Оценка масштабов и направлений торговли энергоресурсами в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6. С. 35-46. DOI: 10.31857/S013128120017347-2.
4. Месяц М. А., Зайцев А. В. Современная модель развития транспортного сектора при внешнеторговых поставках грузов (на примере Кемеровской области) // Научный журнал «Фундаментальные исследования». 2016. № 6 (часть 2). С. 419-423.
5. Министерство транспорта Кузбасса. Официальный сайт. Доступно по: <https://mtk42.ru/ru/transport/jd/>. Ссылка активна на 22.09.2022.
6. Обугливая Азию. Информационно-аналитическое агентство «Восток России». Доступно по: <https://www.eastrussia.ru/material/obuglevaya-aziyu/>. Ссылка активна на 14.04.2022.
7. Прокофьева Т.А. Развитие логистической инфраструктуры как стратегическое направление интеграции России в си-

- стему международных транспортных коридоров // В центре экономики. 2021. № 1. С. 1-10.
8. Рочева О.А., Зарипова Р.С., Морозова И.Г., Хамидулина Ф.Р. Конкурентоспособность транспортных коридоров России в системе международных транспортных коридоров // International Journal of Advanced Studies. 2021. Т. 11. № 1. С. 7-16. DOI: 10.12731/2227-930X-2021-11-1-7-16.
 9. Салихов В.А. Перспективы решения проблем экономического и социально-экологического развития горнопромышленных регионов // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции 03-04 декабря 2020 г., Новокузнецк: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2020. С. 45-52.
 10. Самуйлов В.М., Неволин Д.Г., Калашников А.Е. Роль транспортного коридора «Россия – Китай» в перевозке экспортных грузов // Инновационный транспорт. 2020. № 4(38). С. 15-20. DOI: 10.20291/2311-164X-2020-4-15-20.
 11. Стратегия развития туристско-рекреационного кластера Кузбасса на период до 2025 года. Утверждена распоряжением коллегии администрации Кемеровской области № 301-р от 03.06.2015 года. Доступно по: <https://docs.cntd.ru/document/428564318>. Ссылка активна на 10.04.2022.
 12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу, Официальный сайт. Доступно по: <https://kemerovostat.gks.ru/>. Ссылка активна на 13.04.2022.
 13. Титова С.С., Макурина В.М., Карпова А.И., Смолянинов А.В. Научные основы создания и функционирования международных транспортных коридоров на территории России // International Journal of Advanced Studies. 2021. Т. 11. № 2. С. 21-35. DOI: 10.12731/2227-930X-2021-11-2-21-35.
 14. Федеральная таможенная служба России. Доступно по: <https://customs.gov.ru/statistic>. Ссылка активна на 14.04.2022.

Информация об авторах:

Батиевская Вероника Богдановна, к.э.н., доцент кафедры общественного здоровья, организации и экономики здравоохранения имени профессора А. Д. Ткачева Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: batvb@kemsma.ru. ORCIDID0000-0003-0295-3780

Соколовский Михаил Владимирович, к.э.н., доцент кафедры общественного здоровья, организации и экономики здравоохранения имени профессора А. Д. Ткачева Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: miklyh@mail.ru. ORCIDID0000-0003-2274-5225

Вклад авторов: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Authors information:

Batievskaya Veronika Bogdanovna, Ph.D. in economic sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Organization and Economics of Healthcare named after Professor A. D. Tkachev, Kemerovo State Medical University. E-mail: batvb@kemsma.ru. ORCIDID0000-0003-0295-3780

Sokolovsky Mikhail Vladimirovich, Ph.D. in economic sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Organization and Economics of Healthcare named after Professor A. D. Tkachev, Kemerovo State Medical University. E-mail: miklyh@mail.ru. ORCIDID0000-0003-2274-5225

Contribution of the authors: The authors equally participated in the preparation and writing of the article.

УДК 81'1
Гукина Л. В.

ЯВЛЕНИЕ СХЕМАТИЗАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Аннотация

В статье на материале художественных текстов изучается языковая реализация схематизации в описании фрагментов реальной действительности и наполняющих ее статичных природных объектов с использованием единиц открытого и закрытого класса (глаголов и предлогов с пространственной семантикой). Система семантической схематизации образов с элементами идеализации сравнивается с процессом отбора и абстракции. Показано, что комплекс единиц закрытого класса выполняет функцию концептуального каркаса. Представлены примеры наложения в языке готовых концептуальных рамок и актуализации схем при комбинаторном наборе семантических компонентов в значениях языковых единиц. Отмечено, что в языке существует проблема потери точности в описании пространства в связи с отсутствием готовых межсхемных форм для промежуточных конфигураций. Предложена сравнительная визуализация языковых схем и фрагментов реальной действительности. Языковой материал получен методом сплошной выборки из английских и русских художественных текстов, использованы приемы компонентного, контекстуального и

сопоставительного анализа. Новизна работы состоит в практическом исследовании теоретических аспектов семантики языка в репрезентации пространственных отношений на материале английских и русских художественных текстов. Результаты исследования могут быть использованы преподавателями вузов и в проектной работе студентов, изучающих русский и английский языки как иностранные. Автором делается вывод, что в языке художественных текстов в локальных ситуациях реализуется наложение готовых концептуальных рамок и актуализируются схемы с элементами идеализации в условиях комбинаторного набора семантических компонентов и признаков в значениях языковых единиц.

Ключевые слова: языковая репрезентация пространства, семантическая схематизация, идеализация, схема, локальная ситуация, единицы открытого класса, единицы закрытого класса, семантический компонент, английский язык, русский язык.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Гукина Л. В. Явление схематизации в языковой репрезентации пространства // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 72–79.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022 г.

PHILOLOGY, LINGUISTICS

Gukina L. V.

THE PHENOMENON OF SCHEMATIZATION IN THE LANGUAGE REPRESENTATION OF SPACE

Abstract

The article studies the implementation of the schematization in the description of fragments of reality and the static natural objects that fill it in the language of fiction, using units of an open and closed class (verbs and prepositions with spatial semantics). The system of semantic schematization of images with elements of idealization is compared with the process of selection and abstraction. It is shown that a complex of closed class units performs the function of a conceptual framework. Examples of the imposition of ready-made conceptual fra-

meworks in the language and the actualization of schemes in the conditions of a combinatorial set of semantic components in the meanings of language units are presented. It is noted that in the language there is a problem of loss of accuracy in the description of space due to the lack of ready-made intercircuit forms for intermediate configurations. A comparative visualization of language schemes and fragments of reality is proposed. The linguistic material was obtained by the method of a continuous sample of examples from fiction in English and Russian, the methods of component, contextual and compara-

For citation: Gukina L. V. The phenomenon of schematization in the language representation of space // Humanities and social sciences bulletin. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 72–79.

tive analysis were used. The novelty of the work lies in an attempt to provide practical implementation for the theoretical section of the semantics of space and spatial relations. The research material can be used by teachers of English and Russian languages of universities and in the project work of students studying Russian and English as foreign languages. The author concludes that in the language of fiction in local situations, the imposition of ready-made conceptual frameworks is realized, and schemes with elements of idealization are updated under

Введение

Явление схематизации в языке рассматривается в рамках изучения семантики локальных ситуаций с участием единиц открытого и закрытого класса (значимых и незначимых частей речи), описывающих фрагменты реальной действительности. Отечественными и зарубежными экспертами обсуждаются средства и схемы, к которым прибегает язык при передаче пространственных отношений [8, с. 59; 17, с. 225; 15, с. 283; 12, с. 57]. Так, американский лингвист Л. Талми исследует систему семантической схематизации образов с элементами идеализации, сравнивая её с процессом отбора и абстракции. Л. Талми предлагает концепцию «референтной сцены», открытой и подвижной для создания вариативных образов и смыслов, которые говорящий создает многократно с разных ракурсов и перспектив геометризованного пространства, реализуя принципы схематизации и идеализации [17, 225–228]. Другой американский лингвист Ч. Филлмор считает, что система языка предлагает пользователю готовые схемы для восприятия мира и находящихся в нем вещей, а комплекс единиц закрытого класса выполняет функцию концептуального каркаса. Он подвергает сомнению схематизацию, которую Л. Талми описывает как процесс отбора или абстракции. Ч. Филлмор предпочитает рассматривать схематизацию в терминах наложения концептуальной рамки на отдельный фрагмент действительности [10, с. 315]. Выясняется, однако, что на уровне языка говорящий испытывает ограничения в средствах выбора схемы или наложения концептуальной рамки, которая бы адекватно передавала пространственные формы, что указывает на проблему потери точности в описании пространства в языке в связи с отсутствием готовых межсхемных форм. Компенсация таких потерь в языке проявляется либо в сверхдетализации (большему фрагментированию пространственной сцены и наполняющих ее объектов), либо в сверхобобщенности. Остается открытым для исследования вопрос, считать ли отсутствие межсхемных форм недостатком языка, и может ли общий объем относительно специфичных морфемных ссылок в языке обеспечивать достаточно распределенное и плотное маркирование семантического «N» – размерного пространства и компенсировать потерю через индивидуальные и общую семантические сферы.

Цель исследования – на материале художественных текстов изучить реализацию в языке схематизации в описа-

the conditions of a combinatorial set of semantic components and features in the meanings of language units.

Keywords: linguistic representation of space, semantic schematization, idealization, scheme, local situation, open class units, closed class units, semantic component, English, Russian.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

нии фрагментов реальной действительности и наполняющих ее статичных природных объектов с использованием языковых единиц открытого и закрытого класса (глаголов и предлогов с пространственной семантикой). Для достижения цели при исследовании семантики предложных и глагольных единиц использован метод сплошной выборки примеров из художественных текстов на английском и русском языках и приемы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа. При сравнительной визуализации языковых образов, реализуемых схем и фрагментов реальной действительности использованы фотографии, полученные из открытых ресурсов Интернета.

Результаты и их обсуждение

Геометрия реального пространства выражается в языке с помощью предлогов, которые дают более детализованную и специфическую информацию о пространственных отношениях объектов, чем просто близость частных пространств этих объектов [1, с. 215–310; 13, с. 341–378]. Элементам закрытого класса (closed-classelements) приписывается роль концептуального каркаса. Так, Л. Талми и В. Клейн считают, что формы закрытого класса могут играть фундаментальную роль, выступая в качестве организующей структуры для последующего концептуального материала (включающего материал, выраженный элементами открытого класса) как рамка, посредством которой придается форма этому материалу [17, с. 255; 15, с. 283]. По мнению Л. Талми, выбор единиц закрытого класса и организация понятий могут быть взаимосвязаны со структурой мысли и концепцией в целом. Для семантики пространства данное замечание является существенным. При этом особую роль в лингвистических описаниях пространства играет схематизация (schematization) – процесс, который включает систематический отбор определенных аспектов референтной сцены (reference scene) для передачи целого, при этом не принимая во внимание остальные аспекты этой сцены. При описании средств пространственного дейксиса используются термины «spatial scene» и «reference scene» («пространственная сцена» и «референтная сцена»). Эти термины выражают идею, что пользователь может повторно (или многократно) и с разных перспектив обращаться к любому референту в рамках референтной сцены [2, с. 88–93; 3, с. 58–65]. В свя-

зи с этим предполагается высокая вариативность схематизации пространственной сцены и ее отдельных фрагментов. Так, Л. Талми описывает типы схематизации, при которых сцена получает свое первичное деление на подчасти, и те, которые придают этим частям структурную сочетаемость. Схематизация включает такие свойства, как идеализация, абстракция, топологический вид гибкости (сочетаемость), которые допускают в языке альтернативные схематизации одной и той же сцены. Л. Талми также обращает внимание на когнитивные процессы, сопровождающие схематизацию при коммуникации, принимая во внимание как процесс выбора говорящим варианта схематизации и степень специфичности, которую он хочет придать сцене, так и процесс структурирования образа у слушателя, поскольку он зависит от этого выбора. Под схемами Л. Талми подразумевает особые схематические абстракции, которые передаются индивидуальными пространственными выражениями, например, английскими предлогами [17, с. 258]. Согласно Л. Талми, свойства схем можно исследовать на трех уровнях. Первый уровень представлен элементарными компонентами построения схем, такими как точки, ограниченные и неограниченные линии, ограниченные и неограниченные плоскости. Все эти элементы управляются свойствами, относящимися к их комбинации, координации, взаимоисключения и так далее. Второй уровень изучает свойства, относящиеся к функционированию индивидуальных схем (локальная ситуация). Третий уровень включает отношения индивидуальных схем друг с другом внутри большей системы пользования схемой (контекст). Термин «идеализация» (*idealization*) обозначает процесс применения абстрактной схемы, при котором пространственная реальность или сущность концептуально идеализируется в терминах применяемой к ней схемы [17, с. 253]. Идеализация включает процесс, при котором известные объекты со всеми своими объемными и физическими качествами дифференциально сокращаются, чтобы соответствовать таким схемам. Процессы лингвистической идеализации имеют место на уровне единиц открытого и закрытого класса. Например, существитель-

ные «река/ *river*», «дорога/ *road*» идеализируются до линии в ситуациях, когда наблюдатель находится на высокой точке в пространстве и дистанцирован от воспринимаемого объекта. Если наблюдатель становится пользователем дороги или реки, то объект идеализируется до поверхности, ограниченной с двух краев (берега, обочины). В ситуации с рекой возможен и третий тип идеализации, когда наблюдатель находится в толще воды, и на первый план выступает СРЕДА, объем (с экспликацией глубины). При этом за рамками лингвистической идеализации остаются остальные характеристики реального объекта. В рисунке 1. представлены примеры фрагментов реального мира, которые подвергаются языковой идеализации – ЛИНИЯ реки (*by / along* – слева); СРЕДА (объем) (*in / through* – справа).

Отметим возможности современной техники визуализировать одновременно несколько параметров природного объекта: объем водной среды, наличие верхней и нижней плоскости водного объекта (поверхность реки, дно) с фиксацией одного из краев объекта (берег), который в языке идеализировался бы как линия, а в данном случае получает нулевую реализацию. Понятно, что такая многомерная картина реального природного объекта требует в языке подбора необходимых и достаточных инструментов – схем с участием единиц открытого и закрытого класса. Предлоги влияют на схематизацию пространственного объекта. Сравним: «*He swam along the river/ He swam across the river* – Он плыл *по* реке/ Он плыл *через* реку», где обнаруживается, что схема «*across*» требует идеализации физического объекта в зависимости от ориентации движения относительно его границ. В первой схеме актуализируется длина, а во второй – ширина природного объекта, причем сохраняется базовая схема идеализации реки как линии, ленты, полосы. Выясняется, что степень, до которой пространственные схемы языка абстрагируются от физических характеристик, более велика, чем предполагается. Схема обращается не только к «геометризованным» очертаниям внутри физического объекта, не только идеализирует физические объемные формы до точек, линий, плоскостей (оставляя вне

Рисунок 1. Картина реального мира: река – линия, река – среда.

Рисунок 2. Картина реального мира: извилистый путь + среда.

внимания другие части этого же объекта), но также абстрагируются от такой специфичности, как форма (кривизна), и, следовательно, величины этих точек, линий и плоскостей, углов или расстояний между ними, как они соотносятся внутри схемы. Допускаются широкие уровни идеализации формы объекта. Рассмотрим следующий пример схематизации: «He swam across the river/ He swam across the pond – Он плыл через реку/ Он плыл через озеро». Как в первом, так и во втором случае имплицитно выражены два предела природных объектов (берега), при этом идет абстрагирование от их формы (ЛИНИЯ, ОВАЛ). Также обе схемы абстрагируются от степени кривизны краев объектов. Свобода формы применяется и к пути референтного объекта, который может принимать любой контур. Например, «I arced/ zigzagged through the woods – Я петлял по лесу». Глагольные единицы в данных локальных ситуациях содержат общий компонент «кривизна» и семантический признак «многократность поворотов». В данной схеме через глаголы актуализуются признаки извилистости пути, а через предлоги – СРЕДА [4, с. 31]. В рисунке 2 дана картина реального мира, реализованная в языке средствами схематизации.

В английском языке схема актуализирует также компонент «плотность СРЕДЫ», на что работает предлог «through». Примером такой среды могут быть объекты ре-

ального мира, которые не только значительно выше роста человека, но и равные или немного ниже его роста, как показано в рисунке 3.

Здесь в языке реализуются следующие схемы: «The road curved through the wheat field». – Дорога извивалась по полю ржи. «I zigzagged through the wheat field». – Я пробирался через пшеничное поле [4, с. 34].

Опираясь на теоретическое понятие «референтной сцены», дающее возможность пользователю с разных ракурсов и многократно обращаться к фрагменту пространства с заполняющим его объектами, выделяя одни и абстрагируя от других, рассмотрим варианты схематизации, в которых участвуют английские и русские предлоги с семантикой пространства и глаголы с общим значением высшего ранга «расположение в пространстве» (о статичных объектах), например, пути от начальной точки горной цепи до её конечной точки. Вариативность восприятия статичного природного объекта говорящим, в основе которого лежит позиция наблюдателя и направление его взгляда, влияет на выбор языковых средств, что демонстрируют схемы в рисунке 4. Если горы воспринимать в терминах их возвышения над поверхностью земли (то есть акцентировать восходящую вертикаль), то востребован предлог «over», который кодирует схему (а). Если воспринимать горы как плотный фраг-

Рисунок 3. Картина реального мира: путь + плотность среды.

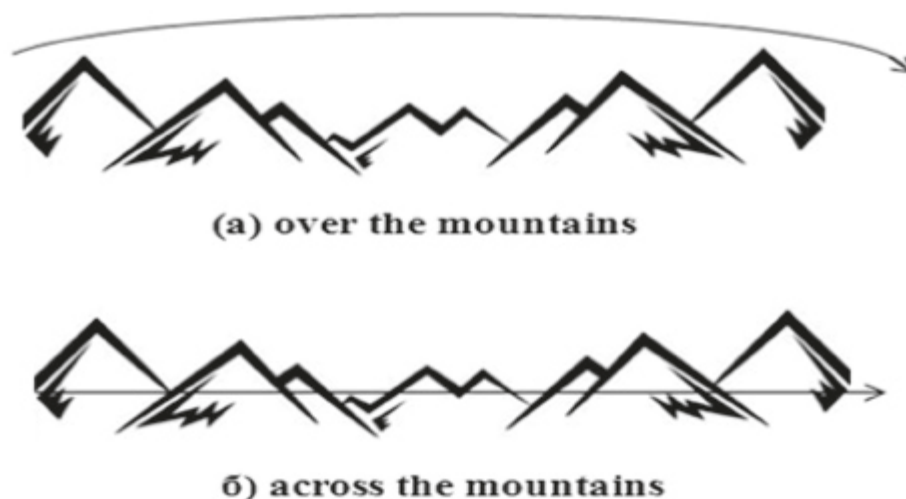

Рисунок 4. Варианты схематизации: вертикаль (over), плотность (across).

мент пространства, по которому проходит путь, то уместен предлог «across», как в схеме (б).

Ситуация в схеме (а) адекватна и эксплицитно выражает движение объекта над объектом. Во второй схеме отмечается значительная степень лингвистической абстракции от реальных деталей, присутствующих в данной ситуации (путь, плотность СРЕДЫ). Цепочка идеализации может быть продолжена переносом акцента на *путь*, по которому можно пройти «across the mountains». Такой путь в реальном мире отличается кривизной, а языковая схема идеализируется от этого свойства. Обращаясь к стилистике наблюдаемого пространства (позиция наблюдателя и направление его взгляда) и логике идеализации, по всем семантическим признакам актуален и вариант схемы (в), где кривая линия – путь, а точки – вершины гор, что демонстрирует рисунок 5.

Предположения о некоторой семантической неадекватности схемы (б) в части высокой степени лингвистической абстракции подтверждаются при изучении употребления глаголов со значением «пролегая на местности, иметь много поворотов» в локальных ситуациях в художественных текстах. Приведем пример, который совпадает со схемой (в), однако здесь процесс схематизации идет при помощи предлога «through», который адекватен и для схемы (б). Кроме того, предлог «through» маркирует СРЕДУ, в которой пролегает статичный объект, с характеристикой её плотности: «The road lies *through* rocks and woods, and is so

twisting that headlights shine full on rocks or tree trunks or over little cliffs...» [11, с. 135]. – *Дорога идет через скалы и леса и так извилиста, что фары светят то прямо на скалы, то на стволы деревьев, то поверх небольших утесов.* В данной локальной ситуации схема, предложенная предлогом «through», компенсируется лексемой другой части речи с аналогичной семантикой «twisting». Сложением смыслов обеих единиц имплицитно выражается ситуация, по своему семантическому содержанию равная схеме (в). Рисунок 6 дает возможность визуально сравнить, как представленная схема в языке соотносится с фрагментами реальной действительности.

Сложнее строится пространственный образ, когда инвариант лингвистической идеализации занимает периферийную позицию и остается за рамками лингвистической схемы. В предлагаемой ниже схеме (а) можно проследить, как, не реализуясь вербально, понятие кривизны пути компенсируется только знанием о мире: «The trail led up the hill/ down the hill» – *Тропа вела в гору/ под гору* [4, с. 34]. Схема идеализации направлена здесь на выражение ориентированности расположения объекта по наклонной поверхности вверх/ вниз и движения по ней наблюдателя к верхнему/ нижнему пределу статичного объекта, как пользователя (максимальное количество сем = «вертикаль» + «плоскость»). За рамками схемы идеализации остаётся рисунок пути в гору, он может быть вариативным. В представ-

Рисунок 5. Варианты схематизации: кривая линия – путь, точки – вершины.

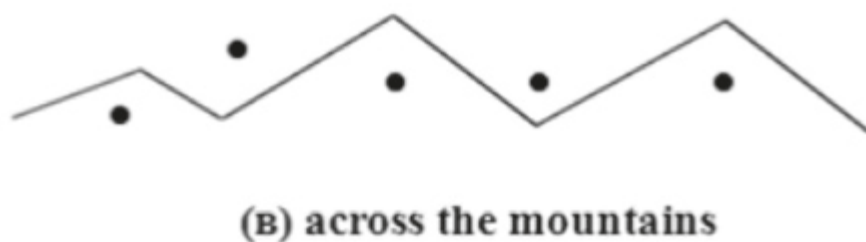

Рисунок 6. Картина реального мира: извилистый путь + плотность среды.

ленных в рисунке 7 схемах проводится параллель со схемами глагольной репрезентации кривизны статичного объекта, пролегающего на местности.

Схемы (б) и (в) демонстрируют, что путь (*up/ down the hill*) состоит из суммы разных по характеру отрезков или векторов и представлен в виде следующих семантических компонентов: «вертикаль» + «горизонталь» + «кривизна», которые в схеме (а) не реализуются. Компонент «кривизна» входит в значения ряда глагольных лексем в английском и русском языках (*curve, loop, wind, meander* – виться, извиваться, петлять и других), но и в них проявляются признаки идеализации. В частности, не реализуется *степень* кривизны. Схема (в) вынесена отдельно от схемы (б) в связи с её детерминированной специфичностью (наложением готовой концептуальной рамки). Семный состав значения глагола «spiral» получает расширение семантическим признаком «вверх», который формирует схему «восходящая вертикаль», тем самым ограничивая рамки идеализации. Этот семантический признак влияет и на лексическую сочетаемость глагола «spiral» с существительными, обозначающими статичные объекты. При применении семантических характеристик значения лексемы к объектам природного комплекса, которые идеализируются до ЛИНИИ (*river, road* – река, дорога) и являются самыми частотными объектами в описании криволинейного пролегания объекта на местно-

сти, происходит некий «сбой», если при глаголе «spiral» в роли субъекта стоит существительное «river/ река». Данная ситуация представляется концептуально невозможной, на смысловом уровне формируется запрет на такую лексическую сочетаемость. Единственным субъектом при глаголе «spiral» остается существительное с общим значением «путь» (*road, path, trail* – дорога, дорожка, тропа, тропинка). Также в роли субъектов могут выступать существительные, обозначающие путь, созданный руками человека и статично располагающийся в рамках природного объекта (*stairway, steps* – лестница, ступени): «Away in the distance a figure could be seen brushing vigorously the steps which spiraled up the side of the mount, on top of which perched a small garden house» [14, с. 170]. – Вдалеке можно было видеть фигуру человека, энергично чистящего ступени, которые спиралью поднимались в гору, на вершине которой расположился маленький домик. В русском языке аналогичная глагольная форма отсутствует. Однако такие существительные, как «спираль, круг, вираж, серпантин», в сочетании с глаголами движения вариативно передают локальные ситуации, равнозначные по семантике ситуациям с английским глаголом «spiral»: «За воротами был туннель, кругами поднимающийся вверх внутри скалы» [9, с. 212]. «Двигались по каменистым тропам, которые поднимали экспедицию вираж за виражом к первому высокогорному перевалу» [9, с. 176].

Рисунок 7. Варианты схематизации: вертикаль + горизонталь + кривизна.

(a) go up/down

(б) wind, zigzag

(v) spiral

Рисунок 8. Картина реального мира: извилистый путь + вертикаль.

«С площадки просматривалась и прилепившаяся к скале узкая тропинка (двум лошадям не разойтись) *серпантинном* полого *поднимавшаяся* к перевалу» [9, с. 222]. Обратим внимание, что в обеих локальных ситуациях реализуется схема аналогичная ситуациям с английским глаголом «spiral» (максимальное количество сем = «вертикаль» + «горизонталь» + «кривизна» + «регулярная повторяемость поворотов»). В рисунке 8 для сравнения с описанными ранее схемами (а) и (б) представлены фрагменты реального мира, которые фиксируют кривизну пути в гору.

Отметим, что при множестве примеров аналогов схемам (а) и (б) в реальной картине мира выявляется сложность демонстрации схемы (в), которую в языке реализует английский глагол «spiral». По-видимому, это должны быть снимки сверху на горную возвышенность, опоясанную линией (лентой) горной тропы, как, например, на изображении рельефа горной местности на топографических картах.

Примером готовой схемы или концептуальной рамки в языке при описании пути, пролегающем на местности, могут служить глаголы «loop» и «петлять». Оба глагола являются производными от имен существительных. В их значении, наряду с семантическими компонентами «кривизна» и «повторяемость поворотов», входит дополнительный семантический компонент «СХЕМА», который ассоциируется с графической фигурой, напоминающей петлю (идеализированная схема петли): «Day by day Dixon rode ahead, searching for the route that avoided a second and third crossing as the stream *looped*, looking for strong grass, avoiding the sage that gave so little nourishment» [16, с. 20]. – *День за днем Диксон скакал вперед, выискивая маршрут, который избегал второй и третьей переправы, так как река петляла, искал участки с хорошей травой, избегая полынный, который был недостаточно питательным.* «Not a quarter-mile beyond, the stream came *looping* in from the right» [16, с. 417]. – *Не более чем через четверть мили появился ручей, выворачивая петлей справа.* «River *loops* and winds» [16, с. 171]. – *Река петляет и извивается.* В последнем примере выявляется семантическое отличие глагольных лексем «wind»

и «loop» по наличию компонента «СХЕМА». Включенные вместе в локальную ситуацию (второй уровень реализации схемы), они качественно дополняют друг друга, а на семантическом уровне создается рисунок вариативного пролегания пространственного объекта на местности, складывающийся из имплицитно выраженных схем [«wind $\Lambda\Lambda\Lambda$ » + «loop $\Omega\Omega\Omega$ » = « $\Lambda\Omega\Lambda\Omega\Lambda\Omega$ »]. Подобным образом реализуется схематизация в локальных ситуациях с русским глаголом «петлять»: «Река *петляла* по ущельям, кипела на водопадах, выкатывалась на плесы и замедляла бег» [6, с. 132]. «Сергей ... пошел вдоль откоса по узкой стежке, *петляющей* между зарослями усыпанной золотистыми сережками вербы и колючими кустами боярышника» [9, с. 165]. В следующей локальной ситуации выражается криволинейный рисунок пролегания объекта на большом фрагменте местности с элементом визуального прерывания этого пролегания, что определяется направлением взгляда наблюдателя, а также присутствием естественного пространственного «ограничителя» – линии горизонта: «*Петляя* по пологому склону сопки, тропинка убегала вверх к линии горизонта и *исчезала* там, растворяясь во мгле предутренних сумерек...» [7, с. 65].

Анализ языкового материала из художественных текстов выявляет отсутствие готовых выражений (межсхемных форм) для промежуточных пространственных конфигураций. Это означает, что пользователь ограничен в средствах выбора схемы, подходящей для адекватной передачи пространственной формы. На этом уровне языки обнаруживают потерю точности в описании пространства, что выражается либо в сверхдетализации, либо в сверхобобщенности. Л. Талми не считает отсутствие межсхемных форм недостатком языка [17, с. 278]. Очевидно, что всем своим объемом относительно специфических морфемных ссылок язык способен обеспечивать достаточно распределенное и плотное маркирование семантического «N» – размерного пространства через индивидуальные и общую семантические сферы. Детализующая схематизация через включение комплекса лексем открытого и закрытого класса работает на компенсацию потери в общем семантическом объеме ло-

кальных ситуаций. Вызывают интерес проблематика семантики межсхемных форм и изучение роли языковых дейк- тических единиц открытого и закрытого класса в создании межсхемных связей при описании фрагментов реальной действительности, что может стать темой самостоятельного проектного исследования [5, с. 52].

Выводы

Явление схематизации в описании фрагментов реальной действительности и наполняющих ее статичных природных объектов в языке художественных текстов реализуется на уровне языковых единиц открытого и закрытого класса (глаголов и предлогов с пространственной семантикой). Система семантической схематизации образов с элементами идеализации связана с процессом отбора и абстракции. При описании фрагментов реальной действительности комплекс единиц закрытого класса выполняет функцию концептуального каркаса. В языке художественных текстов в локальных ситуациях реализуется наложение готовых концептуальных рамок, и актуализируются схемы с элементами идеализации в условиях комбинаторного набора семантических компонентов и признаков в значениях языковых единиц.

Система схематизации пространственных отношений в языке представлена тремя уровнями. Инструментами первого уровня являются элементарные компоненты построения схем, такие как точки, ограниченные и неограниченные линии, ограниченные и неограниченные плоскости. Все эти элементы управляются свойствами, относящимися к их комбинации, координации, взаимоисключения. Второй уровень представляют свойства, относящиеся к функционированию индивидуальных схем (локальная ситуация). Третий уровень включает отношения индивидуальных схем друг с другом внутри большей системы пользования схемой (контекст).

Сравнительная визуализация фрагментов реального мира и языковых схем показывает, что при достаточно плотном маркировании «N» –размерного пространства, обеспечиваемом через индивидуальные и общую семантические сферы, язык обнаруживает проблему потери точности в описании пространства в связи с отсутствием готовых межсхемных форм для промежуточных конфигураций. Детализующая схематизация через включение комплекса лексем открытого и закрытого класса компенсирует потери в общем семантическом объеме на уровне локальных ситуаций и в контексте.

Источники и литература / Sources and references

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 797 с.
2. Гукина Л. В. Наивное восприятие пространства и его отражение в языке художественной прозы и живописи // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 4. С. 88–93.
3. Гукина Л. В. Наблюдаемое пространство в языке: глаголы с дейктической семантикой // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 2. С. 58–65.
4. Гукина Л. В. Семантическая классификация английских и русских глаголов со значением «Расположение в пространстве»: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997. С. 28–36.
5. Гукина Л. В. Проектная работа как технология организации самостоятельной работы студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку / Л. В. Гукина, Л. В. Личная // Технологии организации самостоятельной работы обучающихся: материалы VIII Межрегиональной научно-методической конференции. Кемерово: КемГМУ, 2016. С. 50–52.
6. Емельянов Г. А. Пришельцы. Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1991. 341 с.
7. Жженов Г. С. От «Глухаря» до «Жар-птицы». М.: Современник, 1989. С. 65.
8. Пыхтина Ю. Г., Якимов П. А. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (211). С. 59–65.
9. Суханов В. И. Аватара. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 192.
10. Fillmore C.J. Commentary on the Papers by Klein and Talmy // Spatial Relations. Theory, Research and Application. New York, 1983. P. 302–311.
11. Firbank Th. I Bought a Mountain. Glasgow, Collins Publishers, 1980. P. 5–55.
12. Herkovits A. Language and Spatial Cognition. Cambridge UP, 1986. P. 57.
13. Herkovits A. Semantics and Pragmatics of Locative Expressions // Cognitive Science. 1985. Vol. 9. № 3. P. 341–378.
14. Howard A. The Skylark's Song. Glasgow, Fontana Books, 1982. P. 135.
15. Klein W. Deixis and Spatial Orientation // Spatial Orientation. Theory, Research, and Application. New York, 1983. P. 283–301.
16. Nevin D. Dream West. London, New English Library, 1986. P. 152–401.
17. Talmy L. How Language Structures Space // Theory, Research, and Application. New York, 1983. P. 225–282.

Информация об авторе:

Гукина Людмила Владимировна, к.ф.н., заведующая кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: ling@kemsma.ru. ORCID: 0000-0001-5655-7236.

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Gukina Ludmila Vladimirovna, Ph.D. in Philology, Head of the Department of Foreign Languages of Kemerovo State Medical University. E-mail: ling@kemsma.ru. ORCID: 0000-0001-5655-7236.

Contribution to the article: the full text is written by the author.

Ефремова О. Н.

АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Введение

Поводом для размышлений о достоинстве человека послужило наблюдение последних трех лет, когда среди молодежи замечена тенденция к самоумалению и самоуничтожению в оценке себя. Среди осознанных причин происходящего молодые люди называют дефицит коммуникативного опыта (коммуникативную неуклюжесть, неловкость, некомпетентность), экономическую зависимость от членов семьи, зависимости и привязанности в личных отношениях, ошибочную стратегию в профессиональном самоопределении. Но вместе с тем имеют место сообщения о неясных, интуитивно нащупанных переживаниях «пустоты», «отсутствия опоры», постоянной неудовлетворенности собой, своим проживанием, переживание «тупика», растерянности, трудности целеполагания, выявления «настоящих», не сиюминутных желаний. Этот ряд может быть бесконечно продолжен, поскольку феномены субъективного проживания неисчислимы.

Общим знаменателем этих феноменов выступает проблема человеческого достоинства, а именно осознанного обнаружения оснований этого достоинства самим человеком, соединенности с этим основанием. В общественном мнении имеет место подмена понятия достоинства понятием заслуги. За имеющиеся заслуги человек может быть признан успешным, полезным. Заслуги могут оценены, одобрены, но достоинство человека не подлежит внешней оценке и не зависит от признаний окружающих.

«Достоинство – характеристика человека с точки зрения его внутренней ценности, соответствия собственному предназначению». [4; 694]. Образ человека, обладающего достоинством, был сложен уже в античности (Аристотель, Эпикур, стоики). Основанием достоинства признано соответствие представлению о высшем предназначении человека. Христианство усматривает в человеке основанием достоинства его устройство по образу и подобию Божьему.

История становления человеческого самосознания в форме философского и религиозного дискурса сохранила множество предпринятых человеческих рефлексивных опытов, содействующих решению поставленной проблемы – основания человеческого достоинства.

Поскольку данное эссе реализует цель почти адресного ответа для молодого человека на поставленный вопрос об основаниях человеческого достоинства, будет предпринята попытка формулировать ответ в философских и религиозных категориях и понятиях. Еще более широко поставленная просветительская цель: популяризация философского и религиозного знания среди молодежи.

Приходится с очевидностью признать, что человеческое самоотношение (самоуважение, самооценочность или самоуничтожение, ничтожность) находятся в некоторой зависимости от того характера отражения, которое человек воспринимает в ответ на свое предъявление в социальных группах (семья, школьный класс, дворовая компания, студенческая группа и т.п.).

Также следует признать, что это упомянутое социальное отражение детерминировано принятыми гласными и негласными правилами, критериями членства, критериями признания и оценки значимости того или иного человека в референтных для него сообществах. Эти критерии находятся в социально-экономическом измерении, и оценка по ним производится на основании видимых, фиксируемых, измеряемых признаков: ценовой диапазон покупок, социальный статус, собственный или родителей, престиж (жилья, автомобиля, места учебы или работы и т.д.).

Достоинство человека поставлено в зависимость от социальной оценки по критериям внешним, т.е. не соотносимым с личностными усилиями человека, с его авторской инициативой. До тех пор, пока эта зависимость будет определяющей, достоинство человека остается под угрозой обесценивания.

Чтобы человеческому достоинству не угрожало обесценивание, представляется необходимым смещение фокуса внимания с внешних социальных характеристик и параметров на субъективно значимые и достигаемые личностными усилиями. Такой перемене могла бы содействовать практика ответов на подобные вопросы:

Что во мне изменчиво (качества, свойства, состояния, характеристики), а что остается постоянным? Является ли это постоянное результатом моего выбора? Что хотелось бы сохранить в себе как личностное постоянство?

- Что общего во всех совершаемых мною этических выборах (решениях)? В форме поступков? В мотивах поступков?
- Какие ценности определяют мои цели? Что мне помогает в достижении целей?
- Каковы лично мои усилия для достижения целей? Удовлетворен ли я полностью и мерой совершенных мною усилий (мог ли я сделать больше или лучше?)
- Какие из поставленных целей на сегодняшний момент мною достигнуты?
- Какова моя роль, мое участие в достигнутом?
- Что приносит мне удовлетворение и переживание полноты жизни? Какие усилия я предпринимаю, чтобы достичь этого удовлетворения и полноты жизни?
- Что меня по-настоящему радует? Вдохновляет? Что

пробуждает интерес к жизни? Как я помогаю себе находиться в этих состояниях?

Этот ряд вопросов может быть продолжен и адаптирован при желании и необходимости. Это только иллюстрация к тому вектору внимания, который необходимо направлен к субъективной реальности, где возможно возрождение человеческого достоинства.

Субъективные критерии (заложенные в вопросах) позволяют человеку удержаться в субъектной (авторской, созидательной) позиции и вместе с тем удержать в сознании созданное, воплощенное, исполненное, достигнутое, обретенное в душевных усилиях.

Основание человеческого достоинства составляют:

Принятие и осознание своей имманентной свободы: ценность любого осознанного созидательного акта высока именно потому, что всегда остается за человеком возможность отказа совершать это усилие воли и сознания (разумной воли). Принудительно осуществляемые добродетель, выражение любви, покорности, признания, почтение не обладают той ценностью, как свободное волеизъявление, основанное на осознанном, осмысленном решении, выборе. В основание достоинства положен осознанный выбор человека в пользу самосозидания и самоосуществления при всякой возможности отказа от такового.

Жан-Поль Сартр свидетельствует в пользу признания свободы человека как неизбежности, отягощающей его бытие. В осознании свободы как данности бытия открывается необходимость конструирования (конституирования) реальности, необходимость выступать автором собственного жизненного проекта, движения от существования к созиданию своей сущности.

Ранее о необходимости человеческого самоопределения было сказано в произведении Дж. Пико делла Мирандолы «Речь о достоинстве человека». «Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: "Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире» [1; 506–507].

Пауль Тиллих в трехтомнике «Систематическая теология» говорит о свободе только в ее взаимосвязи с судьбой: «Моя судьба – это основа моей свободы, моя свобода участвует в формировании моей судьбы». Автор поясняет: «когда я принимаю решение, то принимает решение ... конкретная совокупность всего, что составляет мое бытие». И еще: «Наша судьба – это то, откуда возникают на-

ши решения. Это та конкретность нашего бытия, которая делает наши решения нашими решениями» [5; 218]. Свобода и судьба также связаны поставленными целями и соединены в точке, которую можно назвать субъектной (авторской, созидательной позицией–субъектностью).

Свобода как данность оказывается чаще обременительной из-за требования держать ответ за совершенный выбор. Грех первого человека состоял именно в том, что он отрекся от данной ему свободы и не предстал перед Богом в ответе за свой выбор. В работе В.Н. Лосского об этом говорится следующее: «Плод съеден, и грех развивается несколькими этапами. Когда Бог зовет Адама, Адам, вместо того, чтобы с воплем ужаса броситься к своему Создателю, обвиняет жену, «которую, – подчеркивает он, – Ты мне дал». Так человек отказывается от своей ответственности, перекладывает ее на жену и, в конечном счете, на самого Бога» [2; 165]. Там же автор замечает: «Змий книги Бытия, как и «древний змий» Апокалипсиса, – это сатана. Он присутствует в земном раю именно потому, что человек должен пройти через искусы свободы» [2; 164]. Это испытание не ограничивалось выбором между отказом или согласием съесть плод с дерева познания. Искусы змея были призывом к бунту, состязанию с Богом. «... всё дело здесь – в личных отношениях между Богом и человеком. И когда Ева видит, что дерево прекрасно, появляется некая ценность вне Бога. «Вы будете как боги», – говорит змий» [2; 164]. В человеке действительно предусмотрена Богом задача, которая сформулирована так: «по образу и подобию». И не было препятствий для Бога к тому, чтобы человек сразу отвечал этой задаче кроме одного – свободный осознанный выбор самого человека, любовь и труд. Нет ценности в принудительной встрече, в принудительном уважении и любви. Ни настоящее присутствие во встрече, ни уважение, ни любовь невозможно получить иначе как в свободном выборе. Бог желал свободного осознанного выбора человека к его обожению, потому испытывал. Но первый человек предпочел отказаться от вверенной ему свободы и представить себя следствием действия череды детерминант. «Чтобы быть тем, кем должен быть любящий Бога, нужно допустить возможность обратного: надо допустить возможность бунта. Только сопротивление свободы дает смысл согласию» [2; 155].

Возвращаясь к поставленной задаче – выявлению оснований человеческого достоинства, следует резюмировать: одним из таких оснований человеческого достоинства выступает имманентная самому бытию человека свобода и способность человека совершать осознанный выбор, принимая следствия.

Самотрансценденция как способность и потребность.

Человеку нельзя игнорировать опыт своей свободы, иначе ему грозит падение до состояния звена биоцено-

за. Опыт свободы человека – это опыт самотрансценденции за пределы детерминированного бытия. Для человека открыт такой уровень бытия, где нет причинно-следственных связей – трансцендентное. «Самотрансцендирование – функция жизни, в которой жизнь выходит за пределы самой себя как конечной жизни» [5; 38].

Жизнь человека по самой своей природе одновременна и в себе, и над собой. Это проявляется в устремлении человека к возвышенному – выход за пределы в направлении великого, торжественного, высокого.

Примерами опыта самотрансценденции можно считать исполнение духовных потребностей человека, его состояния агапэ (платонической любви), состояния единения с миром Искусства и миром Природы, моменты подлинной (экзистенциальной) коммуникации. Стоит добавить, что самотрансценденции как устремленности к сакральному противостоит профанное, находящееся «за дверьми храма, вне священного» [5; 99].

Самотрансценденция выступает основанием человеческого достоинства как свидетельство его духовного измерения жизни, его несводимости к биологической данности.

Источник бытия, жизненная сила как основание человеческого достоинства

Источник бытия, согласно Шопенгауэру, есть Мировая Воля как потенция, жаждущая своего осуществления, воплощения в материи. Каждый человек движим этой Мировой Волей к своему осуществлению и исполнению. Жажда бытия, пробивающая себе дорогу в человеке, через человека, задает ему необходимый вектор движения – становления. Эта сила, действующая в каждом из нас и сквозь нас, есть одно из фундаментальных оснований человеческого достоинства. Достоинство человека соотносимо с ценностью его жизни как полученной из единого всеобщего источника бытия – Мировой Воли.

Благо как цель самоосуществления.

Речь идет об изначальной потенции бытия, не сводимой к генетическим и общим эволюционным программам становления человека как биологического вида.

В истории философии известны концепции, обнаруживающие у человека скрытую в нем жизненную потенцию, раскрывающие ее природу и путь к самоактуализации. Так, в философии Сократа и Платона душа человека признается сопричастной Единому, Истине, Благоу и несет в себе потенцию, требующую раскрытия, претворения в действительность путем душевных же усилий. Душа, согласно упомянутым мыслителям, приобщена всеобщей потенции бытия, которое желает быть раскрытым осуществленным в человеке и посредством человека. Эта задача – самоосуществления бытия – не может не исполняться, т.к. ее источник внеположен человеку. Так, поставленная задача осознается человеком как противоречие между возможным и действительным, наличным

и потенциальным, что выступает источником движения. Речь об онтологическом движении – становлении, самоосуществлении. Эта единая человеческая потенция содержит общий вектор, устремленный к «благу» как наилучшему из возможных образов бытия. Аристотель называет внутреннюю заложенную в человеке цель (telos) самоосуществления энтелехией. Отвечая на поставленный вопрос об основаниях человеческого достоинства в данном контексте следует указать на «Благо» как всеобщий telos, получающий реализацию и в человеке. Иными словами, основанием достоинства выступает нацеленность человека к Благоу как наилучшему из возможных образов своего бытия.

Созидание и самоосуществление – творческий процесс в самом его широком значении. Иммануил Кант в своем труде «Критика чистого разума» убеждает в наличии человеческой способности созидать образы восприятия, концепты мышления, создавать свою картину мира на основе присущих самой познавательной способности априорных форм.

Последователи учения И. Канта – неокантианцы (создатели Марбургской и Баденской школ) еще более акцентировали внимание на человеческой созидательности, постулируя тезис: разум не столько отражает мир, сколько его творит, конструирует, вносит связь и порядок в хаотичное внешнее бытие. Разум формирует бытие. «Только само мышление может породить то, что может быть обозначено как бытие». Г. Коген. В. Виндельбанд, Г. Риккерт формулируют тезис: «Человек постулирует ценности и испытывает их воздействие на себе». Эти ценности не существуют в природе, они рождаются в человеческом сознании. Создание ценностей – творческий акт человека.

Фридрих Ницше признает в человеке творческое начало и выражает это словами иранского пророка Заратустры: «Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, - он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называет он себя «человеком», т. е. оценивающим. Оценивать – значит созидать: слушайте, вы, созидающие! Оценивать – это драгоценность и жемчужина всех оцененных вещей. Через оценку впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия. Слушайте, вы, созидающие!»

Созидание и самоосуществление есть творческий процесс, который совершается в каждом осознанном человеческом акте: в актах восприятия, в актах мышления, в актах воображения, в актах решения и желания. Именно человек способен выступать автором собственного жизненного проекта.

Совершенный душевный труд – признание ценностью тех совершенных душевных усилий, которые сделали возможным себя сегодняшнего (необходимы рефлексия и интроспекция, чтобы посмотреть на исполненные

осознанные решения и их результаты, на разрешенные этические дилеммы и борьбу мотивов со сложившимся исходом, на поставленные цели и пути их достижения. Обесценивание душевного труда – один из симптомов лишения себя человеческого достоинства.

Резюме

Человек, наделенный разумом и помещенный в условия имманентной его бытию свободы, не может быть успокоен. Разум человека оперирует и живет антиномиями, порожденными самими условиями человеческого существования: рождение – смерть; смысл – абсурд; свобода – судьба; я – другие, профанное – сакральное и т.д. В самом ходе постоянного разрешения антиномий путем лишь собственных сознательных актов человек созидает себя, пребывает в становлении собственными усилиями воли и разума.

Замыкание на задачах своего развития как представителя биологического вида грозит человеку душевным

оскудением, пустотой, отсутствием личных смыслов, неудовлетворенностью, неисполненностью.

Человеческий разум имеет потребность и возможность собственной трансценденции – «перешагивания», «заглядывания за...», поднимаясь над своей биологической данностью, попадать в мир созданных и создаваемых смыслов, идей и ценностей, в мир духовный, разумный, мир Истины.

Творческая потенция и способность к трансценденции даны человеку как общая жизненная потенция, как жажда жизни и самоутверждения этой жизни в актах свободной воли и сознания.

Завершаю эссе цитатой М.К. Мамардашвили: «А мы живем в ситуациях, когда все никак не можем признать достоинство человека. Живем в ситуациях, когда никакая мысль не прививается. Не просто по глупости. А потому, что додумывание ее до конца ставит под вопрос нас самих. И никогда не извлекаем опыт. Все заново и заново повторяется, раз сохраняем себя против всего того, что не можем вместить, не изменившись сами» [3; 57–63].

Источники и литература / Sources and references

1. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. М., 1962. С. 506–507.
2. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Академический проект; Парадигма, 2015. 543 с.
3. Мамардашвили М.К. Философия – это сознание вслух // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. Стр. 57–63
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т.1. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010, 744 с.
5. Тиллих П. Систематическая теология. Т.3. Жизнь и Дух. История и Царство Божие. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.

Информация об авторе:

Ефремова Ольга Николаевна, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета, Petrola7877@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8494-4102

Вклад в статью: текст в полном объеме написан автором.

Author information:

Efremova Olga Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kemerovo State Medical University, Petrola7877@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8494-4102.

Contribution to the article: the text is written in full by the author.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Правила для авторов

К публикации в научном журнале «Вестник общественных и гуманитарных наук» принимаются статьи, авторами которых являются академические ученые, преподаватели вузов, докторанты и аспиранты. Статьи студентов не принимаются даже в соавторстве с кандидатами и докторами наук. Предоставляемые материалы должны быть самостоятельными авторскими произведениями, отвечающими критериям научности, либо представлять собой самостоятельное экспертное заключение по проблеме.

Алгоритм работы со статьей

1. Статья загружается на сайт журнала! Статья загружается двумя файлами. В основной файл грузится статья, в дополнительный файл грузятся одним документом «Источники и литература» и «Информация об авторе (авторах)».

2. При загрузке происходит автоматическая проверка на антиплагиат. К публикации принимаются работы, проверенные с помощью системы АНТИПЛАГИАТ, с оригинальностью не менее 75 %. Все статьи публикуются в авторской редакции. Рекомендуемый объем текста от 12 000 до 36 000 печатных знаков с пробелами. **Учитывается объем статьи, без аннотаций на русском и английском языках, без списка литературы и информации об авторах. Если оригинальность менее 75 %, статья отправляется на доработку.**

3. В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию.

4. Технический редактор в течение 7 дней проверяет статью, делает замечания автору. Статья отправляется автору на доработку.

5. После исправления замечаний автор статью загружает заново на сайт.

6. Технический редактор проверяет повторно статью, выносит заключение: отправить статью повторно на доработку или рекомендовать к рецензированию.

7. Рецензирование осуществляют 2 рецензента. В случае возникновения спорной ситуации Редакционная коллегия вправе привлекать внешнего эксперта.

8. В случае двух отрицательных рецензий статья отклоняется без права повторной подачи материала. Редакционная коллегия не вступает с авторами в переписку и полемику.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. УДК.
2. Фамилия и инициалы автора (авторов).
3. Название статьи.

4. **Аннотация** (объем от 150 до 200 слов):

- предмет,
- методы,
- результаты работы,
- выводы.

Аннотация не должна дословно повторять текст статьи.

5. **Ключевые слова.** Не менее 10 слов (словосочетание считается за 1 слово). Не должны повторять название статьи.

6. **Конфликт интересов.**

7. **Источники финансирования.**

8. **Для цитирования.**

9. **Пункты 2 – 8 повторяются на английском языке.**

10. **Текст статьи:**

Введение.

- актуальность,
- степень изученности темы (обзор литературы по теме),
- объект,
- предмет,
- цель,
- методология и методы

Результаты исследования

Выводы

Данная часть представляет собой обоснованные выводы, сделанные путем анализа полученных результатов. В ней необходимо отразить, достигнута ли поставленная цель (подтверждение гипотезы). Обобщенное представление результатов исследования. Теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

11. **Источники и литература.** В списке указываются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи. Не менее **10 источников.**

10. **Информация об авторе** (авторах), включая расшифровку ФИО, место работы, должность, e-mail, ORCID автора. Если работа в соавторстве (не более 3 авторов), то указывать качественный вклад каждого автора. Дата поступления статьи в редакцию. Далее информация об авторах указывается на английском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

1. Текст статьи набирается шрифтом TimesNewRoman, размер шрифта 14,

межстрочный интервал – 1,5;

от 12 000 до 36 000 печатных знаков с пробелами.

Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 1,25 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц).

Требования к оформлению текста:

Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках – лапками (“ ”).

Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.

Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).

Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., А. Е. Сидоров. Неправильно: А.Е. Сидоров.

Фотографии, диаграммы, рисунки в формате TIF, JPG, PNG. Графики в программе Excel.

2. Заголовок статьи необходимо предоставить на русском языке, прописными буквами, размер шрифта – 14, жирный, по центру.

3. Инициалы и фамилия автора – строчными буквами, размер шрифта – 14, полужирный, курсив.

4. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).

5. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется в алфавитном порядке, **предваряется словом «Источники и литература»**. Ссылки на научные источники из Интернета допускаются и должны быть оформлены в соответствии с требованиями следующих стандартов:

Цитируемая литература указывается в квадратных скобках: [44, с. 25– 26].

ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления

ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ:

1. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.

2. Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Составитель Д. В. Громов; отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. 340 с.

3. Краснова О.В. Современные методы исследования психологических особенностей подростков // Психологическая наука и образование. 2006. Том 11. № 2. С. 31–38.

4. Беликов С. В. Бритоголовые. Всё о скинхедах. Эксклюзивные материалы. Доступно по: <https://www.litmir.me/br/?b=2908&p=1> Ссылка активна на 10.11.2021.

5. Шиллер В.В., Шапкина Е.В., Огнев Д.А., Валиуллина Е.В., Боровикова З.В., Старостин А.Н. Региональный мониторинг экстремистских настроений и проявлений: принципы, методы, практика. Кемерово, 2019. 151 с.

Подготовка статей

Для представления статьи авторы должны подтвер-

дить нижеследующие пункты. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

Эта статья ранее не была опубликована, а также не представлена для рассмотрения и публикации в другом журнале (или дано объяснение этого в Комментариях для редактора).

Файл отправляемой статьи представлен в формате документа OpenOffice, Microsoft Word, RTF или WordPerfect.

Приведены полные интернет-адреса (URL) для ссылок там, где это возможно.

Текст набран с полуторным межстрочным интервалом; используется кегль шрифта в 14 пунктов; для выделения используется курсив, а не подчеркивание (за исключением интернет-адресов); все иллюстрации, графики и таблицы расположены в соответствующих местах в тексте, а не в конце документа.

Текст соответствует стилистическим и библиографическим требованиям, описанным в Руководстве для авторов, расположенном на странице «О журнале».

Если вы отправляете статью в рецензируемый раздел журнала, то выполнены требования документа Обеспечение слепого рецензирования.

Авторские права

Авторы, публикующие в данном журнале, соглашаются со следующим:

Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Авторы сохраняют право заключать отдельные контрактные договорённости, касающиеся не-эксклюзивного распространения версии работы в опубликованном здесь виде (например, размещение ее в институтском хранилище, публикацию в книге), со ссылкой на ее оригинальную публикацию в этом журнале.

Авторы имеют право размещать их работу в сети Интернет (например, в институтском хранилище или персональном сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению и большему количеству ссылок на данную работу (См. The Effect of Open Access).

Приватность

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого журнала, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим журналом, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.